

ISSN (ONLINE): 2312-2757

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Язык

и Текст

**Language
and Text**

INTERNATIONAL
ELECTRONIC JOURNAL

№4 (6) 2019

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

Содержание журнала

«ЯЗЫК И ТЕКСТ»

Выпуск № 4-2019 г.

Рубрики, авторы, названия статей	Страницы
ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ	
Мобили Р.	
Удины в палитре многообразия и мультикультурализма Азербайджана	7-11
Вититнев С.Ф., Шмелева А.В.	
Язык политической науки античной Греции	12-17
МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ	
Дергачева И.В.,	
Образы Италии в художественном наследии Достоевского	18-25
Михайлова М. В.,	
Особенности рецепции творчества Ф.М. Достоевского в европейском кинематографе первой трети XX века (на примере немецкого и итальянского кинематографа)	26-33
ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР	
Кирсанов А.И.,	
Конфликты в общеобразовательных организациях. Причины усиления конфликтности образовательной среды.	34-43
Михалкин Н. В., Аверюшкин А. Н.,	
Значение и смысл текста учебников с позиций философского подхода и роль этих феноменов в образовательном процессе	44-52
МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	

Лю Цинлин,

Русский и китайский лингвокультурный концепт «семья» 53-59

Олтушык А.Б.,

Изменение языковой личности при изучении
иностранного языка 60-64

ХРОНИКИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

**Конференция «Проблемы лингводидактики и межкультурной
коммуникации»** 65

Асташина М.С.,

Языковой курс - это не только один лишь учебник. Это сложный набор
взаимосвязанных образовательных компонентов 66-71

Блохина А.А.,

Русские фразеологизмы и колоризмами «красный», «белый», «черный» в
текстах СМИ 72-78

Еременко А.М.,

Влияние ведущего полушария на изучение иностранного языка 79-81

Карелина А.В.,

Исследование авторских приемов формирования языковой картины мира при
обучении билингвов жанру баллады (на примере русской и английской
литературы) 82-90

Киселева И.Д.

Концепт «Семья» в русской и немецкой языковых картинах мира 91-96

Захарова В.Н., Муромцева М.В.

Использование видеоматериалов на уроках английского языка как средства развития межкультурной компетенции учащихся 97-103

Шклярук А.

Лексико-семантическое поле «судьба»/ «kader» в русском и турецком языках (на примере текстов песен) 104-109

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Исхакова З.З.,

Семиотический взгляд на кросскультурное пространство 110-117

ПСИХОЛИНГВИСТИКА. СОЦИОЛИНГВИСТИКА. ЭТНОЛИНГВИСТИКА.

Селендили Л.С.,

Лексикографическая параметризация терминосистемы по крымскотатарской филологии 118-124

GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS**Mobili R.,**

Odins in the Palette of Diversity and Multiculturalism of Azerbaijan 7-11

Vititnev S. F., Shmeleva A.V.,

The Language of Political Science in Ancient Greece 12-17

WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY**Dergacheva I.V.,**

Images of Italy in the Artistic Heritage of Dostoevsky 18-25

Mikhaylova M. V.,

The Peculiarities of the Reception of the Literary Works of F.M. Dostoevsky in the European Cinematography of the 1st Third of the XXth Century (on the Example of the German and Italian Cinematography) 26-33

LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING**Kirsanov A. I.**

Conflicts in Educational Institutions. Causes of Conflict of Educational Environment 34-43

Mikhalkin N.V., Averyuushkin A. N.

The Meaning and Meaning of the Text of Textbooks, from the Point of View of the Philosophical Approach, the Role of These Phenomena in the Educational Process 44-52

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND GLOBALIZATION**Liu Qin Lin**

Russian and Chinese Linguistic and Cultural Concept "Family" 53-59

Oltuszyk A.B.,

Changing a Language Person in Learning a Foreign Language 60-64

CHRONICLES OF SCIENTIFIC LIFE

Astashina M.S.,

The Language Course Is Not Just a Book. It Is a Complex Set of Educational Components 66-71

Blokhina A.A.,

Russian Phraseological Units With Colors "Red", "White", "Black" in Media Sources 72-78

Eremenko A.M.,

The Influence of the Leading Hemisphere on the Learning Foreign Language 79-81

Karelina A.V.,

The Study of the Author's Methods of Formation of a Language Picture of the World at Teaching Ballad Genre to Bilingual Students (on the Example of the Russian and English Literature) 82-90

Kiseleva I.D.

The Concept of "Family" in Russian and German Language Pictures of the World 91-96

Zakharova V. N., Muromceva M. V.

Using Video Materials in English Lessons as a Means of Developing Intercultural Competence of Students 97-103

Shklyaryk A.

Lexico-Semantic Field "Fate/Kader" in Russian and Turkish (on the Examples of Songs) 104-109

PROBLEMS OF MODERN LINGUISTICS

Iskhakova Z.Z.,

Semiotic View at Cross-Cultural Sphere 110-117

PSYCHO-, SOCIO- AND ETHNOLINGUISTICS

Selendili L.S.,

Lexicographic Parameterization of the System of Crimean Tatar Philological Terms 118-124

Общее и сравнительно-историческое языкознание

Удины в палитре многообразия и мультикультурализма Азербайджана

Мобили Р.,

*Старший научный сотрудник Бакинского государственного университета;
Председатель Албано-удинской христианской общины Азербайджана, г. Баку,
Азербайджан, argomobili@rambler.ru*

Статья посвящена описанию межрелигиозной и межэтнической толерантности и многообразия в модели мультикультурализма Азербайджана на примере удин – малочисленного народа, являющегося правопреемниками автокефального христианства в Кавказской Албании и прямых потомков кавказских албан. Настоящая статья призвана подчеркнуть исторические корни, которые обусловили рождение и существование религиозной терпимости в многонациональной стране. Рассматривается также модель удинского феномена самосохранения этноса в поликультурной модели мира.

Ключевые слова: Азербайджан, удины, толерантность, христианство, Кавказская Албания, поликультурная модель мира.

Для цитаты:

Мобили Р. Удины в палитре многообразия и мультикультурализма [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. №4. С. 7-11. doi: 10.17759/langt.2019060401

For citation:

Mobili R.. Odins in the Palette of Diversity and Multiculturalism of Azerbaijan [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 4, pp. 7-11. doi: 10.17759/langt.2019060401 (In Russ., abstr. in Engl.)

В настоящее время важность приобретает необходимость межконфессионального и межэтнического диалога, особое значение приобретают новые методы анализа ситуаций, помогающих снять остроту во взаимоотношениях наций, разных культур и религий, а также межкультурного и межконфессионального диалога. В этом социально-политическом контексте приобретает актуальность превращение толерантности, имеющей глубокие исторические корни в стране, в настоятельную необходимость сохранения поликультурного и поликонфессионального диалога этносов. После восстановления в Азербайджане независимости, были созданы в стране были созданы благоприятные условия для дальнейшего укрепления межконфессиональных отношений, утверждения национально-духовных ценностей, дальнейшего упрочения исторически сложившихся условий терпимости, межнационального и межрелигиозного диалога.

По данным истории, формирование современного азербайджанского народа происходило путем синтеза нескольких племен и народностей. Народы и племена вместе проходили испытания в борьбе за независимость, свое историческое прошлое, сохраняя целостность и выживая вопреки тяжким испытаниям, выпавшим на долю народов. В современном Азербайджане наряду с титульным этносом живут более 20 коренных племен-

национальных меньшинств, которые и составляют многонациональный народ Азербайджана. Среди этих коренных меньшинств одно из заметных мест занимают удины (самоназвание - уди), Албано-удинская христианская община, происхождение и история которой уже более двух веков привлекают внимание ученых – лингвистов и историков всего мира. Впервые исследователи проявили интерес к истории Кавказской Албании в начале XIX века. С тех пор появилось несколько сот работ по истории, антропологии и языку, религии, лингвистике, этнографии и происхождению и культуре, а также традициям и обычаям древнего удинского народа [2, 446; 6, 250-256; 8, 170-199; 9, 216; 10, 26-29; 11, 214; 22, 79-80]. Согласно этим данным, научно доказано, что удины являются одним из древнейших народов - жителей Кавказа, первые достоверные сведения о племени утиев, тем не менее, появились 2500 лет тому назад в трудах "отца истории" Геродота при описании Марафонского сражения. Впервые этноним "удины" появляется в "Естественной истории" римского автора I века н. э. Плиния Старшего. Удины зафиксированы в древних источниках как участники битвы Александра Македонского с персами при Гавгамелах (331 г. до н.э.) в составе войска сатрапа Мидии. Об удилах пишет в своем известном труде - "Географии" авторитетный историк Страбон при описании местности Каспийского моря и государства Кавказская Албания. В "Географии" эллинского писателя II века н. э. Птолемея сообщается, что у Каспийского моря живут различные племена, в том числе ути ("уди"). Наиболее подробные свидетельства об удилах содержатся в "Истории албан" местного автора Моисея Утийского (Каланкатуйского), что в переводе на удинский язык кала – «большой», кату – «поселение», [14, 87-88], жившего в VII веке и принадлежавшего, по его собственным словам, к албанскому племени [12, 56-57] .

Удины являются самым древним аборигенным народом на территории современного Азербайджана и одним из древнейших коренных этносов Кавказа. Удины признаны предками современного азербайджанского народа. В настоящее время общая численность удин - более 10 000 человек, из них основная часть удин, около 4,0 тыс. человек, проживают в Азербайджане на своей исторической родине - компактно в п. Нидж Габалинского района и рассеянно в Огузе и Баку. Небольшая группа удин также компактно проживает в Грузии, в регионах России, Украины, Беларуси и Казахстана. Нидж как основа и основная территория компактного проживания удин является уникальным местом, где проживают основной костяк народа, сохранивший свой этнокультурный пласт, азербайджанцы и лезгины, проживающие в равнинной местности на площади более 100 кв. км, у подножья южного склона Большого Кавказа.

Удины - народ, который прошел сложный и долгий путь своей истории от язычества до христианства. Сегодня удины являются носителями традиций восточного христианства и в современных условиях четко ориентированы на возрождении своей церкви и всего Албанского Ренессанса. Удины как прямые потомки кавказских албан [8, 110-119] являются носителями древней культуры, они сумели сохранить вековые традиции, духовное богатство, самобытный язык. На территории Ниджа зафиксированы древние культовые объекты, такие как древние сакральные места поклонения, храмы различных конфессий, синагога, три церкви и две мечети [13, 165-172; 15, 22-77] .

Находясь в окружении таких монотеистических религий, как ислам и христианство, удинский этнос как правопреемник Автокефальной Апостольской Церкви Албании (Кавказской) являлся феноменом модели религиозной терпимости и понимания, и, несмотря на все исторические катаклизмы, служил в мусульманском окружении фактором, который обеспечивал национальное единство и сохранность своей христианской сути.

Рассмотрим основные факторы и аспекты модели сохранения этноса и его национальной и религиозной идентичности.

Традиционный фактор. Организация и традиции проведения древнего весеннего праздника Новруз, общего здесь для христиан и мусульман, - важный фактор воспитания религиозной толерантности, сотрудничества и интеграции язычников, христиан и мусульман, проживающих на соседних с удинскими территориях.

Архитектурно-бытовой фактор. В архитектурном плане дома удин-христиан в настоящее время имеют свою особенность - отличаются наличием веранд с трех сторон большого, чаще двухэтажного, дома.

Генетический аспект. Генофонд удин идентичен таковому коренных кавказских этносов.

Психо-социальный аспект. Многие иностранные путешественники, ученые и исследователи, такие как, например, (Александр Дюма [1, 122-123], Эвлия Челеби [21, 1-9], Эдвард Дюралье [20, 106- 110] и другие [3,212-244]), на протяжении нескольких веков изучали и писали о религиозной терпимости и толерантности народов Азербайджана. В своих дневниках они писали о таких феноменах воспитания, как социальная гармония, мир, сотрудничество, терпимость и сплоченность, которые доминировали над религиозными разногласиями, конфликтами и дискриминацией между людьми.

Взаимоотношения и религиозные убеждения. Удины как один из народов, входящих в состав Кавказской Албании приняли христианство в начале IV века, однако в 1836 году указом царя Николая I была ликвидирована Албанская Апостольская Автокефальная церковь. С тех пор удины оказались между двумя основными религиями мира. С IX века часть удин принимает мусульманство. в настоящее время соотношение между религиозными общинами не только в городе, но и на уровне удинской общины явно претендует на доминирование мусульманской религии. Между тем, история подтверждает историческое сосуществование двух религий, взаимоуважение к религиозным обрядам, взаимных визитов для таких случаев, как Рождество, Пасха, Гурбан Байрам (Праздник жертвоприношений). Удины-христиане и сегодня отмечают жертвоприношение как ритуальный праздник. Оказавшись между двумя религиями, исповедуя обе, удинский народ сумел найти путь к существованию внутриудинской религиозной терпимости и уважению соплеменников, исповедующих другую религию. С этой точки зрения, можно заметить, что нет ни одного зафиксированного историками документа, который бы подтверждал когда-нибудь какой-либо межрелигиозный или межэтнический конфликт, имевший место в историческом прошлом.

Религиозная терпимость и культурная ценность. Исторический путь удин показывает, что одной из самых отличительных культурных ценностей многонационального азербайджанского этноса является религиозная терпимость и толерантность к другим религиям.

В заключение следует отметить, что роль удин в создании Кавказской Албании и мощного христианского наследия была решающей, о чем свидетельствуют переводы синайских палимпсестов, произведенные при помощи удинского языка. Удины сумели также до сих пор сохранить свои культурные, религиозные и этнические ценности. Удинская церковь сегодня является составной частью Албанской Апостольской Автокефальной Церкви, ее единственным и правомочным преемником, что является безусловным результатом духовного посыла албанского этно-религиозного наследия, пронесенного сквозь века и сохранившегося в генах древнего народа.

Литература

1. Дюма А. Путешествие на Кавказ // Глава «Удины...» / перевод с фр. Г. Пашаева и Г. Аббасова на азерб. язык. Изд-во «Элм», 1985. С. 122-123.
2. Алексеев М.Е., Майсак Т.А., Ганенков Д.С., Ландер Ю.А. Удинский сборник /грамматика, лексика, история языка. Изд-во «Академия» РАН (Институт языкознания и Институт востоковедения России), М., 2008. 446 с.
3. Бежанов М. Краткие сведения о Варташене и его жителях // СМОНПК, вып.. XIV, 1892. С. 213-262.
4. Гукасян В. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Изд-во «Элм». Баку, 1974. 260 с.
5. Гусейнов Р.А. Удины // ИРС («Наследие») / Международный журнал. № 3 (33). М., 2008. С. 22-25.

Мобили Р.
Удины в палитре многообразия и
мультикультурализма
Язык и текст
2019. Том 6. № 4. С. 7–11.

Mobili R.
Odins in the Palette of Diversity and
Multiculturalism of Azerbaijan
Language and text
2019, vol. 6, no 4, pp.7–11.

6. *Джавадов Г. Дж., Гусейнов Р.А.* Удины (на азерб. языке) // Историко-этнографическое исследование. Изд-во «Элм», Баку. 1999. 256 с.
7. *Кечаари Г.А.* Танец вокруг костра (Образцы удинского фольклора). На азерб. языке. Изд-во «Агах». Гянджа, 2001. 78 с.
8. *Мамедова Ф. Дж.* История албан Моисея Каланкатуйского, как источник ранне- средневековой Албании. Изд-во «Элм». Баку, 1977. 87 с.
9. *Мобили Р.Б.* Научная и общественная деятельность [Книга] // Изд-во «Адилъогды». Баку, 2008. 216 с.
10. *Мобили Р.Б.* Этнография удин ИРС («Наследие»). Международный Азербайджанский журнал. № 3 (33). М., 2008. С. 26-29.
11. *Мобили Р.Б.* Удины: язык, религия, фольклор и традиции // Культурологический журнал. «Азербайджан и азербайджанцы в мире». № 2. 2009. С. 214-219.
12. *Раффи.* Меликство Хамсы. 1600-1827 гг. Изд-во «Юни Пресс СК». М., 2009. С. 8-12.
13. *Мобили Р. Б.* Албано-удинская христианская община – основа возрождения Албанской (Кавказской) церкви в Азербайджане. Труды Международной конференции «Место и роль Кавказской Албании в истории Азербайджана и Кавказа». Баку, 2012. С. 165-172.
14. *Мобили Р. Б.* Удинско-азербайджанско-русский словарь // Изд-во «Леман». Баку, 2010. 368 с.
15. *Мобили Р. Б.* Удины: язык, религия и этнография // Изд-во «Леман». Баку, 2011. 80 с.
16. *Мобили Р. Б.* Geological interpretation of bulding materials of the historical Gabala-Sheki region in the ancient Caucasus Albania. 6-14 august 2008. Oslo. DVD. Available at: www.33igc.org
17. РГИА, Фонд 821, опись 150, ед. хр. 284; 1914-1915 гг. С. 33-42.
18. РГИА, Фонд 821, опись 7, ед. хр. 232; 1897-1910 гг. С. 43.
19. РГИА, Фонд 821, опись 138, ед. хр. 87; 1810 г. С. 1-19 и 106-110.
20. РГИА, Фонд 735, опись 5, ед. хр. 269; 1859 г. С. 1-9.
21. *Флоренский П.* Воспоминания прошлых лет. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание. М., 1992. 376 с.

Odins in the Palette of Diversity and Multiculturalism of Azerbaijan

Mobili R.,

Senior Researcher, Baku State University; Chairman of the Albanian-Udian Christian Community of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan, argomobili@rambler.ru

The article is devoted to the description of inter-religious and interethnic tolerance and diversity in the multiculturalism model of Azerbaijan using the example of the Udis, a small people who are the successors of autocephalous Christianity in Caucasian Albania and direct descendants of Caucasian Albanians. This article is intended to emphasize the historical roots that led to the birth and existence of religious tolerance in a multinational country. The model of the Udi phenomenon of self- preservation of an ethnic group in a multicultural model of the world is also considered.

Keywords: Azerbaijan, Udins, tolerance, Christianity, Caucasian Albania, multicultural model of the world.

References

1. Dyuma A. Puteshestvie na Kavkaz (perevod s fr. G. Pashaeva i G. Abbasova na azerb. yazy`k). Glava «Udiny`...». Izd-vo «E`lm». 1985, pp.122-123.
2. Alekseev M.E., Majsak T.A., Ganenkov D.S., Lander Yu.A. «Udinskij sbornik /grammatika, leksika, istoriya yazy`ka». Izd-vo «Akademiya» RAN (Institut yazy`koznaniya i Institut vostokovedeniya Rossii). Moscow, 2008. 446 p.
3. Bezhanov M. «Kratkie svedeniya o Vartashene i ego zhitelyax». *SMOMPK*, vy`p.. XIV, 1892, pp. 213-262.
4. Gukasyan V. «Udinsko-azerbajdzhansko-russkij slovar`». Izd-vo «E`lm». Baku, 1974. 260 p.
5. Gusejnov R.A. «Udiny`». IRS («Nasledie»). *Mezhdunarodny`j zhurnal*. № 3 (33). Moscow, 2008, pp. 22-25.
6. Dzhavadov G.Dzh., Gusejnov R.A. «Udiny`» (na azerb. yazy`ke). Istoriko-e`tnograficheskoe issledovanie. Izd-vo «E`lm». Baku. 1999 g. 256 p.
7. Kechaari G.A. Tanecz vokrug kostra» (Obrazcy udinskogo fol`klora). Na azerb. yazy`ke. Izd-vo «Agax». Gyandzha, 2001. 78 p.
8. Mamedova F. Dzh. «Istoriya alban Moiseya Kalankatujskogo, kak istochnik ranne-srednevekovoj Albanii». Izd-vo «E`lm». Baku, 1977.
9. Mobili R.B. - «Nauchnaya i obshhestvennaya deyatel`nost`» Kniga. Izd-vo «Adil`ogdy`». Baku, 2008. 216 p.
10. Mobili R.B. E`tnografiya udin IRS («Nasledie»). *Mezhdunarodny`j Azerbajdzhanskij zhurnal*. № 3 (33). Moscow, 2008, pp. 26-29.
11. Mobili R.B. Udiny`: yazy`k, religiya, fol`klor i tradicii». *Kul`turologicheskij zhurnal. «Azerbajdzhan i azerbajdzhancy v mire»*. № 2. 2009, pp. 214-219.
12. Raffi Melikstvo Xamsy. 1600-1827 gg. Izd-vo «Yuni Press SK» Moscow, 2009, pp. 8-12.
13. Mobili R.B. Albano-udinskaya xristianskaya obshhina – osnova vozrozhdeniya Albanskoj (Kavkazskoj) cerkvi v Azerbajdzhane». *Trudy` Mezhdunarodnoj konferencii «Mesto i rol` Kavkazskoj Albanii v istorii Azerbajdzhana i Kavkaza»*. Baku. 2012, pp.165-172.
14. Mobili R.B. Udinsko-azerbajdzhansko-russkij slovar`. Izd-vo «Leman». Baku, 2010. 368 p.
15. Mobili R.B. Udiny`: yazy`k, religiya i e`tnografiya. Izd-vo «Leman». Baku, 2011. 80 p.
16. Mobili R.B. Geological interpretation of bulding materials of the historical Gabala-Sheki region in the ancient Caucasus Albania. www.33igc.org DVD. 6-14 august 2008. Oslo.
17. RGIA, Fond 821, opis` 150, ed. xr. 284; 1914-1915, pp. 33-42.
18. RGIA, Fond 821, opis` 7, ed. xr. 232; 1897-1910, pp. 43.
19. RGIA, Fond 821, opis` 138, ed. xr. 87; 1810, pp. 1-19 i 106-110.
20. RGIA, Fond 735, opis` 5, ed. xr. 269; 1859, pp. 1-9
21. Florenskij Pavel Vospominaniya proshly`x let. Genealogicheskie issledovaniya. *Iz soloveczkix pisem. Zaveshhanie*. Moscow, 1992. 376 p.

Язык политической науки античной Греции

Вититнев С.Ф.,

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии и права Московского государственного областного университета, Москва, Россия, svititnev@eyadex.ru

Шмелева А.В.,

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета, Москва, Россия, lug-anna@yandex.ru

В статье исследуются основные понятия и категории как инструмент научного анализа политических процессов и явлений, государственных институтов в произведениях Платона и Аристотеля. Авторы рассматривают теоретико-методологические подходы древнегреческих философов к исследованию ряда государственно-политических феноменов.

Ключевые слова: Платон, Аристотель, Древняя Греция, язык политики, философия, формы правления, этические критерии.

Для цитаты:

Вититнев С. Ф., Шмелева А. В.. Язык политической науки античной Греции [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. №4. С. 12-17. doi: 10.17759/langt.2019060402

For citation:

Vetitnev S.F., Shmeleva A.V.: The Language of Political Science in Ancient Greece [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst [Language and Text], 2019, vol. 6, no. 4, pp. 12-17. doi: 10.17759/ langt.2019060402 (In Russ., abstr. in Engl.)

Формирование теоретического знания всех научных дисциплин сопряжено с выработкой в процессе познавательной деятельности наиболее общих понятий, именуемых категориями, характеризующих закономерности существования и развития предмета их исследования.

Категория «политика» выступает как центральная и смыслообразующая в рамках политической науки, возникшей в лоне философии еще в первом тысячелетии до нашей эры, и начинает широко использоваться древнегреческими мыслителями Платоном (427-347 гг. до н.э.) и Аристотелем (384-322 гг. до н.э.), изучавшими формы правления, властные институты и отношения, сложившиеся в городах-государствах, существовавших на территории Греции в те далекие времена. Эти государства именовались полисами, что и предопределило возникновение понятия «политика», которое использовалось античными авторами для обозначения деятельности властного характера, в первую очередь связанной с управлением государством, решением общественно значимых вопросов, отношениями с другими государствами, что и составляет смысловое ядро этой категории в современном понимании.

При этом нужно отметить, что, если в наши дни понятие «политика» из сферы научного сознания перетекая в сферу сознания обыденного, зачастую используется для обозначения деятельности, ориентированной на реализацию определенной целевой установки, то в истолковании древнегреческих мыслителей оно наполнялось рядом дополнительных смыслов, производных от особенностей организации полисной жизни.

Полис представлял как форма организации жизни античного общества, объединяющего свободных и равных людей, составляющих гражданскую общину, члены которой, будучи гражданами, а не подданными, были наделены правами и обязанностями, причастны к деятельности таких полисных институтов как народное собрание и суд, а в конечном счете и управлению делами государства. В первую очередь подобные порядки утверждаются в Афинах, превратившись, по выражению древнегреческого историка Фукидида, в «Элладу Эллад» [8], после того как там утверждается режим рабовладельческой демократии. И хотя эта демократия, как пишет А. Боннар, «никогда не становилась достоянием рабов» и «никогда не была ничем иным, как властью, находящейся в руках народа, состоящего из “граждан” города» [2], ее утверждение знаменует заметный прогресс в развитии цивилизации древней Эллады. В результате, в первую очередь, под влиянием Афин, являвшимися, по определению А. Боннара, «школой всей Греции и в том отношении, что они подготовили наиболее просвещенные города своего народа к демократии» [2], набирает силу процесс формирования политической культуры, базирующейся на принципах и ценностных установках, реализация которых предполагает участие в политической жизни представителей различных социальных групп, публичное обсуждение социально значимых проблем, предоставление возможности заинтересованным сторонам обозначить свою позицию и ведения общественного диалога.

Это обстоятельство способствует тому, что условием успешного осуществления политической деятельности становится овладение приемами ораторского искусства, необходимыми для ведения публичных дискуссий. Как писал в этой связи известный отечественный философ Ф.Х. Кессиди, «искусство владения словом, мастерство публичных выступлений» «становится в демократических полисах главным средством политического влияния и власти» [3, с.138]. Именно поэтому в политической вокабулярии древних греков представлены такие понятия как «агора», обозначающее городскую площадь, ставшую местом проведения общегородских собраний, и «агон», одним из значений которого было «соперничество», «состязание», имевшее место во всех сферах общественной жизни, в том числе и политической, нередко сопряженные с борьбой партий, доходящей до открытых столкновений и непрекращающихся раздоров» [3, с.142].

Однако агон предполагал и поиск приемлемых для граждан полиса решений, а местом, где это происходило, была агора. Важно отметить, что в соответствии со сложившейся практикой решения принимались народным голосованием, представая в виде закона, для обозначения которого использовалось понятие «номос», рассматривавшееся как воплощение справедливости, называемой по имени почитаемой греками богини Дике. Справедливые законы были призваны гармонизировать жизнь в полисе. Следование предписанию номоса будет способствовать установлению справедливых порядков, а значит, торжеству благозакония – эвкомии. Отсутствие же законов, служащих утверждению общего блага в Древней Греции, обозначалось понятием «аномия», установление которой смертельно опасно для полиса и грозит ему скорой гибелью.

Все вышеназванные понятия в представлении древних греков так или иначе корреспондировались с понятием «политика», а их использование, в первую очередь, имело место в контексте размышлений об организации политической жизни, которая в

наибольшей степени соответствует природе человека. Исходя из этого, политика и все, что с ней было связано, не мыслилось вне полиса, и, более того, греки были склонны ее рассматривать «в контексте космического мироустройства и утверждения социального порядка, в котором представлен человек со своими гражданскими добродетелями» [4]. В силу такого подхода природа политики как социального феномена получает в сочинениях античных авторов преимущественно государствоцентрическую и этическую направленность.

Соответственно, на основе изначально провозглашенных идеалов, ценностных установок и принципов, политика определяется как деятельность, осуществляемая во имя всеобщего блага, в основе которой лежит идея добра, справедливости и долженствования.

Подобное понимание сущности политики свойственно двум выдающимся философам древней Эллады – Платону и Аристотелю. Так, Платон, руководствуясь этическим подходом, рассматривает политику как сферу управления государством и людьми. При этом, задаваясь вопросом о происхождении государства, утверждении сложившихся форм политической жизни, он связывает их с тем, что человек вне общения с себе подобными не в состоянии удовлетворять свои разнообразные потребности, потому каждый должен заниматься определенным делом, обеспечивая продуктами своего труда не только себя, но и других [5]. Отсюда следует, что люди своей цели могут достичь лишь в процессе совместной деятельности. Это значит, что полис выступает не как случайно возникшее множество атомизированных индивидов, а представляет собой структурированную целостность с присущими ей интересами и функциями. Государство должно служить не интересам отдельной социальной группы, а обществу в целом. Руководствуясь этим соображением, основанном на этическом подходе, указывая на недостатки реально существующих государств, Платон рисует образ идеального, а значит, справедливого и разумно устроенного, государства. Однако общее благо не предполагает равенства. Государство Платона – сословное и иерархическое, а справедливость заключается в том, что каждое сословие будет заниматься своим делом. Принадлежность же к сословиям – философов, правителей, воинов и производителей – должна определяться тем, какое начало – разумное, яростное или вожделеющее – будет превалировать в душе человека. Такое государство Платон называет аристократией, т.е. правлением лучших, представляющих интеллектуальную элиту. Подобное правление в современной литературе обозначается понятием «меритократия», введенное немецко-американским автором Ханной Аренд в эссе «Кризис образования» [9].

Вместе с тем людям свойственны такие качества как алчность, властолюбие, эгоизм, и их наличие может способствовать установлению иных форм правления. Аристократия может деградировать, и ей на смену придет черед неправильных форм правления. Для их обозначения Платон использует такие понятия, как «тимократия», «олигархия», «демократия» и «тирания» [7].

Тимократия – это власть воинов-честолюбцев, для которых война – путь к обогащению, что приводит к установлению власти богачей – олигархии, при которой народ обречен на нищету и бесправие. Это вызывает протест и ненависть простых людей, что ведет к совершению государственного переворота и установлению власти народа – демократии. Но у демократии есть то же множество недостатков. Хотя простые люди обретают доступ к власти и равные права, но демократия оборачивается неограниченной свободой и вседозволенностью, в политической жизни начинает все решать крикливая толпа и стоящие за ее спиной демагоги, что ведет к хаосу и пренебрежением к законам. Чрезмерная свобода оборачивается для отдельного

человека и государства жестоким рабством. Это порождает у народа желание установить порядок в государстве, что ведет к установлению власти тирана.

В другом диалоге – «Политик» – Платон, руководствуясь тем же этическим подходом, делит формы правления на правильные и неправильные в зависимости от того, как соблюдается или не соблюдается ими законность [6]. К числу правильных форм правления Платон относит правление одного – «монархию», противопоставляя ее неправильному тираническому правлению, при котором власть также находится в руках одного человека.

Подобно Платону, этический и государственноцентрический подходы к исследованию политики были присущи другому выдающемуся древнегреческому философу – Аристотелю, утверждавшему, что целью политики является достижение всеобщего блага, а сама политика есть не что иное, как воплощение высшей формы жизнедеятельности человека, который в своей сущности является политическим животным. Качествами, отличающими его от прочих живых существ, согласно учению Аристотеля, выступает стремление к общению с другими людьми, наличие языка как средства коммуникации и способность отличать справедливое от несправедливого.

Политика, по Аристотелю, включает в себя наряду с этикой и экономику, представляя еще и как наука о высшем благе человека и государства. Последнее есть результат естественного стремления людей к общению и объединению друг с другом, что изначально ведет к созданию семьи, затем поселения и, наконец, государства-полиса. Его гражданами могут быть, подчеркивает Аристотель, лишь свободные люди, признаком принадлежности к которым выступает наличие досуга, т.е. возможности не осуществлять деятельность, пригодную лишь для рабов или наемных работников [1].

Подобно Платону, Аристотель предстает как мыслитель, ставивший перед собой цель теоретически разработать модель идеального государства, исходя из того, насколько правильными или неправильными, если руководствоваться этическим и количественным (по числу правящих) критериями, являются существующие формы политического правления. Положительно оценивая монархию и аристократию, критикуя тиранию, олигархию и демократию, характеризующую как власть толпы, обычно определяемую древнегреческими авторами понятием «охлократия», Аристотель противопоставляет им смешанную и в силу этого более совершенную форму правления – политику, сочетающую черты демократии и олигархии, что позволяет рассматривать ее как некую «золотую середину», свободную от крайностей, присущую всем прочим формам правления. Достоинством политики, которая по сути дела есть не что иное, как умеренная демократия, является то, что у власти находятся представители «среднего класса», т.е. граждане, обладающие средним размером собственности и составляющие большинство жителей полиса. Это обстоятельство определяет то, что они склонны проводить умеренную, центристскую политику, свободную от всякого рода крайностей, направленную на утверждение стабильности и справедливости, согласующуюся с предписаниями закона.

Подводя итоги сказанному, следует подчеркнуть, что древнегреческими мыслителями были заложены основы научно-теоретического знания о политике, необходимым условием формирования и развития которого стало наличие понятийно- категориального аппарата, представляющего интерес и для современных исследователей. С одной стороны, подобные результаты были связаны с научным творчеством целого ряда древнегреческих философов, сделавших предметом своего осмысления разнообразные политические феномены, характерные для политической жизни Эллады, а, с другой – определялись особенностями этой жизни, специфической

чертой которой было отсутствие единой общегреческой государственности в сочетании с наличием отдельных городов-государств, полисов, представлявших самые разнообразные формы правления, организации государственной власти, что давало обильную пищу для определенных сопоставлений, обобщений, выводов научного характера.

Такого рода особенности и противоречия вполне закономерно присущи научному знанию на стадии генезиса, но именно на их фоне со всей очевидностью обнаруживается значимость вклада древнегреческих мыслителей в развитие политического знания, выявления и осмысления присущей ему проблематики, разработку понятийно- категориального аппарата, определяющего специфику языка и логику политической науки на протяжении всего времени ее существования.

Однако подобное состояние государственно-политической сферы указывает на ее относительную неразвитость, поскольку в рамках полисной организации функции государства и общества не были четко дифференцированы, социальная структура пребывала в процессе становления, а формы участия граждан в политической жизни заметно отличались от тех, что утверждаются впоследствии. Это делало невозможным научное обнаружение и исследование институтов, процессов, связей, свойственных политическим системам последующих эпох. Данное обстоятельство объясняет приверженность древнегреческих мыслителей к этическому и государствоцентрическому подходу при анализе свойственных Древней Греции политических отношений, стремление изучать последние с рационалистических позиций, что сочеталось с созданием умозрительных конструкций, предназначенных для обоснования тех или иных положений и выводов, во многом определявших специфику языка политической науки.

Литература

1. Аристотель. Политика / Аристотель. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1975-1983 (Серия «Философское наследие»). Т.4. (1983). 832 с.
2. Боннар А. Греческая цивилизация. Т.1. От Илиады до Парфенона / Пер. с франц. О.В. Волкова; предисл. В.И. Авдиева. М.: Искусство, 1992. Книга первая. Гл. VI. Солон и приближение демократии. С. 58-65.
3. Кессиди Ф.Х. О «греческом чуде» и менталитет древних греков // Философия и общество, 2003. №1(30). С. 135-143.
4. Огурцов А.П. Политика / Подготовка электронной публикации и общая редакция: Центр гуманитарных технологий. Ответственный редактор: А.В. Агеев. <https://gtmarket.ru/concepts/6865> Дата обращения 25.11.2019.
5. Платон. Государство / Платон. Собр. соч.: В 4 т. / Под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1990-1994 (Серия «Философское наследие»). Т.3. 1994. 656 с.
6. Платон. Политик / Платон. Собр. соч.: В 4 т. / Под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1990-1994 (Серия «Философское наследие»). Т.3. 1994. 832 с.
7. См.: Ракчеева Н.Е. Государство. Платон. М.: МАКС Пресс, 2001. 202 с.
8. Фукидид. История / Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. Отв. ред. Я.М. Боровский. Л.: Наука, 1981. 543 с.
9. См.: Янг М. Утопия и утопическое мышление / Сост., общ. ред. и предисл. В.А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1991. 405 с.

The Language of Political Science in Ancient Greece

Vititnev S. F.

doctor of historical Sciences, Professor, Professor of the Department of political science and law of the Moscow state regional University, Moscow, Russia, svititnev@eyadex.ru

Shmeleva A.V.

candidate of philological Sciences, associate Professor, head of the Department of methods of teaching Russian language and literature, Moscow state regional University, Moscow, Russia, lug-anna@yandex.ru

The article examines the main concepts and categories as a tool for scientific analysis of political processes and phenomena, state institutions in the works of Plato and Aristotle. The authors consider the theoretical and methodological approaches of ancient Greek philosophers to the study of a number of state and political phenomena.

Keywords: preschool.

References

1. Aristotle. Politics / Aristotle. Works: In 4 vols. Moscow: Thought, 1975-1983 (series "Philosophical heritage"). Vol. 4. 1983. 832 p.
2. Bonnar A. Greek civilization. T. I. From the Iliad to the Parthenon. O. V. Volkova; Preface. V. I. Avdiev. Moscow: Art, 1992. – 269p. Book one. Chapter VI. Solon and the approach of democracy. Pp. 58-65.
3. Cassidy F.H. On the "Greek miracle" and the mentality of the ancient Greeks // Philosophy and society, 2003. No. 1(30). Pp. 135-143.
4. Ogurtsov A.P. Politika / Preparation of electronic publication and General edition: center for humanitarian technologies. Responsible editor: A.V. Ageev. <https://gtmarket.ru/concepts/6865> (accessed 25.11.2019).
5. Plato. State / Plato. Coll. works: In 4 t. / Under the General editorship of A. F. Losev, V. F. Asmus, A. A. Takho-godi. Moscow: Thought, 1990-1994 (series "Philosophical heritage"). Vol. 3. 1994. 656 p.
6. Plato. Politician / Plato. Coll. works: In 4 t. / Under the General editorship of A. F. Losev, V. F. Asmus, A. A. Takho-godi. Moscow: Thought, 1990-1994 (series "Philosophical heritage"). Vol. 3. 1994. 832 p.
7. See: Rakcheeva N.E. State. Plato. Moscow: MAX Press, 2001. 202 p.
8. Thucydides. History / TRANS. and notes. G. A. Stratanovsky. OTV. ed. Leningrad: Nauka, 1981. 543 p.
9. See: young M. Utopia and utopian thinking / Comp., General editorship and Foreword. V. A. Chalikova. Moscow: Progress, 1991. 405 p.

Мировая литература. Текстология

Образы Италии в художественном наследии Достоевского¹

Дергачева И.В.,

доктор филологических наук, профессор, профессор Московского государственного института культуры (МГИК), Москва, Россия, dergachevaiv@mgpri.ru

Данная статья направлена на расширение современных представлений о локусной типологии гипертекстов через введение в научный оборот понятия итальянского текста Ф.М. Достоевского. В ней уточняется ценностное содержание регионально обусловленной картины мира писателя, раскрывается субъективное представление Ф.М. Достоевского о *genius loci* итальянских городов. «Итальянский текст» анализируется в дискурсе писателя, показано, как объективная реальность интерпретируется в художественных текстах Достоевского. В статье анализируются темы вводимых в художественные произведения Достоевского локальных микротекстов итальянской тематики и представлен комплекс интертекстуальной корреляции их с текстами итальянской культуры.

Ключевые слова: локусный текст, итальянский текст Достоевского, топосы Италии, культурные коды, метатекст, координаты «большого времени»

Для цитаты:

Дергачева И. В. Образы Италии в художественном наследии Достоевского [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. №4. С. 18-25. doi: 10.17759/langt.2019060403

For citation:

Dergacheva I.V. Images of Italy in the Artistic Heritage of Dostoevsky [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 4, pp. 18-25. doi: 10.17759/langt.2019060403 (In Russ., abstr. in Engl.)

Концепция филологического анализа «локальных текстов» разработана в трудах Н.П. Анциферова [1], Ю.М. Лотмана [4], В.Н. Топорова [7], Н.Е. Меднис [5], Е.К. Созиной [6] и А.А. Кораблева [3]. Изучению локальных текстов посвящен сборник научных статей, изданный в Волгограде в 2019 г. к 70-летию профессора А.Х. Гольденберга [2].

Образно-тематические компоненты итальянского текста, представленные в художественном наследии Ф.М. Достоевского, соотнесены с мифологемами и культурными кодами итальянского метатекста, представленными в русской словесности. Итальянский текст информативен и синкретичен, актуализирует одновременно концептуальные образы различной природы и семантики – исторические, геокультурные, мифопоэтические. Образы итальянского геокультурного ландшафта формируют авторский миф об Италии как об «утраченном рае». Пространства-образы могут быть интровертными, не развернутыми к «большим» истории и географии, но чаще образы Италии представлены в едином смысловом поле межкультурного диалога, в координатах «большого времени» истории и культуры. Важно учитывать, что «локальные тексты соотносятся не только с географическими пространствами, но и с их концептами, объединяют в себе не только пространственные объекты, но и временные, представляют

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ (Проект № 18-012-90034. Достоевский и Италия).

собой не только локализованные множества, но и единичные произведения и т. д.» [7, с. 21]. Типологические различия локальных текстов художественных произведений Достоевского обусловлены доминирующим аспектом локализации. В художественных произведениях Достоевского локализация обычно условна: это топос, общее место, второй план, фон, декор. Топосы итальянских городов приобретают конкретику и материализуются в эпистолярном и публицистическом наследии писателя.

Оппозиция свое-чужое. Патриотизм: Важную роль в локусном тексте играет оппозиция Свое / Чужое. Италия у Достоевского неразрывно связана с образом России. Так, в романе «Идиот» пространство становится отражением внутреннего мира князя. До тех пор, пока он не налаживает тесный эмоциональный контакт с другими героями романа, в его внешности была акцентирована непохожесть на других жителей Петербурга: «На нем был довольно широкий и толстый плащ без рукавов и с огромным капюшоном, точь-в-точь как употребляют часто дорожные, по зимам, где-нибудь далеко за границей, в Швейцарии или, например, в Северной Италии, не рассчитывая, конечно, при этом и на такие концы по дороге, как от Эйдткунена до Петербурга. Но что годилось и вполне удовлетворяло в Италии, то оказалось не совсем пригодным в России»². Активно участвуя в судьбе главных героев романа, князь Мышкин находит наконец для себя цель жизни, в этот момент Россия для него становится родной, о чем он сообщает в разговоре с Рогожиным.

В романе «Подросток» Аркадий с замиранием слушает слова Версилова, выражающего идею Достоевского о «всемирном человеке», сохранившем любовь к отечеству и восхищающемся памятниками мировой культуры: «Русскому Европа так же драгоценна, как Россия: каждый камень в ней мил и дорог, а Европа так же была отечеством нашим, как и Россия. О, более! Нельзя более любить Россию, чем люблю ее я, но я никогда не упрекал себя за то, что Венеция, Рим, Париж, сокровища их наук и искусств, вся история их — мне милей, чем Россия. У них теперь другие мысли и другие чувства, и они перестали дорожить старыми камнями... Там консерватор всего только борется за существование; да и петролейщик лезет лишь из-за права на кусок. Одна Россия живет не для себя, а для мысли, и согласись, мой друг, знаменательный факт, что вот уже почти столетие, как Россия живет решительно не для себя, а для одной лишь Европы! А им? О, им суждены страшные муки прежде, чем достигнуть царствия божия» (ДЗ0; 13: 377).

Локусы иного, прекрасного мира: Италия дарила Достоевскому и его героям сюжеты, позволявшие отрешиться от повседневной действительности. Князь Мышкин сквозь мир реальный прозревает мир трансцендентный, некое подобие небесного рая, соотносимого с концептом «Италия» и, в частности, с Неаполем: «Тоже иногда в полдень, когда зайдешь куда-нибудь в горы, станешь один посредине горы, кругом сосны, старые, большие, смолистые; вверху на скале старый замок средневековый, развалины; наша деревенька далеко внизу, чуть видна; солнце яркое, небо голубое, тишина страшная. Вот тут-то, бывало, и зовет всё куда-то, и мне всё казалось, что если пойти всё прямо, идти долго-долго и зайти вот за эту линию, за ту самую, где небо с землей встречается, то там вся и разгадка, и тотчас же новую жизнь увидишь, в тысячу раз сильней и шумней, чем у нас; такой большой город мне всё мечтался, как Неаполь, в нем всё дворцы, шум, гром, жизнь...» (ДЗ0; 8: 50–51).

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 8. С. 6. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения ДЗ0 и указанием тома, страницы в круглых скобках

В романе «Униженные и оскорбленные» Нелли предаётся воспоминаниям о поездках «с мамашей и с Генрихом»: «Она с волнением рассказывала о голубых небесах, о высоких горах, со снегом и льдами, которые она видела и проезжала, о горных водопадах; потом об озерах и долинах Италии, о цветах и деревьях, об сельских жителях, об их одежде и об их смуглых лицах и черных глазах; рассказывала про разные встречи и случаи, бывшие с ними. Потом о больших городах и дворцах, о высокой церкви с куполом, который весь вдруг иллюминировался разноцветными огнями; потом об жарком, южном городе с голубыми небесами и с голубым морем (ДЗ0; 3: 432). Пейзажно-ландшафтные зарисовки, маркирующие топос Италии, наделены здесь особыми структурно-семантическими характеристиками, отличающими его от иных пространственных образов. Соединяясь в едином семиотическом пространстве с топосами реальности, они создают параллели или дихотомические оппозиции. Топос Италии, представленный в романе в виде некоего «утерянного рая» для Нелли, противопоставлен здесь реальной действительности: «Мы все знали только до сих пор другие ее воспоминания — в мрачном, угрюмом городе, с давящей, одуряющей атмосферой, с зараженным воздухом, с драгоценными палатами, всегда запачканными грязью; с тусклым, бедным солнцем и с злыми, полусумасшедшими людьми, от которых так много и она, и мамаша ее вытерпели» (Там же, с. 432).

Макабрические образы. Чудовище, поселившееся в душе Ипполита, освещенной идеями добра, но не принявшей Христа, является, с одной стороны, аллюзией на макабрические образы западноевропейских “Ars Moriendi”, символическим воплощением сил зла, ведущих борьбу за душу человека в предсмертный час: «...помню, что кто-то будто бы повел меня за руку, со свечкой в руках, показал мне какого-то огромного и отвратительного тарантула и стал уверять меня, что это то самое темное, глухое и всесильное существо, и смеялся над моим негодованием» (ДЗ0; 8:340). С другой стороны, образ тарантула, увиденного Ипполитом во сне, биографичен и заимствован писателем из случившегося с ним происшествия во флорентийской съемной квартире, произведшего на него исключительное впечатление (Достоевский пишет о нем в письме к С. А. Ивановой от 29 августа (10 сентября) 1869 г. (ДЗ0; 29,1 340) и в «Дневнике писателя» за 1876 г. (ДЗ0; 23: 106–110)). Укус тарантула смертелен; Ипполита во сне спасает собака, в борьбе с тарантулом принявшая смерть за героя и оставив его наедине с «темным, глухим и всесильным существом». Это существо олицетворяет в романе богоборческую идею героя, воплощенную в его новом кошмаре в образе привидевшегося Парфена Рогожина.

«Итальянская страсть» как некая желаемая оппозиция душевной рефлексии влюбленных героев Достоевского, доходящая до пародии на страсть, или страсть к искусству. Концепт «Итальянская страсть» связан с карнавализацией итальянской культуры, отсылающей, по М.М. Бахтину, к понятию пограничной ситуации, где все равны, низ становится верхом, а шут – королем. Так, в романе «Бедные люди» Макар Деушкин с восхищением пересказывает Вареньке Доброселовой чужие страсти, в то время как собственное чувство прячет глубоко в сердце: «А что, маточка, уж если на то пошло, так я вам, так и быть, выпишу из «Итальянских страстей» местечко. Это у него сочинение так называется. Вот прочтите-ка, Варенька, да посудите сами. «...Владимир вздрогнул, и страсти бешено заклокотали в нем, и кровь вскипела... — Графиня, — вскричал он, — графиня! Знаете ли вы, как ужасна эта страсть, как беспредельно это безумие? Нет, мои мечты меня не обманывали! Я люблю, люблю восторженно, бешено, безумно! Вся кровь твоего мужа не зальет бешеного, клопочущего восторга души моей! Ничтожные препятствия не остановят всеразрывающего, адского огня, бороздящего мою истомленную грудь. О Зинаида, Зинаида!.. — Владимир!.. — прошептала графиня вне

себя, склоняясь к нему на плечо... — Зинаида! — закричал восторженный Смельский. Из груди его испарился вздох. Пожар вспыхнул ярким пламенем на алтаре любви и взбороздил грудь несчастных страдальцев. — Владимир!.. — шептала в упоении графиня. Грудь ее вздымалась, щеки ее багровели, очи горели... Новый, ужасный брак был совершен! Через полчаса старый граф вошел в будуар жены своей. — А что, душечка, не приказать ли для дорогого гостя самоварчик поставить? — сказал он, потрепав жену по щеке. Ну вот, я вас спрошу, маточка, после этого — ну, как вы находите? Правда, немножко вольно, в этом спору нет, но зато хорошо. Уж что хорошо, так хорошо! (ДЗ0; 1:52).

В «сентиментальном романе» «Белые ночи» сцены страстной любви, представленные героине Мечтателем, являются некоей гипертрофированной и потому символической мечтой о несостоявшемся счастье с любимой: «Как они мучились, как боялись они, как невинна, чиста была их любовь и как (уж разумеется, Настенька) злы были люди! И, боже мой, неужели не ее встретил он потом, далеко от берегов своей родины, под чужим небом, полуденным, жарким, в дивном вечном городе, в блеске бала, при громе музыки, в палатце (непременно в палатце), потонувшем в море огней, на этом балконе, увитом миртом и розами, где она, узнав его, так поспешно сняла свою маску и, прошептав: «Я свободна», задрожав, бросилась в его объятия, и, вскрикнув от восторга, прижавшись друг к другу, они в один миг забыли и горе, и разлуку, и все мучения, и угрюмый дом, и старика, и мрачный сад в далекой родине, и скамейку, на которой, с последним страстным поцелуем, она вырвалась из занемевших в отчаянной муке объятий его» (ДЗ0; 2:117).

Ф.М. Достоевский был страстным поклонником итальянской оперы. Эта страсть не могла не отразиться в его произведениях. В мировой культуре хорошо известна глубокая рецепция художественных текстов Достоевского оперным искусством, но значение концепта «Опера» в его творчестве исследован недостаточно. В рассказе «Чужая жена и муж под кроватью» писатель в приподнятом карнавальном стиле описывает влияние Итальянской оперы на петербургское общество: «На другой же вечер шло какое-то представление в Итальянской опере. Иван Андреевич ворвался в залу, как бомба. Еще никогда не замечали в нем такого фюрге, такой страсти к музыке. Даже капельдинер взглянул на него как-то подозрительно и тут же накопился глазом на его боковой карман, в полной надежде увидеть ручку припрятанного на всякий случай кинжала. Нужно заметить, что в то время процветали две партии и каждая стояла за свою примадонну. Обе партии до того любили музыку, что капельдинеры наконец решительно стали опасаться какого-нибудь очень решительного проявления любви ко всему прекрасному и высокому, совмещавшемуся в двух примадоннах» (ДЗ0; 2:61-62). В данном отрывке прослеживается органический синтез и межкультурный диалог двух локусных текстов – петербургского и итальянского, являющийся своеобразным фоном для водевильного сюжета произведения.

Бредит во сне и наяву Итальянской оперой и героиня повести «Белые ночи»: «Уж какое было впечатление от «Севильского цирюльника», я вам не скажу, только во весь этот вечер жилец наш так хорошо смотрел на меня, так хорошо говорил, что я тотчас увидела, что он меня хотел испытать поутру, предложив, чтоб я одна с ним поехала. Ну, радость какая! Спать я легла такая гордая, такая веселая, так сердце билось, что сделалась маленькая лихорадка, и я всю ночь бредила о «Севильском цирюльнике» (ДЗ0; 2: 123).

Помимо автобиографического мотива концепт «Итальянской оперы» подчеркивает накал страсти, которую испытывает влюбленная в жильца Настенька.

В повести «Дядюшкин сон» образ Италии олицетворяет, с одной стороны, идеальный край, где, в отличие от противопоставленной ей реальности, героев ждут любовь и счастье: «воскресите себя! Начните опять жить в обществе, меж людей! Поезжайте за границу, в Италию, в Испанию — в Испанию, князь!.. Вам нужно руководителя, сердце, которое бы любило, уважало вас, вам сочувствовало? (Д30; 2:344). С другой стороны, здесь изображена пародия на настоящую страсть: «Рассказывали, между прочим, что князь проводил больше половины дня за своим туалетом и, казалось, был весь составлен из каких-то кусочков. ... Уверяли еще, что он носит корсет, потому что лишился где-то ребра, неловко выскочив из окошка, во время одного своего любовного похождения, в Италии. Он хромал на левую ногу; утверждали, что эта нога поддельная» (Д20; 2:300). Иногда концепт «Италии» как сказочного локуса в одном и том же тексте пересекается с мотивом пародии на страсть: «Марья Александровна продолжала:— Для здоровья князя Зина едет за границу, в Италию, в Испанию, — в Испанию, где мирты, лимоны, где голубое небо, где Гвадалквивир, — где страна любви, где нельзя жить и не любить; где розы и поцелуи, так сказать, носятся в воздухе! Вы едете туда же, за ней; вы жертвуете службой, связями, всем! Там начинается ваша любовь с неудержимою силой; любовь, молодость. Испания, — боже мой! Разумеется, ваша любовь непорочная, святая; но вы, наконец, томитесь, смотря друг на друга. Вы меня понимаете, *mon ami!* Конечно, найдутся низкие, коварные люди, изверги, которые будут утверждать, что вовсе не родственное чувство к страждущему старику повлекло вас за границу. Я нарочно назвала вашу любовь непорочною, потому что эти люди, пожалуй, придадут ей совсем другое значение» (Д30; 2:354).

Выход за пределы обыденного. В повести «Неточка Незванова» образ итальянского музыканта связан с архетипическим мотивом «Договора с дьяволом»: «Нет, сударь, нет, и не говорите: не жилец я у вас! Я вам говорю, что дьявол ко мне навязался. Я у вас дом зажгу, коли останусь; на меня находит, и такая тоска подчас, что лучше бы мне на свет не родиться! Теперь я и за себя отвечать не могу: уж вы лучше, сударь, оставьте меня. Это всё с тех пор, как тот дьявол побратался со мною... — Кто? — спросил помещик. — А вот, что издох, как собака, от которой свет отступился, итальянец. — Это он тебя, Егорушка, играть выучил? — Да! Многому он меня научил на мою погибель. Лучше б мне никогда его не видеть» (Д30; 2:147)

Обыденное, концепт «каменные стены». Герой повести «Село Степанчиково и его обитатели» Фома Опискин наподобие подпольного человека смотрит на события мировой истории с точки зрения обывателя, отгородившегося от событий «большого времени»: «Но где тебе понять, где тебе оценить меня! Для вас не существует великих людей, кроме каких-то там Цезарей да Александров Македонских! А что сделали твои Цезари? кого ошастливили? Что сделал твой хваленый Александр Македонский? Всю землю-то завоевал? Да ты дай мне такую же фалангу, так и я завоюю, и ты завоюешь, и он завоеует... Зато он убил добродетельного Клита, а я не убивал добродетельного Клита... Мальчишка! прохвост! розог бы дать ему, а не прославлять во всемирной истории... да уж вместе и Цезарю! — Цезаря-то хоть пощадите, Фома Фомич! — Не пощажу дурака! — кричал Фома». (Д30; 3:159).

Мотив Италии как страны, представляющий лишь некий обыденный географический топос, неоднократно появляется в романе «Униженные и оскорбленные»: «Нынче, папаша, говорят: писатель. — А не сочинитель? Не знал я. Ну, положим, хоть и писатель; а я вот что хотел сказать: камергером, конечно, не сделают за то, что роман сочинил; об этом и думать нечего; а все-таки можно в люди пройти; ну сделаться каким-нибудь там

атташе. За границу могут послать, в Италию, для поправления здоровья или там для усовершенствования в науках, что ли; деньгами помогут» (ДЗ0; 3: 190);

«Да, это было почти ровно через год! В ясный сентябрьский день, перед вечером, вошел я к моим старикам больной, с замиранием в душе и упал на стул чуть не в обмороке, так что даже они перепугались, на меня глядя. Но не оттого закружилась у меня тогда голова и тосковало сердце так, что я десять раз подходил к их дверям и десять раз возвращался назад, прежде чем вошел, — не оттого, что не удалась мне моя карьера и что не было у меня еще ни славы, ни денег; не оттого, что я еще не какой-нибудь «атташе» и далеко было до того, чтоб меня послали для поправления здоровья в Италию; а оттого, что можно прожить десять лет в один год, и прожила в этот год десять лет и моя Наташа. Бесконечность легла между нами... (Там же, с.191); «А графиня-то эта, когда еще муж ее был жив, зазорным поведением отличалась. Умер муж-то — она за границу: всё итальянцы да французы пошли, баронов каких-то у себя завела; там и князя Петра Александровича подцепила» (Там же, с. 217); «Ну, так на это я, брат, вот что скажу: пить лучше! Я вот напьюсь, лягу себе на диван (а у меня диван славный, с пружинами) и думаю, что вот я, например, какой-нибудь Гомер или Дант, или какой-нибудь Фридрих Барбаруса, — ведь всё можно себе представить. Ну, а тебе нельзя представлять себе, что ты Дант или Фридрих Барбаруса, во-первых, потому что ты хочешь быть сам по себе, а во-вторых, потому что тебе всякое хотение запрещено, ибо ты почтовая кляча. У меня воображение, а у тебя действительность. Послушай же откровенно и прямо, по-братски (не то на десять лет обидишь и унизишь меня), — не надо ли денег? Есть. Да ты не гримасничай. Деньги возьми, расплатись с антрепренерами, скинь хомут, потом обеспечь себе целый год жизни и садись за любимую мысль, пиши великое произведение!» (Там же, с. 265-266); отвечая себе. — Теперь ведь уж всё погребло» (ДЗ0; 5:148); «Кстати о магнетизме, я тебе еще не рассказывал, Наташа, мы на днях духов вызывали, я был у одного вызывателя; это ужасно любопытно, Иван Петрович, даже поразило меня. Я Юлия Цезаря вызывал. — Ах, боже мой! Ну, зачем тебе Юлия Цезаря? — вскричала Наташа, заливаясь смехом. — Этого не доставало! Да почему же... точно я какой-нибудь... Почему же я не имею права вызвать Юлию Цезаря? Что ему сделается? Вот смеется! — Да ничего, конечно, не делается... ах, голубчик ты мой! Ну, что ж тебе сказал Юлий Цезарь? — Да ничего не сказал. Я только держал карандаш, а карандаш сам ходил по бумаге и писал. Это, говорят, Юлий Цезарь пишет. Я этому не верю. — Да что ж написал- то? — Да написал что-то вроде «обмокни», как у Гоголя... да полно смеяться! (Там же, с. 239-240).

Тема фантастического. Ф.М. Достоевский, «реалист в высшем смысле», прибегая в своем творчестве к изображению фантастического, добивался максимального обобщения через апелляцию к прецедентным образам мировой культуры: «Нам знакомо одно лишь насущное видимо-текущее, да и то по наглядке, а концы и начала — это все еще пока для человека фантастическое» (ДЗ0; 23: 14-145). Особенно в этом смысле характерен эпизод монолог подпольного человека: «Так вот оно, так вот оно наконец столкновение-то с действительностью, — бормотал я, сбегаю стремглав с лестницы. — Это, знать, уж не папа, оставляющий Рим и уезжающий в Бразилию; это, знать, уж не бал на озере Комо! «Подлец ты! — пронеслось в моей голове, — коли над этим теперь смеешься». — Пусть! — крикнул я,

Античная жестокость. В романе «Преступление и наказание» Родион Раскольников в стремлении оправдать жестокость своей идеи апеллирует к жестокости античных правителей Рима: «Брат, брат, что ты это говоришь! Но ведь ты кровь пролил! — в отчаянии вскричала Дуня. — Которую все проливают, — подхватил он чуть не в

иступлении, — которая льется и всегда лилась на свете, как водопад, которую льют, как шампанское, и за которую венчают в Капитолии и называют потом благодетелем человечества. Да ты взгляни только пристальнее и разгляди!» (Д30; 6:400).

Папский вопрос. Особенно остро, подобно авторской трактовке его в эпистолярном наследии Ф.М. Достоевского, папский вопрос описан в романе «Идиот» через инвективы князя Мышкина. Ставится он и в романе «Бесы»: «Одно время в городе передавали о нас, что кружок наш рассадник вольнодумства, разврата и безбожия; да и всегда крепился этот слух. Папе давным-давно предсказали мы роль простого митрополита в объединенной Италии и были совершенно убеждены, что весь этот тысячелетний вопрос, в наш век гуманности, промышленности и железных дорог, одно только плевое дело» (Д30; 10: 30). В страстном монологе Шатова, обращенном к Николаю Ставрогину, он просит вспомнить его бывшие взгляды на католический вопрос (они совпадают со взглядами самого Достоевского): «Но вы еще дальше шли: вы веровали, что римский католицизм уже не есть христианство; вы утверждали, что Рим провозгласил Христа, поддавшегося на третье дьяволово искушение, и что, возвестив всему свету, что Христос без царства земного на земле устоять не может, католичество тем самым провозгласило антихриста и тем погубило весь западный мир. Вы именно указывали, что если мучается Франция, то единственно по вине католичества, ибо отвергла смрадного бога римского, а нового не сыскала. Вот что вы тогда могли говорить! Я помню наши разговоры». (Там же, с.197). Однако для нынешнего Ставрогина они уже неприемлемы: «Но уверяю вас, что на меня производит слишком неприятное впечатление это повторение прошлых мыслей моих. Не можете ли вы перестать? — Если бы веровали? — вскричал Шатов» (Там же, с. 198). Но увы, бесы и истинная вера не совместимы!

Итак, Италия представлена у Достоевского прекрасной и ужасной, живой и мифологической, локально далекой от России, но близкой духовно и культурно, неким местом, где человек может наслаждаться красотой мира, воспаряя душою. Достоевский продолжает тем самым традицию представления образов Италии такими русскими писателями XIX вв., как Ф.И. Тютчев, А.А. Фет, А.Н. Майков, которая будет позднее продолжена русскими писателями XX в. — В.Ф. Ходасевичем, В.И. Ивановым, Н.С. Гумилевым, А.А. Ахматовой, В.В. Розановым, И.А. Бродским.

Литература

1. *Анциферов Н.П.* Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга. Петербург Пушкина. М.: ЗАО Фирма "Бертельсманн Медиа Москау АО", 2014.
2. Восток – Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре: сб. науч. ст. к 70-летию проф. А. Х. Гольденберга / отв. ред. Н. Е. Тропкина. Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2019. 471 с.
3. *Кораблев А.А.* Онтология и аспектология локальных текстов // Восток – Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре: сб. науч. ст. к 70-летию проф. А. Х. Гольденберга / отв. ред. Н. Е. Тропкина. Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2019. С. 20–27.
4. *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. XVIII. С. 30–45.
5. *Меднис Н.Е.* Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2003.
6. *Созина Е. К.* Локальный текст // Гуманитарная география. М.: Институт Наследия, 2010. Вып. 6. С. 288–290
7. *Топоров В.Н.* Петербургские тексты и Петербургские мифы (Заметки из серии) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс – Культура, 1995. С. 368–399.

Images of Italy in the Artistic Heritage of Dostoevsky

Dergacheva I.V.,

doctor of philology, professor, Professor, Moscow State Institute of Culture (MGIK), Moscow, Russia, dergachevaiv@mgppu.ru

.....

The article presents This article is aimed at expanding modern ideas about the locus typology of hypertexts by introducing the concept of the Italian text F.M. Dostoevsky. It clarifies the value content of a regionally determined picture of the world of the writer, reveals the subjective representation of F.M. Dostoevsky about genius loci of Italian cities. The "Italian text" is analyzed in the discourse of the writer, it is shown how objective reality is interpreted in the literary texts of Dostoevsky. The article analyzes the themes of local microtexts of Italian subjects introduced into Dostoevsky's works of art and presents a complex of intertextual correlation of them with texts of Italian culture.

Keywords: locus text, Dostoevsky's Italian text, Italian topos, cultural codes, metatext, "big time" coordinates

.....

References

1. Antsiferov N.P. Dusha Peterburga. Peterburg Dostoevskogo. Byil i mif Peterburga. Peterburg Pushkina. Moscow: Bertelsmann, 2014.
2. Vostok – Zapad: prostranstvo lokalnogo teksta v literature i folklore: sb. nauch. st. k 70- letiyu prof. A. H. Goldenberga / otv. red. N. E. Tropkina. Volgograd: Nauchnoe izdatelstvo VGSPU «Peremena», 2019. 471 p.
3. Korablev A.A. Ontologiya i aspektologiya lokalnyih tekstov // Vostok – Zapad: prostranstvo lokalnogo teksta v literature i folklore: sb. nauch. st. k 70-letiyu prof. A. H. Goldenberga / otv. red. N. E. Tropkina. Volgograd: Nauchnoe izdatelstvo VGSPU «Peremena», 2019. Pp. 20–27.
4. Lotman Yu.M. Simvolika Peterburga i problemyi semiotiki goroda // Trudyi po znakovym sistemam. Tartu, 1984. Vyip. XVIII. Pp. 30–45.
5. Mednis N.E. Sverhteksty v russkoy literature. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2003.

Особенности рецепции творчества Ф.М. Достоевского в европейском кинематографе первой трети XX века (на примере немецкого и итальянского кинематографа)¹

Михайлова М. В.,

кандидат филологических наук доцент кафедры лингвистики Московский государственный институт культуры, Москва, Россия

В статье рассматриваются основные особенности интерпретации произведений Ф.М. Достоевского в немецком и итальянском кинематографе первой трети XX века. Автор исследует фильмы рассматриваемой эпохи, основанные на произведениях Ф.М. Достоевского, в контексте истории развития европейского кинематографа. Характеризуется специфика рецепции творчества писателя в эпоху немое кино, возможность передачи психологизма произведений и особенностей характеров главных героев в условиях отсутствия диалогов

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, немецкий кинематограф, итальянский кинематограф, немое кино, рецепция творчества.

Для цитаты:

Михайлова М. В.. Особенности рецепции творчества Ф. М. Достоевского в европейском кинематографе первой трети XX века (на примере немецкого и итальянского кинематографа) [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. №4. С. 26-33. doi: 10.17759/langt.2019060404

For citation:

Mikhaylova M. V., The Peculiarities of the Reception of the Literary Works of F.M. Dostoevsky in the European Cinematography of the 1 st Third of the XXth Century (on the Example of the German and Italian Cinematography) *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 4, pp. 26-33. doi: 10.17759/langt.2019060404 (In Russ., abstr. in Engl.)

Первые из известных экранизаций произведений Ф.М. Достоевского относятся к началу XX века. Значительную часть рассматриваемого в статье периода времени занимала эпоха немое кино. Согласно исследованиям в области истории кино, с появлением звукового кино большинство прокатных организаций сочли бесполезным хранение пленок с фильмами и утилизировали их, заменив записями с более современными фильмами, содержащими звуковую дорожку. Известно, что на сегодняшний день сохранилось около 25 % от всего мирового немое кинофонда. Именно поэтому некоторые фильмы, относящиеся к изучаемому периоду, уже невозможно посмотреть полностью, они доступны зрителю лишь в виде коротких отрывков, отдельных кадров или совсем недоступны, и информацию о них мы можем получить лишь обратившись к архивным материалам – критическим

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ (Проект № 18-012-90034. Достоевский и Италия).

Михайлова М. В.
Особенности рецепции творчества Ф.М.
Достоевского в европейском кинематографе
первой трети XX века
Язык и текст
2019. Том 6. № 4. С. 26–33.

Mikhaylova M. V..
The Peculiarities of the Reception of the Literary Works of
F. M. Dostoevsky in the European Cinematography of the 1
st Third of the XXth Century
Language and Text
2019, vol. 6, no 4, pp. 26–33.

статьям в специализированных периодических изданиях. Для изучения данного периода можно обратиться к таким организациям, как Deutsche Kinemathek – Museum für Film und Fernsehen, Friedrich-Wilhelm-Murnau-Stiftung, Deutsches Filminstitut, Deutsches historisches Museum; Cineteca di Bologna, Biblioteca Nazionale Centrale di Firenze, Biblioteca di Morando della Fondazione Cineteca Italiana (Milano), Bibliomediateca Mario Gromo del Museo nazionale del cinema (Torino).

Среди рассматриваемых фильмов данного периода особенно выделяется фильм «Раскольников» («Raskolnikow») режиссера Роберта Вине (Robert Wiene) 1923 года, снятый по роману «Преступление и наказание». Примечательно то, что режиссер назвал фильм именно так, с использованием фамилии главного героя, это означало, что в период съемок и выхода фильма на экран зрители были хорошо знакомы с произведением и его главным героем. Роман «Преступление и наказание» был переведен на немецкий язык в 1882 году и первоначально не привлек внимания немецких читателей, однако после того как издатель В. Фридрих отправил экземпляры романа известным литературным критикам, ситуация в корне поменялась: к 1890-м годам роман стал самой читаемой книгой из тех, что выпускались в Германии в эти годы. Известно, например, что поэт Конрад Альберти, придя на встречу с членами берлинского клуба натуралистов, спросил у собравшихся, едва войдя в зал: «Вы уже прочли „Раскольникова“ Достоевского? По сравнению с ним мы все жалкие дилетанты» [1]. Примечательно то, что поэт назвал роман именно «Раскольников», в дальнейшем это не раз практиковалось в литературных кругах, роман и его главный герой Раскольников стали столь популярны, что уже не требовалось пояснять, кто такой Раскольников и героем какого произведения он является. Герман Гессе, который, как известно, был большим поклонником творчества Федора Михайловича, также называл роман не «Преступление и наказание», а «Раскольников» (См. об этом: [2]).

Это позволило режиссеру фильма «Raskolnikow» назвать свое творение именно так, а не переводить название произведения на немецкий язык, к слову, сам роман был переведен на немецкий язык с названием «Schuld und Sühne» (дословный перевод: «Вина и грех»), как раз после того, как роман стал популярным, прижилось название «Raskolnikow», далее использовался вариант «Verbrechen und Strafe» (дословный перевод: «Преступление и наказание»).

Данный фильм снят в жанре экспрессионизма (режиссер Роберт Вине считается основоположником немецкого киноэкспрессионизма), что прослеживается как в главных героях, в особенности в эмоциях актера Григория Михайловича Хмары в роли Родиона Раскольникова, так и в декорациях. В эпоху немого кино именно эмоции и мимика главных героев и расположение декораций и частота их появления в фильме составляли основу кинопроизведения, особенно если требовалось передать столь глубокое содержание и психологизм, присущие «Преступлению и наказанию» и другим произведениям Федора Михайловича. Интересен актерский состав фильма, в ролях также Елизавета Скульская (мать Раскольникова), Анна Тарасова (сестра Раскольникова), Павел Павлов (Порфирий Петрович), Михаил Тарчанов (Мармеладов), Мария Крыжановская (Соня). С актерами режиссер познакомился во время гастролей художественного театра МХАТ в Германии и был так впечатлен их мастерством, что пригласил всю труппу для работы в своем фильме. Именно во время одного из

спектаклей, который посещал режиссер, у него и возникла идея экранизировать роман. По сути, фильм представляет собой спектакль, снятый на пленку, были добавлены лишь мастерские декорации в стиле экспрессионизма. Именно эти декорации и дают нам возможность рассматривать данный фильм как самостоятельное произведение киноискусства. Авторство декораций принадлежит известному на тот момент художнику Андрею Андрееву.

Фильм был продемонстрирован на кинофестивале «Zwischen Berlin und Paris» («Между Берлином и Парижем») 12-20 ноября 2014 года в рамках демонстрации фильмов «русской ссылки» 1920-х годов [См. об этом: 11].

Имеется очень интересная статья об этом фильме в немецком периодическом издании «Film-Kurier» [4]. Статья носит критический характер. Особой задачей фильма автор статьи видит проекцию ошеломляющей силы души, взлеты и падения сознания в душевном бреде, в отношении фильма и характера главного героя употреблено также слово «демонизм». Искусство режиссера Роберта Вине названо особенным, самобытным, а фильм увлекательным и захватывающим, это фильм, который возникает как бы сам из себя. Режиссеру удалось передать атмосферу художественного мира Ф.М. Достоевского, главный герой обладает особой силой «вкладывания души» (в немецком тексте использовано слово *Beseeltheit*, что может быть дословно переведено, как

«одушевление», «вкладывание души во что-либо»). По мнению автора статьи, в романе «Преступление и наказание» не всегда прослеживается четкая композиция, фильм же следует структуре романа, и в этом заключается его недостаток. Следует, полагает автор, оставить писателю писательское, а фильму – то, что относится к фильму («Dann hätte man dem Dichter gegeben, was des Dichters und zugleich dem Film, was des Filmes ist») [4]. Мы наблюдаем тут очень интересную аллюзию на новозаветную фразу «Кесарю кесарево, а Божие Богу» (Мф. 22:21).

Одним из противоречий фильма является наличие искривленных угловатых гротескных декораций, выполненных в стиле фильма «Кабинет доктора Калигари» и относящихся к экспрессионизму, тогда как сами герои, их взаимоотношения относятся, скорее, к реализму, автор статьи полагает, что данные стили взаимоисключают друг друга, и их смешение недопустимо. Фильм «Кабинет доктора Калигари» - это яркий пример синтеза фантастики и реализма, образец немецкого киноэкспрессионизма 1920 года. В данном фильме, полагает автор статьи, такое смешение уместно, в

«Раскольникове» же ставятся иные задачи, на фоне которых декорации выглядят гротескно преувеличенными, мимика и жестикуляция – чересчур гиперболизированными.

На наш взгляд, сочетание таких декораций с кадрами, изображающими главные события произведения, как раз хорошо помогает зрителю представить себе измененное состояние человеческого сознания, поскольку декорации не фигурируют в фильме постоянно, а лишь являются сопровождением некоторых сцен, их противоестественные размеры, угловатость, далекие от реальности искаженные пропорции помогают режиссеру в стремлении изобразить сознание человека, не всегда адекватно воспринимающего реальность. Благодаря этим декорациям фильм «Раскольников» является самым ярким в ряду произведений немецкого киноискусства первой трети XX века. Вздыбленные улицы, хаотичное нагромождение домов, нависание предметов интерьера, лестниц, оконных ставен над героями - все это составляет оригинальность и

самобытность фильма, делая его значимым примером немецкого и мирового киноэкспрессионизма.

Очень наглядно, например, показана атмосфера комнаты Раскольникова – ее теснота, давящее окружение, гнетущая атмосфера, духота созданы именно с помощью декораций. Мимика и жестикация актера Григория Хмары в роли Родиона Раскольникова в этом отношении тоже заслуживают отдельной похвалы.

Еще один пример экранизации творчества Ф.М. Достоевского, в частности романа «Игрок» - фильм 1919 года «Die rollende Kugel» («Катящийся шар») режиссера Рудольфа Бибраха (Rudolf Biebrach). Фильм был снят в начале 1919 года, в апреле этого же года прошел цензуру и 9 мая был показан в Берлинском Моцартзале (Berliner Mozartsaal). Журнал «Neue Kino-Umschau» в номере от 19 июля 1919 года назвал фильм блестящей инсценировкой произведения Достоевского, а актерский состав – соответствующим духу романа и способными изобразить на экране особенности характера русского человека (См. об этом: [9]). Фильм получил запрет на просмотр несовершеннолетними от полиции и от Reichsfilmzensur от 04.04.1921.

Еще один фильм, основанный на романе «Игрок» - фильм 1938 года «Der Spieler» («Игрок») режиссера Герхарда Лампрехта (Gerhard Lamprecht). Критическое периодическое издание «Lexikon des internationalen Films» дало краткую негативную оценку данному фильму: несмотря на тесную связь сюжета с произведением Ф.М. Достоевского и работу режиссера, получилась драма без особой атмосферы и без психологической глубины (См. об этом: [8]). Фильм был запрещен цензурой через несколько недель после начала показа. Далее он заново был выпущен в прокат под названием «Roman eines Schwindlers» («История шулера») в 1950 году.

К рассматриваемому в данной статье периоду также относятся 2 фильма по роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: «Die Brüder Karamasoff» («Братья Карамазовы») 1920-1921 годов и «Der Mörder Dimitri Karamasoff» («Убийца Дмитрий Карамазов») 1931 года.

Фильм «Die Brüder Karamasoff» 1920-1921 годов - это немой фильм-драма с немецкими субтитрами режиссеров Дмитрия Буховецкого (Dimitri Buchowetzki) и Карла Фрейлиха (Carl Froelich). В главных ролях в фильме снимались немецкие актеры, интересен тот факт, что актер Эмиль Яннингс (Emil Jannings), исполнивший в данном фильме роль Дмитрия Карамазова, является первым немецким актером, получившим премию Оскар (1923 год). Съемки фильма проходили с 22 октября по 24 ноября 1930 года, премьера состоялась 6 февраля 1931 года в Берлинском зале Капиталькино (Kapitalkino). Фильм был разрешен к просмотру с 12 лет и получил характеристику «художественный» (künstlerisch).

Известна критическая статья об этом фильме, автор которой Hans Wollenberg в периодическом издании Lichtbild-Bühne Jg. 13, Nr. 17, vom 24. April 1920 отмечает, что фильм обладает непрекращающимся духовным напряжением. Роман «Братья Карамазовы» назван критиком стоящим в одном ряду с произведениями Гомера, «Гамлетом» Шекспира, «Фаустом» Гете и другими чудесами литературы, являющимися сокровищем для западного человека. По мнению критика, режиссеру фильма удалось переложить эпос слова в эпос кадра и придать образам, созданным Ф.М. Достоевским на бумаге, определенное настроение. Актер Яннингс, играющий Дмитрия, прекрасно

справился со своей задачей, он сообщает зрителю то, что Достоевский хотел сообщить читателю. Прямо на наших глазах он максимально глубоко переживает трагедию главного героя. Особенно отмечает автор статьи образ Смердякова, этот персонаж, выросший попраным, под ногами, всегда готовый помочь, в хорошем настроении и отзывчивый, при этом злорадный, одновременно глупый и умный, большой мозг, больное тело [7].

Имеется также фильм 1931 года «Братья Карамазовы» на немецком языке, со звуковым и текстовым сопровождением. Его оригинальное название «Der Mörder Dimitri Karamasoff» («Убийца Дмитрий Карамазов»). Режиссер и сценарист фильма - Федор Оцеп (Федор Александрович Оцеп), режиссер русского происхождения, примечательно то, что он также снял французскую версию данного фильма в 1931 году. На переднем плане в этой экранизации находятся Дмитрий и Грушенька. В том же 1931 году фильм впервые был показан в США и Японии, в 1932 году в Дании, Испании и Турции. Данный фильм сохранился, и его можно посмотреть полностью.

Периодическое издание «Das Lexikon des Internationalen Films» назвало данный вариант экранизации «Братьев Карамазовых» шедевром эпохи раннего немецкого звукового кино [5]. Периодическое издание «Reclams Filmführer» отметило, что режиссеру удалось соединить в фильме различные настроения и сюжеты, от вокзалов до вечеров в домашней обстановке, все это перемежается с мрачными видениями надвигающегося ужаса. Образ Дмитрия сыгран гениально, местами суматошно, но это только добавляет экранизации глубины и психологизма [10]. «Büchers Enzyklopädie des Films» дает характеристику данному фильму как произведению, имеющему почти декадентское экспрессионистское оформление [3].

Завершая обзор примеров экранизации произведений Ф.М. Достоевского в немецком кинематографе, стоит отметить также фильм «Irgende Seelen» (дословный перевод: «Заблудшие души») – немой фильм 1920 года режиссера Карла Фрейлиха (Carl Froelich). Фильм основан на романе «Идиот», опубликованном в 1869 году. Про данный фильм известно то, что его рабочим названием было «Sklaven der Sinne» («Рабы разума»), далее фильм получил название «Irgende Seelen», а финальным названием стало «Der Idiot» («Идиот»).

Обращаясь к эпохе итальянского кинематографа первой трети XX века, который можно изучить по энциклопедиям истории киноискусства и критическим статьям в периодических изданиях того времени, поскольку полных версий фильмов не сохранилось, стоит отметить, что в данный период времени в итальянском кино выделяется феномен *divismo*, *diva films* (*diva* – дива, примадонна), который характеризовался тем, что женский роковой образ стал центральным во многих фильмах того времени. Имеется 2 примера экранизации творчества Ф.М. Достоевского из итальянского киноискусства того времени – немой фильм «L'idiota» («Идиот») 1919 года режиссера Salvatore Aversano и немой фильм «Il principe idiota» («Князь-идиот») 1920 года режиссера Eugenio Perego. Вероятно, выбор произведений для экранизации обусловлен именно тем, что в «Идиоте» представлялось возможным раскрытие женского образа, особенно рокового образа. Данные фильмы снимались в эпоху, когда были попытки привлечь внимание к положению женщины в обществе, отсутствию у нее прав, к образу женщины, которая целиком и полностью зависит от слов и поступков мужчины, к образу женщины, противостоящей тяготам и невзгодам обыденной жизни.

Михайлова М. В.
Особенности рецепции творчества Ф.М.
Достоевского в европейском кинематографе
первой трети XX века
Язык и текст
2019. Том 6. № 4. С. 26–33.

Mikhaylova M. V.
The Peculiarities of the Reception of the Literary Works of
F. M. Dostoevsky in the European Cinematography of the 1
st Third of the XXth Century
Language and Text
2019, vol. 6, no 4, pp. 26–33.

В газете «La vita cinematografica» в разделе «La nostra critica» автором Bertoldo была опубликована статья, посвященная фильму «L'Idiota» (См. об этом: [6]). Статья дает негативную оценку фильму, называя его слишком поверхностным, инфантильным, полным разочарованием, отмечая, что ничего более ужасного и идиотического на экраны за последнее время не выходило. Фильм, пишет критик, мог бы быть достойным, если бы автор показал большую уверенность в себе при выражении своего мнения. Режиссеру фильма не удалось передать на экране то, что он мог бы передать, поскольку он не отдался фильму со всей душой. По мнению автора статьи, для таких драм, как эта, нужно больше жизненного опыта и больше обширных знаний. Персонажи фильма названы марионетками, их игра будто неживая, без характера, будто кто-то ими управляет. Единственным положительным моментом фильма критик считает его главную героиню, которая названа им потрясающей во всех отношениях. Мы видим, что такое мнение вполне соответствует месту женских образов в кинокультуре того времени.

Итак, рассмотрев и проанализировав примеры интерпретации произведений Ф.М. Достоевского в немецком и итальянском кинематографе первой трети XX века, можно отметить, что каждая киноэпоха представляет кинопроизведения, актуальные для определенного периода времени. В немецком кинематографе рассматриваемого периода мы видим зарождение и господство экспрессионизма, а в итальянском – господство женских образов, и киноленты становятся подвластны веяниям времени; обретая звук и диалоги, кино становится важной развлекательной отраслью, меняются вместе с ним и фильмы.

Литература

1. Достоевский в зарубежных литературах / Ответственный редактор Б.Г. Реизов. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1978. 179 с.
 2. Фридлиндер Г.М. Достоевский и мировая литература. М.: Художественная литература, 1979. 317 с.
 3. Buchers Enzyklopädie des Films, Verlag C. J. Bucher, Luzern und Frankfurt/M. 1977. 577 p.
 4. Film-Kurier (Film-Kurier. Nr. 243, 29.10.1923 // [Электронный ресурс] URL: <https://www.filmportal.de/node/32921/material/634394> (дата обращения: 18.12.2019)
 5. Klaus Brüne (Red.): Lexikon des Internationalen Films, Band 5, P. 2654. Reinbek bei Hamburg, 1987.
 6. La vita cinematografica, a.X, n.35-36, 7-15 novembre 1919, pp. 82-83.
 7. Lexikon des internationalen Films // [Электронный ресурс] URL: <https://www.zweitausendeins.de/filmlexikon/?sucheNach=titel&wert=52924> (дата обращения: 18.12.2019)
 8. Lichtbild-Bühne. Jg. 13, Nr. 17, vom 24. April 1920.
 9. Neue Kino-Rundschau vom 19. Juli 1919. 24 p.
 10. Reclams Filmführer. Von Dieter Krusche, Mitarbeit: Jürgen Labenski. Stuttgart 1973. 417 p.
- Zwischen Berlin und Paris» zeigt zentrale Werke des russischen Filmexils in den 1920er Jahren
// [Электронный ресурс] URL: <https://www.filmportal.de/nachrichten/zwischen-berlin-und-paris-zeigt-zentrale-werke-des-russischen-filmexils-in-den-1920er>

Михайлова М. В.
Особенности рецепции творчества Ф.М.
Достоевского в европейском кинематографе
первой трети XX века
Язык и текст
2019. Том 6. № 4. С. 26–33.

Mikhaylova M. V..
The Peculiarities of the Reception of the Literary Works of
F. M. Dostoevsky in the European Cinematography of the 1
st Third of the XXth Century
Language and Text
2019, vol. 6, no 4, pp. 26–33.

The Peculiarities of the Reception of the Literary Works of F.M. Dostoevsky in the European Cinematography of the 1st Third of the xxth Century (on the Example of the German and Italian Cinematography)

Mikhaylova M. V.,

PhD in Philology, Associate professor of the department of linguistics, Moscow state institute of culture, Moscow, Russia

The article discusses the main features of the interpretation of the works of F.M. Dostoevsky in the German and Italian cinematography of the 1st third of the XXth century. The author explores the films of the era in question, based on the works of F.M. Dostoevsky, in the context of the history of the development of European cinema. The specification of the reception of the writer's literary works in the era of silent cinema is characterized, the ability to convey the psychologism of the literary works and the peculiarities of the characters of the heroes without dialogues is investigated.

Keywords: F.M. Dostoevsky, German cinema, Italian cinema, silent cinema, the reception of literary works.

References

1. Dostoevskiy v zarubezhnyih literaturah / Otvetstvennyiy redaktor B.G. Reizov. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1978. 179 p.
2. Fridlender G.M. Dostoevskiy i mirovaya literatura. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1979. 317 p.
3. Buchers Enzyklopädie des Films, Verlag C. J. Bucher, Luzern und Frankfurt/M., 1977. 577 p.
4. Film-Kurier (Film-Kurier. Nr. 243, 29.10.1923// [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.filmportal.de/node/32921/material/634394> (Accessed: 18.12.2019)
5. Klaus Brüne (Red.): Lexikon des Internationalen Films, Band 5, P. 2654. Reinbek bei Hamburg, 1987
6. La vita cinematografica, a.X, n.35-36, 7-15 novembre 1919, pp. 82-83

Михайлова М. В.
Особенности рецепции творчества Ф.М.
Достоевского в европейском кинематографе
первой трети XX века
Язык и текст
2019. Том 6. № 4. С. 26–33.

Mikhaylova M. V.
The Peculiarities of the Reception of the Literary Works of
F. M. Dostoevsky in the European Cinematography of the 1
st Third of the XXth Century
Language and Text
2019, vol. 6, no 4, pp. 26–33.

7. Lexikon des internationalen Films /// [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.zweitausendeins.de/filmlexikon/?sucheNach=titel&wert=52924> (Accessed: 18.12.2019)
8. Lichtbild-Bühne. Jg. 13, Nr. 17, vom 24. April 1920.
9. Neue Kino-Rundschau vom 19. Juli 1919, p. 24.
10. Reclams Filmführer. Von Dieter Krusche, Mitarbeit: Jürgen Labenski. Stuttgart, 1973, p. 417.
11. Zwischen Berlin und Paris» zeigt zentrale Werke des russischen Filmexils in den 1920er Jahren // [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.filmportal.de/nachrichten/zwischen-berlin-und-paris-zeigt-zentrale-werke-des-russischen-filmexils-in-den-1920er>

*Лингводидактика и новации.
Психологические основы изучения языков и культур*

Конфликты в общеобразовательных организациях. Причины усиления конфликтности образовательной среды.

Кирсанов А.И.,

*доктор политических наук, заведующий кафедрой «Теория и практика управления»,
директор института «Иностранные языки, современные коммуникации и
управление» ФГБОУ ВО МГППУ, kirsanovai@mgppu.ru*

В статье рассматриваются конфликты в образовательной среде, их типология в системе отношений, конфликтогены, побуждающие на конфликт, в т.ч. ошибочного использования словосочетаний и речевых оборотов

Ключевые слова: педагогические конфликты, образовательная среда, образовательные учреждения, конфликтогены, отличительные особенности конфликтного поведения педагога, системы конфликтных взаимодействий в образовательной среде.

Для цитаты:

Кирсанов А.И. Конфликты в общеобразовательных организациях. Причины усиления конфликтности образовательной среды [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. №4. С. 34-43. doi: 10.17759/langt.2019060405

For citation:

Kirsanov A.I. Conflicts in Educational Institutions. Causes of Conflict of Educational Environment [Elektronnyy resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 4, pp. 34-43. doi: 10.17759/langt.2019060405 (In Russ., abstr. in Engl.)

Известно, что все образовательные учреждения являются организациями, которые имеют свою, характерную для них структуру, штатное расписание, предусматривающее иерархию предоставленных ее работникам и должностным лицам соответствующих прав и обязанностей, а также связей, правила и нормы функционирования, цели и задачи деятельности, критерии оценки и пр. Все это позволяет сделать определенные выводы, в том числе и о том, что конфликты, возникающие в образовательном учреждении, должны иметь некоторые общие черты с организационными конфликтами. Вместе с тем, проведенные исследования показывают, что в них имеется своя, характерная только для образовательной среды, специфика. Это связано с тем, что образовательное учреждение - это организация особого рода, так как в ней осуществляется воспитание и обучение детей разного возраста с присущими каждому возрасту психологическими особенностями [1]. Также необходимо учитывать, что школьники принадлежат к семьям из различных социальных страт и представляют широкую палитру этнической принадлежности и национальных культур. Как следствие –

разнообразие видов противоречий, приводящих к конфликтным ситуациям, а также конфликтам между всеми участниками образовательного процесса.

Принято считать, что главным конфликтом в образовательных учреждениях, основным по причинам возникновения и мотивам его участников, является педагогический конфликт [2]. Педагогический конфликт – это конфликт между учителем и учеником, учителем и группой учеников, то есть связанный с осуществлением учебной и воспитательной работы в образовательном учреждении и возникающими в этом процессе противоречиями. Педагогический конфликт имеет следующие виды: конфликт деятельности, конфликт поступков, конфликт отношений. В настоящее время в конфликтологии созданы предпосылки для формирования нового направления – педагогическая конфликтология.

В то же время в образовательном учреждении случаются и другие конфликты, прямо или опосредованно связанные с учебным и воспитательным процессом. В любом случае возникающие конфликты так или иначе связаны с проблемами установления нормальных (приемлемых для сторон) коммуникаций. Важнейшее место в этих коммуникациях занимают слово и интонация, звучащая при выдвижении возникших претензий.

В конфликтах принимают участие не только педагоги, но и руководители образовательного учреждения, родители учащихся. Если эти конфликты обобщать с целью определения их характера, то они являются конфликтами организационными. В большей степени к ним можно отнести конфликты в системе отношений «руководитель – педагог (педагогические кадры)», типичный вертикальный организационный конфликт. Или «педагог- педагог» - горизонтальный организационный конфликт.

В общеобразовательных учреждениях отмечены следующие диады конфликтных взаимодействий:

- учащийся- учащийся (учащиеся);
- учитель – учащийся;
- учитель – учащиеся;
- учитель – родители учащихся;
- учитель – учитель;
- руководитель – учитель;
- руководитель – педагогический коллектив;
- руководитель – учащиеся;
- руководитель – родители учащихся [2].

Конфликты в указанных системах отношений имеют свои отличительные особенности, которые характерны только им. Такими отличительными особенностями являются:

- разнообразие видов;
- разнообразие функций;
- конфликтогенность образовательной среды;
- высокая эмоциональность;
- преимущественная ориентация на предмет конфликта, нежели на объект;
- публичный характер;
- напряженность постконфликтной ситуации [3].

Конфликты в образовательных учреждениях отличаются высокой эмоциональностью, преимущественная ориентация на предмет, сложность отношений в постконфликтной ситуации, что в свою очередь может провоцировать возникновение новых конфликтов. В таких конфликтах часто главным регулятором поведения и отношений оппонентов являются сильные эмоциональные переживания. Зачастую конфликтующие педагоги не придерживаются соблюдения педагогической культуры, забывают о педагогическом такте, педагогической этике, используют применение «вольных» слов, словосочетаний и речевых оборотов, доводящих порой до оскорбительных тона и действий. В течение уходящего года по телевидению более 10 раз показывали случаи апедагогичного и конфликтного поведения учителей по отношению к

ученикам. Это снижает объективность оппонентов, препятствует конструктивному разрешению. Как следствие - нежелание идти на компромиссы, излишняя дидактичность, стремление заставить оппонента публично признать свою неправоту. Отсюда негативные моральные и психологические последствия для их участников конфликтов. В результате многие педагоги и руководители общеобразовательных учреждений считают большинство возникающих у них конфликтов нежелательным явлением.

Проведенные исследования показывают, что подавляющее большинство педагогов и руководителей образовательных учреждений отмечают неизбежность возникновения в них конфликтов. В то же время субъективная причинность их возникновения либо недооценивается, либо отрицается. Главными причинами считаются наличие социальных и экономических неоднородностей [4]. В этом затушевывании истинной причинности заложено серьезное противоречие, препятствующее снижению уровня конфликтности среды образовательных учреждений.

Начиная с ранних этапов развития конфликтологии, значительная часть исследований конфликтов в общеобразовательных учреждениях связана с конфликтами между педагогами и учениками и между самими учениками. Заметим, что учащиеся вообще весьма быстро возбудимы и ранимы в силу особенностей возрастной психологии. Необходимо подчеркнуть, что с каждым годом все острее и драматичнее каждое поколение, особенно нынешнее, переживает проблемы преодоления «трудного возраста». Имеются данные, что к десяти годам около трети школьников пробовали алкоголь, курили, а к четырнадцати годам и даже ранее – наркотики [5]. Психологическая сложность учеников обусловливается и значительным расслоением в обществе: кого-то в элитные школы привозят на дорогих автомашинах, а кому-то не хватает денег на элементарные нужды. В последнее время обострился и «этнический фактор» в отношениях учащихся и учителей. Примером таких исследований могут служить защищенные диссертации по этой проблеме на соискание ученой степени доктора и кандидата педагогических наук [6]. Существенно меньше исследований по конфликтам между педагогами [7]. Проводились исследования по формированию готовности педагогических кадров к разрешению конфликтов [8].

Была поставлена проблема формирования конфликтологической службы в школе [9]. Проводились исследования для использования конфликтов для преодоления противоречий в общеобразовательном учреждении, управления ими [10].

Представляют интерес для разработки проблемы исследования методов измерения конфликтности [11].

Следует отметить психологические исследования конфликтов в образовательных учреждениях [12]. Они отличались разнообразием проблематики и проводились преимущественно по направлению «педагогическая психология».

В них отмечалась общая конфликтность многих педагогических кадров. Применение теста К. Томаса показало, что примерно 20% учителей в ситуации конфликта ориентированы только на открытое противоборство и соперничество, не склонны к поиску компромиссов, около 20% выбирают модель «избегания», не стремятся найти способ разрешения противоречий и тем самым усугубляют конфликт (Марголина Т.И.).

Необходимо отметить, что данная проблема изучается и современными, в том числе молодыми, исследователями. В рамках подготовки и защиты магистерских диссертаций (Шамина А.К. – «Межличностные конфликты учителей как проблема формирования

Кирсанов А.И.
Конфликты в общеобразовательных организациях.
Причины усиления конфликтности
общеобразовательной среды
Язык и текст
2019. Том 6. №4. С. 34-43.

Kirsanov A.I.
Conflicts in Educational Institutions.
Causes of Conflict of Educational Environment
Language and Text
2019. Vol. 6, no. 4, pp. 34-43.

позитивного имиджа образовательного учреждения», Казачкина Ю.Ю. – «Методы урегулирования конфликтов «педагог – ученик», Зиновьева Н.А. - «Особенности образа «Я» конфликтных педагогов» и др.) использование в своих исследованиях теста К. Томаса показало приблизительно такие же результаты.

В то же время большего внимания со стороны психологов требует изучение непосредственно конфликтогенов образовательной среды.

Необходимо отметить, что педагогические исследования конфликтогенности среды взаимодействий в общеобразовательном учреждении также требуют своего дальнейшего развития.

Психологические исследования проводились преимущественно на общем уровне (Алишов Б.С., Богданов Е.Н., Гусева А.С., Еромлова Е.А., Кашапов М.М., Киршбаум Э.И., Козлов В.В., Фоминых А.Ф., Шакуров Р.Х., Шляпникова О.А. и др.).

Обобщение проведенных научных работ показало, что на уровне общего исследования конфликтогенность образовательной среды обуславливается следующими причинами, которые можно рассматривать как *общие конфликтогены*:

- общие социально-экономические проблемы образования в нашей стране;
- трудноразрешимые объективные противоречия;
- трудноразрешимые субъективные и субъективно-объективные противоречия;
- негативное влияние информационной среды на имидж общеобразовательного учреждения, имидж педагогических кадров;
- установка со стороны родителей на передачу ответственности за обучение и воспитание детей на общеобразовательное учреждение;
- частое возникновение экстремальных ситуаций в общеобразовательном учреждении;
- притягательность среды общеобразовательных учреждений для конфликтных личностей.

Заслуживают внимания исследования психологической сложности общеобразовательных учреждений как объектов управления и психологической сложности педагогических кадров (Виноградов В.И., Зайцева Е.В., Ермаченко Л.И., Фоминых А.Ф. и др.). По их данным [13], психологическая сложность общеобразовательного учреждения обуславливается следующими обстоятельствами.

Во-первых, нестабильностью состояния общеобразовательного учреждения как объекта управления. Отмечено практически постоянное действие различных экстремальных факторов, связанных с поведением и взаимоотношениями учащихся, конфликтами между ними.

Во-вторых, психологической сложностью педагогических кадров как субъектов профессиональной деятельности. В частности, около половины педагогических кадров с большим стажем работы в общеобразовательных учреждениях обладают ярко выраженными психологическими акцентуациями, особенно сильной истероидностью при ослабленном внутреннем контроле [14]. Эти данные подтверждаются и результатами других исследований. Истероидность проявляется в повышенной эмоциональности, завышенной самооценке, стремлении быть в центре внимания, требованием исключительно уважительного отношения к себе как личности и пр. [15]. Истероидные личности более склонны к внешнему радикализму. Отмечается также распространенность истероидности в общеобразовательных учреждениях, где большинство педагогических кадров женщины. В то же время, истероидность имеет и положительные проявления. У истероидов часто бывает высокая самоотдача, ответственность в работе, предпочтение моральных, а не только материальных стимулов. У истероидов высокий уровень эмпатии, артистизм, что обеспечивает большую притягательную силу их личности для учащихся, они могут быть весьма популярными.

Многие учителя подвержены эмоциональному выгоранию. Оно возникает вследствие доминирования негативных функциональных состояний в процессе деятельности. Эмоциональное выгорание негативно отражается на эффективности и надежности профессиональной деятельности, снижают интерес к самой деятельности. В настоящее время по проблеме выгорания опубликовано около двух тысяч работ (Бутылин А.В. Рукавишников А.А., Темиров Т.В. и мн. др.), в то же время эта проблема остается весьма актуальной.

Установлено, что педагогические кадры особенно подвержены профессиональной деформации. Решение однотипных задач, отсутствие или недостаток педагогического творчества приводит к упрощению восприятия и понимания многих проблем, стереотипизации их. Следствием этого является высокая, но слабо аргументированная категоричность в оценках и суждениях, характерная для многих педагогов, особенно имеющих большой стаж педагогической деятельности, в результате без серьезных оснований возникает конфликтная ситуация. Отсюда и стремление «упрощать» свою деятельность, «не принимать все близко к сердцу», относиться к своим обязанностям формально при констатации высокой самоотдачи.

Были выявлены и другие факторы психологической сложности педагогических кадров, которые по своему психологическому содержанию являются конфликтогенами:

- снижение психической устойчивости;
- доминирование в процессе деятельности негативных функциональных состояний (утомление, стрессы);
- внутриличностный конфликт из-за ошибки в выборе профессии;
- деформация профессиональных смыслообразований;
- снижение регулирующей роли рефлексивной культуры;
- редукция профессиональных ценностей;
- так называемое «отсроченное социальное одобрение».

Проведенные психологические исследования, экспертные оценки позволили определить конфликтогены, которые обусловлены неправильной профессиональной ориентацией педагогических кадров, их неверными установками на личностно- профессиональное развитие:

- отсутствие интереса к профессиональной деятельности;
- ложные психологические установки на авторитарность поведения с учащимися;
- преобладание экстрапунитивного реагирования;
- отрицание субъективных причин в допущенных ошибках;
- отсутствие стремления к росту профессионализма (Анцупов А.Я., Баклановский С.В.).

Для определения конфликтогенов в общеобразовательных учреждениях необходимы специальные комплексные исследования.

Вследствие психологической сложности педагогических кадров в общеобразовательных учреждениях участились вертикальные конфликты, которые на самом деле не являются педагогическими конфликтами, хотя и позиционируются таковыми. Это сугубо организационные конфликты.

Конфликтными являются и даже ряд руководителей общеобразовательных учреждений. Уровень их конфликтности оценивается как «высокий-средний». Причины этого явления были выявлены в результате исследований и экспертных оценок [16]:

- «вышли из учителей» (то есть, аккумулировали все психологические проблемы учителей);
- недостаток управленческой компетентности при высокой самооценке;
- исключительная ориентация на директивный стиль управления;
- наличие псевдоавторитета;
- склонность к манипулированию;

Кирсанов А.И.
Конфликты в общеобразовательных организациях.
Причины усиления конфликтности
общеобразовательной среды
Язык и текст
2019. Том 6. №4. С. 34-43.

Kirsanov A.I.
Conflicts in Educational Institutions.
Causes of Conflict of Educational Environment
Language and Text
2019. Vol. 6, no. 4, pp. 34-43.

- гендерные проблемы управления образовательным учреждением (маскулинированность пологолевой конфликт и пр.).

Отмеченные конфликтогены достаточно сильно связаны между собой. Их систематизация, выявление динамики установления и протекания связей (особенно иерархических) и детерминации, а также ошибочное использование словосочетаний и речевых оборотов утяжеляющих и обостряющих конфликты, должны составлять современную основу работы исследователей – конфликтологов и исследователей – лингвистов.

Литература

1. Психология человека от рождения до смерти / Под ред. А.А. Реана. СПб.: «Прайм-ЕВРОЗНАК», изд. дом «Нева». М.: «Олма-Пресс», 2001.
2. Гусева А.С., Васильев А.А., Козлов В.В., Хомяков Б.В. Педагогический конфликт: теория и технология. М.: НПО «Образование», 1997;
3. Багмет К.В., Гусева А.С., Козлов В.В. Конфликт в педагогической деятельности. М.: Фон, 1998 и др.
4. Мониторинг системы столичного образования. Информационный бюллетень. 11 (2). М.: МГПУ, 1995
5. Гусева А.С., Васильев А.А., Козлов В.В., Хомяков Б.В. Педагогический конфликт: теория и технология. М.: Образование, 1997; Багмет К.В., Гусева А.С., Козлов В.В. Конфликт в педагогической деятельности. М.: Фон, 1998.
6. Кирсанов А.И. Наркобизнес и наркомания на постсоветском пространстве: Монография / Министерство образования и науки Российской Федерации, Московский городской психолого-педагогический университет. М., 2009.
7. Афонькова В.М. Конфликты в коллективе старшеклассников и пути их преодоления; дисс. на соиск. уч. ст. канд. пед. наук. М., 1975.
8. Тимоховец Е.А. Конфликты подростков и пути их педагогического разрешения: дисс. на соиск. уч. ст. канд. пед. наук. Минск, 1990.
9. Лисецкий К.С. Предупреждение межличностных конфликтов в системе отношений старшеклассников: дисс. на соиск. уч. ст. канд. пед. наук. М., 1994.
10. Самсонова Н.В. Формирование мотивации конфликта у учащихся старших классов: дисс. на соиск. уч. ст. канд. пед. наук. Калининград, 1995.
11. Соколова Т.В. Организационно-педагогические условия успешного обучения конфликтных школьников 7-11 классов: дисс. на соиск. уч. ст. канд. пед. наук. Томск, 1999 и др.
12. Кузнецова Н.И. Преодоление конфликтов между учителем и учащимися при организации образовательного процесса в условиях инновационного поля: дисс. на соиск. уч. ст. канд. пед. наук. М., 1997.
13. Хапаева С.С. Педагогические условия конструктивного завершения конфликтов в отношениях между учителем и учеником: дисс. на соиск. уч. ст. канд. пед. наук. М., 1997.
14. Митюк В.И. Типология конфликтов между учителем и учеником и система работы по их предупреждению и разрешению в школе: дисс. на соиск. уч. ст. канд. пед. наук. Краснодар, 1998 и др.
15. Плетнев А.Ф. Предупреждение и преодоление межличностных конфликтов в педагогических коллективах: дисс. на соиск. уч. ст. канд. пед. наук. М., 1988 и др.
16. Болтунова Г.М. Подготовка будущих учителей к разрешению конфликтных ситуаций в педагогическом процессе: дисс. на соиск. уч. ст. канд. пед. наук. Ишим, 1990.

Курсанов А.И.
Конфликты в общеобразовательных организациях.
Причины усиления конфликтности
общеобразовательной среды
Язык и текст
2019. Том 6. №4. С. 34-43.

Kirsanov A.I.
Conflicts in Educational Institutions.
Causes of Conflict of Educational Environment
Language and Text
2019. Vol. 6, no. 4, pp. 34-43.

17. *Савостьянова С.О.* Подготовка будущих учителей к педагогической поддержке подростков в конфликтных ситуациях: дисс. на соиск. уч. ст. канд. пед. наук. Калуга, 1995.
18. *Базелюк В.В.* Педагогические условия будущего учителя к управлению конфликтом в учебно-воспитательном процессе школы: дисс. на соиск. уч. ст. канд. пед. наук. Челябинск, 1996.
19. *Лукашенко О.Н.* Профессиональная подготовка учителя к разрешению конфликта в воспитательном процессе: дисс. на соиск. уч. ст. канд. пед. наук. М., 1998.
20. *Пилипец И.С.* Подготовка учителей к разрешению межличностных конфликтов в среде старшеклассников: дисс. на соиск. уч. ст. канд. пед. наук. Самара, 1998 и др.
21. *Банькина С.В.* Конфликтологическая служба школы: статус и содержание деятельности: дисс. на соиск. уч. ст. канд. пед. наук. М., 1997.
22. *Клементьева А.Я.* Формирования основ профессионализма у студентов в области педагогической конфликтологии: дисс. на соиск. уч. ст. канд. пед. наук. Калуга, 1999.
23. *Дринка З.З.* Дидактические условия подготовки студентов к решению профессиональных конфликтологических задач: дисс. на соиск. уч. ст. канд. пед. наук. Калининград, 2000 и др.
24. *Акимова Е.Е.* Педагогические основы использования конфликта в образовательном процессе: дисс. на соиск. уч. ст. канд. пед. наук. Нижний Новгород, 1999.
25. *Тонков Е.Е.* Теоретические основы педагогического управления организационными конфликтами: дисс. на соиск. уч. ст. д. пед. наук. Белгород, 2000.
26. *Майорова А.В.* Педагогические аспекты замера конфликтности студенческого социума: дисс. на соиск. уч. ст. канд. пед. наук. М., 1999.
27. *Сулейменова С.М.* Психологический анализ конфликтных взаимоотношений между учителем и учащимися: дисс. на соиск. уч. ст. канд. психол. наук. М., 1980.
28. *Кирибаум Э.И.* Психолого-педагогический анализ конфликтных ситуаций в педагогическом процессе: дисс. на соиск. уч. ст. канд. психол. наук. М., 1986.
29. *Симонова Л.В.* Межличностные конфликты педагогов и старшеклассников и пути их разрешения: дисс. на соиск. уч. ст. канд. психол. наук. М., 1989.
30. *Семчук Л.А.* Понимание учителем ученика и самого себя в конфликте: дисс. на соиск. уч. ст. канд. психол. наук. Гродно, 1992.
31. *Соколова Е.А.* Влияние межличностного конфликта на эффективность взаимодействия педагога с коллективом старшеклассников: дисс. на соиск. уч. ст. канд. психол. наук. М., 1992.
32. *Худорожко Л.А.* Психологический механизм деструктивных вертикальных конфликтов в педагогических коллективах: дисс. на соиск. уч. ст. канд. психол. наук. Иркутск, 1992.
33. *Халимов Э.З.* Психологические особенности конфликтности младших школьников: дисс. на соиск. уч. ст. канд. психол. наук. М., 1993.
34. *Марголина Т.И.* Конфликтность как метаиндивидуальная характеристика учителя: дисс. на соиск. уч. ст. канд. психол. наук. Пермь, 1995.
35. *Рыльская Е.А.* Влияние свойств личности учителя на особенности его конфликтов в педколлективе: дисс. на соиск. уч. ст. канд. психол. наук. Казань, 1996 и др.
36. *Фоминых А.Ф.* Развитие акмеологической компетентности руководителей общеобразовательных учреждений: дисс. на соиск. уч. ст. канд. психол. наук. М., 2005.
37. *Ермаченко Л.И.* Особенности профессиональной деятельности педагогов с чертами истероидности и специфика психологического влияния на них. М.: ТОО Образование, 1997 и др.
38. *Конюхов Н.И.* Словарь-справочник по психологии. М.: Полиграфресурсы, 1996.
39. *Зазыкин В.Г., Оболонский Ю.В.* Психологическая реальность конфликтов. – М.: Психотерапия, 2013

Conflicts in Educational Institutions. Causes of Conflict of Educational Environment

Kirsanov A. I.

Doctor of Political Sciences, Head of the Department of Management Theory and Practice, Director of the Institute "Foreign Languages, Modern Communications and Management" FSBEI HE MGPPU, kirsanovai@mgppu.ru

The article discusses conflicts in the educational environment, their typology in the system of relations, conflict genes that encourage conflict, including erroneous use of phrases and speech turns

Keywords: pedagogical conflicts, educational environment, educational institutions, conflict genes, distinguishing features of the conflict behavior of teachers, systems of conflict interactions in the educational environment

References

1. Psixologiya cheloveka ot rozhdeniya do smerti / Pod red. A.A. Reana. – Saint-Petersburg: «Prajm- EVROZNAK», izd. dom «Neva». Moscow: «Olma-Press», 2001.
2. Guseva A.S., Vasil`ev A.A., Kozlov V.V., Xomyakov B.V. Pedagogicheskij konflikt: teoriya i texnologiya. Moscow: NPO «Obrazovanie», 1997.
3. Bagmet K.V., Guseva A.S., Kozlov V.V. Konflikt v pedagogicheskoy deyatel`nosti. Moscow: Fon, 1998 i dr.
4. Monitoring sistemy` stolichnogo obrazovaniya. Informacionny`j byulleten`. 11 (2). Moscow: MGPU, 1995.
5. Guseva A.S., Vasil`ev A.A., Kozlov V.V., Xomyakov B.V. Pedagogicheskij konflikt: teoriya i texnologiya. Moscow: Obrazovanie, 1997; Bagmet K.V., Guseva A.S., Kozlov V.V. Konflikt v pedagogicheskoy deyatel`nosti. Moscow: Fon, 1998.
6. Kirsanov A.I. Narkobiznes i narkomaniya na postsovetskom prostranstve: Monografiya / Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii, Moskovskij gorodskoj psixologo-pedagogicheskij universitet. Moscow, 2009.
7. Afon`kova V.M. Konflikty` v kollektive starsheklassnikov i puti ix preodoleniya; diss. na soisk. uch. st. kand. ped. nauk. Moscow, 1975.
8. Timoxovecz E.A. Konflikty` podrostkov i puti ix pedagogicheskogo razresheniya: diss. na soisk. uch. st. kand. ped. nauk. Minsk, 1990.
9. Liseczkiy K.S. Preduprezhdenie mezhlichnostny`x konfliktov v sisteme otnoshenij starsheklassnikov: diss. na soisk. uch. st. kand. ped. nauk. Moscow, 1994.

Кирсанов А.И.
Конфликты в общеобразовательных организациях.
Причины усиления конфликтности
общеобразовательной среды
Язык и текст
2019. Том 6. №4. С. 34-43.

Kirsanov A.I.
Conflicts in Educational Institutions.
Causes of Conflict of Educational Environment
Language and Text
2019. Vol. 6, no. 4, pp. 34-43.

10. Samsonova N.V. Formirovanie motivacii konflikta u uchashhixsya starshix klassov: diss. na soisk. uch. st. kand. ped. nauk. Kaliningrad, 1995.
11. Sokolova T.V. Organizacionno-pedagogicheskie usloviya uspehnogo obucheniya konfliktny`x shkol`nikov 7-11 klassov: diss. na soisk. uch. st. kand. ped. nauk. Tomsk, 1999 i dr.
12. Kuznecova N.I. Preodolenie konfliktov mezhdou uchitelem i uchashhimisya pri organizacii obrazovatel`nogo processa v usloviyax innovacionnogo polya: diss. na soisk. uch. st. kand. ped. nauk. Moscow, 1997.
13. Xapaeva S.S. Pedagogicheskie usloviya konstruktivnogo zaversheniya konfliktov v otnosheniyax mezhdou uchitelem i uchenikom: diss. na soisk. uch. st. kand. ped. nauk. Moscow, 1997.
14. Mityuk V.I. Tipologiya konfliktov mezhdou uchitelem i uchenikom i sistema raboty` po ix preduprezhdeniyu i razresheniyu v shkole: diss. na soisk. uch. st. kand. ped. nauk. Krasnodar, 1998 i dr.
15. Pletnev A.F. Preduprezhdenie i preodolenie mezhlichnostny`x konfliktov v pedagogicheskix kolektivax: diss. na soisk. uch. st. kand. ped. nauk. Moscow, 1988 i dr.
16. Boltunova G.M. Podgotovka budushhix uchitelej k razresheniyu konfliktny`x situacij v pedagogicheskom processe: diss. na soisk. uch. st. kand. ped. nauk. Ishim, 1990.
17. Savost`yanova S.O. Podgotovka budushhix uchitelej k pedagogicheskoj podderzhke podrostkov v konfliktny`x situacijax: diss. na soisk. uch. st. kand. ped. nauk. Kaluga, 1995.
18. Bazelyuk V.V. Pedagogicheskie usloviya budushhego uchitelya k upravleniyu konfliktom v uchebno-vospitatel`nom processe shkoly`: diss. na soisk. uch. st. kand. ped. nauk. Chelyabinsk, 1996.
19. Lukashenok O.N. Professional`naya podgotovka uchitelya k razresheniyu konflikta v vospitatel`nom processe: diss. na soisk. uch. st. kand. ped. nauk. Moscow, 1998.
20. Pilipecz I.S. Podgotovka uchitelej k razresheniyu mezhlichnostny`x konfliktov v srede starsheklassnikov: diss. na soisk. uch. st. kand. ped. nauk. Samara, 1998 i dr.
21. Bany`kina S.V. Konfliktologicheskaya sluzhba shkoly`: status i sodержanie deyatel`nosti: diss. na soisk. uch. st. kand. ped. nauk. Moscow, 1997.
22. Klement`eva A.Ya. Formirovaniya osnov professionalizma u studentov v oblasti pedagogicheskoy konfliktologii: diss. na soisk. uch. st. kand. ped. nauk. Kaluga, 1999.
23. Drinka Z.Z. Didakticheskie usloviya podgotovki studentov k resheniyu professional`ny`x konfliktologicheskix zadach: diss. na soisk. uch. st. kand. ped. nauk. Kaliningrad, 2000 i dr.
24. Akimova E.E. Pedagogicheskie osnovy` ispol`zovaniya konflikta v obrazovatel`nom processe: diss. na soisk. uch. st. kand. ped. nauk. Nizhnij Novgorod, 1999.
25. Tonkov E.E. Teoreticheskie osnovy` pedagogicheskogo upravleniya organizacionny`mi konfliktami: diss. na soisk. uch. st. d. ped. nauk. Belgorod, 2000.
26. Majorova A.V. Pedagogicheskie aspekty` zamereniya konfliktogenosti studencheskogo sociuma: diss. na soisk. uch. st. kand. ped. nauk. Moscow, 1999.
27. Sulejmenova S.M. Psixologicheskij analiz konfliktny`x vzaimootnoshenij mezhdou uchitelem i uchashhimisya: diss. na soisk. uch. st. kand. psixol. nauk. Moscow, 1980.
28. Kirshbaum E`.I. Psixologo-pedagogicheskij analiz konfliktny`x situacij v pedagogicheskom processe: diss. na soisk. uch. st. kand. psixol. nauk. Moscow, 1986.
29. Simonova L.V. Mezhlichnostny`e konflikt`y` pedagogov i starsheklassnikov i puti ix razresheniya: diss. na soisk. uch. st. kand. psixol. nauk. Moscow, 1989.
30. Semchuk L.A. Ponimanie uchitelem uchenika i samogo sebya v konflikte: diss. na soisk. uch. st. kand. psixol. nauk. Grodno, 1992.

Кирсанов А.И.
Конфликты в общеобразовательных организациях.
Причины усиления конфликтности
общеобразовательной среды
Язык и текст
2019. Том 6. №4. С. 34-43.

Kirsanov A.I.
Conflicts in Educational Institutions.
Causes of Conflict of Educational Environment
Language and Text
2019. Vol. 6, no. 4, pp. 34-43.

31. Sokolova E.A. Vliyanie mezhlichnostnogo konflikta na e`ffektivnost` vzaimodejstvij pedagoga s kollektivom starsheklassnikov: diss. na soisk. uch. st. kand. psixol. nauk. Moscow, 1992.
32. Xudorozhko L.A. Psixologicheskij mexanizm destruktivny`x vertikal`ny`x konfliktov v pedagogicheskix kollektivax: diss. na soisk. uch. st. kand. psixol. nauk. Irkutsk, 1992.
33. Xalimov E`Z. Psixologicheskie osobennosti konfliktnosti mladshix shkol`nikov: diss. na soisk. uch. st. kand. psixol. nauk. Moscow, 1993.
34. Margolina T.I. Konfliktnost` kak metaindividual`naya xarakteristika uchitelya: diss. na soisk. uch. st. kand. psixol. nauk. Perm`, 1995.
35. Ry`l'skaya E.A. Vliyanie svojstv lichnosti uchitelya na osobennosti ego konfliktov v pedkollektive: diss. na soisk. uch. st. kand. psixol. nauk. Kazan`, 1996 i dr.
36. Fominy`x A.F. Razvitie akmeologicheskij kompetentnosti rukovoditelej obshheobrazovatel`ny`x uchrezhdenij: diss. na soisk. uch. st. kand. psixol. nauk. Moscow, 2005.
37. Ermachenko L.I. Osobennosti professional`noj deyatel`nosti pedagogov s chertami isteroidnosti i specifika psixologicheskogo vliyaniya na nix. Moscow: TOO Obrazovanie, 1997 i dr.
38. Konyuxov N.I. Slovar`-spravochnik po psixologii. - Moscow: Poligrafresursy`, 1996.
39. Zazy`kin V.G., Obolonskij Yu.V. Psixologicheskaya real`nost` konfliktov. Moscow: Psixoterapiya, 2013.

Значение и смысл текста учебников с позиций философского подхода и роль этих феноменов в образовательном процессе

Михалкин Н. В.,

доктор философских наук, профессор кафедры философии и гуманитарных наук Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва, Россия, mihalkinnv@mgppu.ru

Аверюшкин А. Н.,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и гуманитарных наук Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва, Россия, paperitetics@yandex.ru

Данная статья представляет попытку авторов уточнить содержание и сущность понятий «текст», «смысл», «смысл текста» с позиций философского подхода к языку и тексту. Посредством использования таких методов как анализ, сравнение и сопоставление авторы выявляют существенные и отличительные признаки заявленных понятий, формулируют их авторское определение и их роль в научении и воспитании студентов гуманитарных вузов.

Ключевые слова: смысл, значение, фактор, культура, роль, мышление и мировоззрение.

Для цитаты:

Михалкин Н. В., Аверюшкин А. Н. Значение и смысл текста учебников с позиций философского подхода и роль этих феноменов в образовательном процессе [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. №4. С. 44-52. doi: 10.17759/langt.2019060406

For citation:

Mikhalkin N.V., Averyushkin A. N. The Meaning and Meaning of the Text of Textbooks, from the Point of View of the Philosophical Approach, the Role of These Phenomena in the Educational Process [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst [Language and Text], 2019, vol. 6, no. 4, pp. 44-52. doi: 10.17759/langt.2019060406 (In Russ., abstr. in Engl.)

Одним из важнейших компонентов «образовательной среды» в вузе выступают тексты учебников и другой литературы, которые используют и студенты, и преподаватели. Подготовка студентов к практической деятельности, к современной общественной практике предполагает учёт активного использования значения и смысла текстов как конкретных учебников по специальностям, так и смыслов другой литературы, используемой в учебном процессе.

Одним из важнейших компонентов «образовательной среды» в вузе выступают тексты учебников и другой литературы, которые используют и студенты, и преподаватели. Подготовка студентов к практической деятельности, к современной общественной практике предполагает учёт активного использования значения и смысла

Михалкин Н. В., Аверюшкин А. Н.
Значение и смысл текста учебников с позиции философского подхода и роль этих феноменов в образовательном процессе
Язык и текст
2019. Том 6. № 4. С. 44–52.

Mikhalkin N.V.
The Meaning and Meaning of the Text of Textbooks, from the Point of View of the Philosophical Approach, the Role of These Phenomena in the Educational Process.
Language and Text
2019, vol. 6, no 4, pp. 44–52.

текстов как конкретных учебников по специальностям, так и смыслов другой литературы, используемой в учебном процессе.

В связи с тем, что выпускник готовится в вузе к тому, чтобы успешно решать задачи и разрешать проблемы, которые относятся не только к его профессиональной деятельности, но и к его бытию, ему потребуется руководствоваться такими составляющими жизни как «смысл работы», «смысл жизни» и так далее. Следовательно, для этого необходимо будет четко представлять, что собой представляют феномены «смысл» и «смысл текста», ибо с ними он непременно сталкивается в процессе обучения в вузе, и потом грамотно использовать их в практической деятельности.

Сначала рассмотрим содержание и сущность феномена «смысл». Мы его часто используем в речи, но реально не задумываемся о его природе и функциональном предназначении. Следует также отметить, что в научной литературе нет строгого, общепринятого определения этого понятия. Более того, среди исследователей появляются мнения-высказывания, что не стоит акцентировать внимание на сущности феномена «смысл». Его следует принимать как некую «данность», включаемую в общение-взаимодействие человека с другим человеком, в процесс познания и передачи информации, то есть в коммуникативный процесс.

Авторы данной статьи не считают такое утверждение правильным. Для мыслеречевой и речемыслительной деятельности, которые являются необходимым компонентом становления и развития каждого человека, для развития его познавательных возможностей и осуществления преобразовательной, по сути творческой, деятельности необходимо знание этого феномена, ибо в любую мысль мы вкладываем определённый смысл. Мысль без смысла лишена своего качественного содержания, так как в данном случае она тогда ни для чего не предназначена. Ведь мысль всегда для кого-то и для чего-то формируется и формулируется.

Соотнося смысл и мысль, мы имеем возможность утверждать, что смысл, по своей природе, есть духовный феномен. При этом, связывая смысл с духовным феноменом, надо учитывать тот факт, что *духовное* как «продукт» является, по своему происхождению, творением мышления человека.

А так как мышление – это «продукт» социализированного человека, возникающее у представителя рода человеческого только после «прохождения» им соответствующего этапа социализации, то *духовное*, в том числе и *смысл*, есть *вторичное социальное*. То есть, можно утверждать, что *смысл* по своему происхождению есть *идеально- социальное* творение, которое, одновременно, воспринимаясь человеком, детерминируют его мышление, мировоззрение, формирует у него определенную картину мира.

Важно подчеркнуть, что между материальными и духовными образованиями не существует каких-то раз и навсегда установленных непреодолимых барьеров. Так, любой вид деятельности человека имеет духовные (идеальные) побудительные мотивы в виде интересов и, одновременно, духовная деятельность не может не использовать материальных средств. Более того, духовное творчество человека, как мы уже отметили, материализуется в реальных, вещных объектах.

Художник воплощает свои *духовные образы* в живописном полотне, а композитор «материализует» свои музыкальные образы в реальных звуках, «звучащих» мелодиях.

Михалкин Н. В., Аверюшкин А. Н.
Значение и смысл текста учебников с позиции философского подхода и роль этих феноменов в образовательном процессе
Язык и текст
2019. Том 6. № 4. С. 44–52.

Mikhalkin N.V.
The Meaning and Meaning of the Text of Textbooks, from the Point of View of the Philosophical Approach, the Role of These Phenomena in the Educational Process.
Language and Text
2019, vol. 6, no 4, pp. 44–52.

Духовное органически включается абсолютно во все сферы жизни общества, во все виды деятельности, посредством которых социальные институты и общности воспроизводят то, что называется обществом.

Духовное, идеальное, «сливаясь» с материальным, становится зримым, слышимым, осязаемым, осязаемым, осязаемым в материальных вещах, предметах, действиях. Поэтому, изучая духовную жизнь в целом или её отдельные аспекты, важно оценивать не только содержание идей, теорий, концепций, художественных образов, но и их смысловое «наполнение».

Выходит, что вся совокупность взглядов, воззрений, убеждений, ценностных и нравственных ориентаций, текстов как результаты материализованного выражения духовного, процессов абстрактной мыслительной деятельности личностей в обществе, содержат разные, но конкретные *смыслы*.

Определившись с природой феномена смысл, рассмотрим какие существенные и отличительные признаки, черты этого феномена отражены и закреплены в его определениях.

Например, в «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» *смысл* (от англ. sense, meaning; нем. Sinn, Bedeutung) рассматривается как феномен, обозначающий отнесенность знака, явления, события к человеку или некоторому высшему существу (широкое употребление); это понятие, характеризующее содержание языковых выражений (узкое употребление). [10, с. 957]

Авторы здесь отмечают, что *смысл* не дан человеку в повседневном его созерцании и требует проникновения в скрытую сущность слов, высказываний, предметов реального мира и отношений. Смысл – это обращение мышления человека к природе и предназначению как предметов реального мира, так и к результатам человеческого преобразования им мира на основе его же целеполаганий.

А.Ю. Бабайцев отмечает, что в логической семантике «смыслом называют то мысленное содержание, которое выражается и усваивается при понимании языкового выражения». [3, с.710] По мнению данного автора, смысл возникает тогда, когда человек как бы «переводит» в свой «духовный мир» мысль другого человека.

Е.В. Алёхина, выделяет следующие черты этого феномена: «... желанный идеал, соответствующий представлениям о том, как должно быть». [1, с. 133] С позиций же религиозного подхода она выделяет в смысле «...идеи богочеловечества и всеединства». [1, с. 433]

В Советском энциклопедическом словаре смысл определяется следующим образом: «Смысл - идеальное содержание, идея, сущность, предназначение, конечная цель (ценность) чего-либо (смысл жизни), целостное содержание какого-либо высказывания, несводимое к значениям составляющих его частей и элементов, но само определяющее эти значения..., в логике, в ряде случаев в языкознании - то же самое, что значение». [8, с.787]

Важнейшими чертами феномена «смысл» авторы выделяют: предназначение чего- то для кого-то; целостное содержание какого-либо высказывания.

Как видим, каждый исследователь, в том числе и те, кто формулирует определения в словарях, выделяет те черты и свойства «смысла», которые обусловлены используемым им подходом к изучению этого феномена. Из этого напрашивается вывод,

Михалкин Н. В., Аверюшкин А. Н.
Значение и смысл текста учебников с позиции философского подхода и роль этих феноменов в образовательном процессе
Язык и текст
2019. Том 6. № 4. С. 44–52.

Mikhalkin N.V.
The Meaning and Meaning of the Text of Textbooks, from the Point of View of the Philosophical Approach, the Role of These Phenomena in the Educational Process.
Language and Text
2019, vol. 6, no 4, pp. 44–52.

что у феномена «смысл» существует столько признаков и содержаний, сколько будет видов и типов подходов к его изучению. Но такой вывод противоречит сущности материалистического познания. В соответствии с его положениями, созданный природой или самим человеком феномен, в том числе и «смысл», имеют *свою сущность*. Она одна, хотя может быть раскрыта только на уровне относительной истины, раскрыта не в «рамках» «полной» сущности.

Следуя требованиям материалистического подхода к выявлению природы и сущности исследуемого объекта, попытаемся выделить те познавательные-практические моменты, когда мы используем понятие «смысл».

Во-первых, проведенное нами соотнесение феномена «смысл» с мыслью, с мыслью социального человека, позволяет утверждать, что по своему происхождению феномен «смысл» является продуктом мышления и он есть духовное образование.

Во-вторых, феномен «смысл» становится фактом действительности в ряде случаев, возникающих и проявляющихся в процессе нашего познания и практико-преобразовательной деятельности. Конкретно, он возникает в следующих условиях:

- когда мы соотносим информацию, сведения, поступающие к нам, со своим мировоззрением. То есть, возникает это духовное образование тогда, когда мы начинаем определять *предназначение* этой информации для нас, точнее, для конкретного субъекта в конкретной для него познавательной-преобразовательной ситуации;

- когда мы «передаём», пересылаем кому-то своё послание, свои мысли, как бы добавляя к содержанию своего высказывания его какое-то дополнительное *предназначение*, неявно выраженную в высказывании модальность;

- когда верующие «постигают» заключённое в молитвах «нечто», *предназначенное* для них, когда они достигают понимание *предназначения* конкретного содержания текста или высказывания, но обрамляющего их ожидания, их стремление «проникнуть» в содержание тех намерений, которые возможны только с достижением *откровения* тех *намерений* Высшей Сущности, которые даруются им и которые становятся доступными для них через уста служителей церкви;

- когда мы оцениваем конкретные действия разумных субъектов, которые или «выходят» за границы установленной в сообществе меры проявления активности людей, или являют собой результат, акт творчества и, может быть, выражены средствами (способами), которые качественно отличаются от используемых в данном сообществе;

- когда кто-то намерен «разобраться» в предназначении своей жизни и жизни человека, человечества, мира, в котором мы живём.

Выходит, *сущностным признаком* смысла выступает мыслимое *предназначение* чего-то для кого-то или кого-то для чего-то!

Обобщая рассмотренное, можно дать следующее авторское определение феномену «смысл»: «Смысл» - это духовное образование, результат «взаимопроникновения» информации, направленной на социализированного человека и его мировоззрения, воплощённое в оценке *предназначения* полученных человеком сведений как для него самого, так и для выявления направленности социального процесса, в рамках которого он живёт и развивается.

Михалкин Н. В., Аверюшкин А. Н.
Значение и смысл текста учебников с позиции философского подхода и роль этих феноменов в образовательном процессе
Язык и текст
2019. Том 6. № 4. С. 44–52.

Mikhalkin N.V.
The Meaning and Meaning of the Text of Textbooks, from the Point of View of the Philosophical Approach, the Role of These Phenomena in the Educational Process.
Language and Text
2019, vol. 6, no 4, pp. 44–52.

Смысл как духовное образование «входит» непротиворечиво в содержание процесса понимания предмета познания или преобразования его человеком.

Уточнив определение понятия «смысл», попробуем выявить определение понятия «текст». Очевидно, что для этого нам потребуется выделить его существенные и отличительные признаки.

Так, в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова текст определяется как «всякая записанная речь (литературное произведение, сочинение, документ и т.п., а также часть, отрывок из него) [7, с.687] То есть, признаками текста, в соответствии с данным определением, являются его принадлежность к речи, а также фиксация этого феномена на каком-то носителе.

Во «Всемирной энциклопедии: Философия. XX век» говорится, что «текст – в общем плане связанная и полная последовательность знаков». [3, с.767] В этом определении текста выделяется такой признак текста как определенная «логика знаков», их согласованность.

В «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» определение текста следующее: «текст – это (от лат. textus - ткань; сплетение, сочетание) зафиксированная на каком-либо материальном носителе человеческая мысль, выраженная посредством связанных в некую последовательность знаков-символов. [10, с.957] Здесь мы видим, что в данном определении текста практически объединены ранее выделенные нами признаки.

В рамках лингвистического подхода, текст – это «словесное, устное или письменное произведение, представляющее собой единство некоторого более или менее завершеного содержания (смысла) и речи, формирующей и выражающей это содержание». [4, с. 394] В этом определении выделяются следующие признаки текста: единство содержания и речи. Можно сказать, что автором текст понимается как языковая составляющая коммуникативных связей между людьми, как определенное средство, выполняющее коммуникативную функцию. Другими словами, текст, по мнению автора данного определения, - это определенная грамматика человеческого бытия.

Авторы данной статьи полагают, что с позиций философского подхода, с позиций отражения и закрепления мыслящим человеком своего опыта, какой-то информации, каких-то знаний, в каком-то материальном носителе, можно дать следующее определение этому феномену.

Текст – это завершённая мысль, выражающая результаты познавательной и практически-преобразовательной деятельности людей о каком-то предмете (объекте), отражённая на каком-либо носителе какими-то знаками, посредством использования достигнутых ими средств и способов фиксации этой мысли.

Конечно, не следует утверждать, что приведенное определение феномена «*текст*» является завершённым. Это «открытое» определение, но оно позволяет объяснить его значение и смысл. Правда, авторы статьи обращают внимание на тот факт, что хотя уже в XX веке текст как объект познания стал исследоваться многими философскими школами и направлениями, в контексте выявления включённых в него смыслов, но и до сегодняшнего дня многие аспекты этой исследовательской задачи не решены.

Так, сегодня осталась нераскрытой методологическая проблема социально- гуманитарного познания «материализованного выражения духовной культуры», что собой

Михалкин Н. В., Аверюшкин А. Н.
Значение и смысл текста учебников с позиции философского подхода и роль этих феноменов в образовательном процессе
Язык и текст
2019. Том 6. № 4. С. 44–52.

Mikhalkin N.V.
The Meaning and Meaning of the Text of Textbooks, from the Point of View of the Philosophical Approach, the Role of These Phenomena in the Educational Process.
Language and Text
2019, vol. 6, no 4, pp. 44–52.

и представляет текст. Нет ответов на вопросы о алгоритмах распределения субъективных смыслов творцов текстов, объективированных в их творениях, что позволяет «услышать через текст разные человеческие голоса» и с их помощью проникнуть в «дух» минувших эпох, чужих культур.

Именно в этом состоит сама множественность смыслов текстов. Поэтому осмысление текста студентом, преподавателем не может ограничиться лишь тем смыслом, который вложил в него автор текста, произведения искусства и т. п., но и его «читатель». А это значит, что, осмысление восполняет текст, носит активный творческий характер. Вместе с тем, осмысление текста, зависимость этого процесса от конкретных исторических условий не являет собой чисто психологический и субъективный процесс, хотя личные пристрастия и опыт «читателя-потребителя» играют здесь далеко не последнюю роль.

Более того, множественность смыслов текстов раскрывается не вдруг и не сразу, ибо смысловые явления могут существовать в скрытом виде, потенциально, и раскрываться только в благоприятных для этого развития смысловых культурных контекстах последующих эпох.

Надо также учитывать тот факт, что смысл текста в историческом контексте изменяется. Каждая эпоха открывает, особенно в гениальных произведениях, что-то новое, свое. Новое прочтение «снимает» старый смысл, переоценивает его. Следовательно, осмысление текста - это диалектический процесс, диалог разных культурных миров, результат столкновения разных мировоззрений, способов и форм создания текстов, диалог личностей и культур.

Следует также учитывать и то, что осмысление текста другой, по отношению к конкретному читателю, культурой – это и нахождение ответов на вопросы, которые возникают в нашей современной культуре.

Авторы данной статьи согласны с мнением ряда исследователей, которые считают, что *выявление* смысла текста связано с процессом понимания. [9, с. 163-164]

В таком случае появляются основания для того, чтобы считать, что раскрытие смысла текста – это *идеальный интегральный акт сознания*, сопровождающийся определенным ментальным состоянием и переживанием, в котором происходит единовременное постижение сущности мысли, извлечение её содержания в тексте, определение ценности какого-либо явления, на основе которого происходит изменение содержания мировоззрения читателя, совершенствование его культуры мышления и практического действия.

Одновременно, выявление смысла текста – это и естественный процесс выявления сущности исследуемого предмета, отраженного в тексте, его места в мире, его функций в социальном пространстве. Данный процесс позволяет раскрыть бесконечные смысловые глубины бытия, места и роли человека в этом мире, его предназначение.

Не случайно А.И Новиков, один из известных исследователей смысла текста, отмечал, что исследование текста, использование текста в образовании должно быть связано с выявлением его смысла, позволяющего изменить интеллект человека, раскрыть направление совершенствования его научения и воспитания. Всё дело в том, что текст, как речемыслительная единица, естественно включается в более широкий коммуникативный контекст, где смысл выполняет существенную роль в его

Михалкин Н. В., Аверюшкин А. Н.
Значение и смысл текста учебников с позиции философского подхода и роль этих феноменов в образовательном процессе
Язык и текст
2019. Том 6. № 4. С. 44–52.

Mikhalkin N.V.
The Meaning and Meaning of the Text of Textbooks, from the Point of View of the Philosophical Approach, the Role of These Phenomena in the Educational Process.
Language and Text
2019, vol. 6, no 4, pp. 44–52.

формировании, выступает как фактор, развивающий человека во всех его качествах и свойствах. [6, с. 23-30]

Ученица Новикова А.И. Нестерова Н.М. отмечает, что содержание и смысл - это различные ментальные образования, отличающиеся по способу своего проецирования на сферу сознания: содержание - это проекция текста на сознание, а смысл - это проекция сознания на текст. Из этого ею делается вывод о том, что текст сам по себе не имеет смысловой структуры. Смысл является принадлежностью не текста, а смысловой сферы личности, воспринимающей и осмысливающей текст. [5, с. 213-219]

И.Р. Гальперин предлагает считать смыслом только то, что сообщается в отдельном фрагменте, а применительно к целому тексту, по его мнению, следует говорить о содержании. [2, с. 20]

По мнению авторов статьи, смысл текста, как духовное образование, возникает и формируется на «стыке» «потока» информации от познаваемого феномена и мировоззренческого потенциала конкретного субъекта. При этом смысл непременно изменяет духовный мир читателя. И если студенту предоставлять текст с необходимым для его социализации и воспитания смыслом, то данные духовные изменения в нём непременно произойдут.

В связи с этим, следует исключить из положений об ориентации подготовки выпускников вузов как объявление их «европейски образованными». Следует пересмотреть «шкалу» наших приоритетов в оценке наших выпускников в сторону большего самоуважения и отказа от «холопства». Всё это должно заключаться в соответствии смысла текста со смыслом жизни.

Другими словами, есть основание аксиоматичным считать следующее утверждение: текст учебников и других средств, используемых в образовании, обязан содержать не только смысл будущей профессии выпускника вуза, но этот смысл следует коррелировать со смыслом социально-прогрессивного развития страны и её народов. Только тогда у выпускников вузов будет формироваться соответствующее мировоззрение, культура мышления и культура практического действия.

Литература

1. *Алехина Е.В.* Актуальные проблемы философии: природа человека и смысл его существования. Человек в системе философского знания. Монография. М.: ИИУ МГОУ, 2018. С. 133.
2. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 4-е. М.: Издательство «Наука», 2006. С. 20.
3. Всемирная энциклопедия: Философия. XX век/Главн. Науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор. 2002. С. 767.
4. *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. Издание 5-е исправленное и дополненное. Назрань.: Изд-во ООО «Пилигрим», 2014. С. 394.
5. *Кирсанов А.И.* Наркобизнес и наркомания на постсоветском пространстве. Московский городской психолого-педагогический университет. М.: Издательство «МГАДА», 2009. 182 с.
6. *Кирсанов А.И.* Наркомания и наркобизнес как глобальная угроза. ГОУ ВПО Московская государственная академия делового администрирования, М.: Издательство «МГАДА», 2008. 207 с.
7. *Кирсанов А.И.* С. Хантингтон о “столкновении цивилизаций” в контексте глобальных трансформаций//Философия и общество.2008, № 3 (51). С. 32-43.
8. *Кирсанов А.И., Давыдов Д.Г., Завальский А.В., Скрибцова Н.А.* С. Экстремизм в молодежной среде и его профилактика в образовательной организации (по результатам экспертного вопроса) // Психологическая наука и образование.2014, Т. 6. № 1. С. 85-97
9. *Нестерова Н.М.* Психолингвистика текста, или есть ли смысл в тексте? //Вопросы психолингвистики. 2009. №9. С. 213-219.
10. *Новиков А.И.* Текст и его смысловые доминанты. М.: Институт языкознания РАН, 2017. С.23-30.

Михалкин Н. В., Аверюшкин А. Н.
Значение и смысл текста учебников с позиции философского подхода и роль этих феноменов в образовательном процессе
Язык и текст
2019. Том 6. № 4. С. 44–52.

Mikhalkin N.V.
The Meaning and Meaning of the Text of Textbooks, from the Point of View of the Philosophical Approach, the Role of These Phenomena in the Educational Process.
Language and Text
2019, vol. 6, no 4, pp. 44–52.

11. Ожегов С.И. Словарь русского языка/Под ред. Чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. М., 2017. С. 687.
12. Советский энциклопедический словарь/Ред. Прохоров А.М. - М.: Советская энциклопедия. Изд.4-е испр. и доп.: 1989-1990. С. 787.
13. Философия и будущее цивилизации. Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24-28 мая 2005 г.). М., 2005. -С.163-164.
14. Энциклопедия эпистемологии и философии науки /Под ред. И.Т. Касавина. - М.: Издательство «Канон», РООИ «Реабилитация». 2016. С. 957.

The Meaning and Meaning of the Text of Textbooks, from the Point of View of the Philosophical Approach, the Role of These Phenomena in the Educational Process

Mikhalkin N.V.,

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Humanities of the Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow, Russia, mihalkinnv@mgppu.ru

Averyuushkin A. N.

Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Humanities of the Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow, Russia, paperitetics@yandex.ru

In its content, this article represents an attempt by the authors to clarify the content and essence of the concepts of "text" and "meaning" from the point of view of a philosophical approach to language and text. Through the use of methods such as analysis and comparison, the authors identify the essential and distinctive features of the concepts stated, formulate their author's definition and their role in the education and education of students of humanities.

Key words: text, meaning, meaning, factor, culture, role, thinking and worldview.

References

1. Alekhina E.V. Aktual'nye problemy filosofii: priroda cheloveka i smysl ego sushchestvovaniya. Chelovek v sisteme filosofskogo znaniya. Monografiya. Moscow: IJU MGOU, 2018. P. 133.
2. Gal'perin I.R. Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya. Izd. 4-e. Moscow: Izdatel'stvo «Nauka», 2006. P. 20.
3. Vsemirnaya enciklopediya: Filosofiya. HKH vek/Glavn. Nauch .red. i sost. A.A. Gricanov. Moscow: AST, Mn.: Harvest, Sovremennyj literator. 2002. P. 767.
4. ZHerebilo T.V. Slovar' lingvisticheskikh terminov. Izdanie 5-e ispravlennoe i

Михалкин Н. В., Аверюшкин А. Н.
Значение и смысл текста учебников с позиции философского подхода и роль этих феноменов в образовательном процессе
Язык и текст
2019. Том 6. № 4. С. 44–52.

Mikhalkin N.V.
The Meaning and Meaning of the Text of Textbooks, from the Point of View of the Philosophical Approach, the Role of These Phenomena in the Educational Process.
Language and Text
2019, vol. 6, no 4, pp. 44–52.

dopolnennoe. Nazran'. Izd-vo OOO «Piligrim», 2014. P. 394.

5. Kirsanov A.I. Narkobiznes i narkomaniya na postsovetском prostranstve. Moskovskiy gorodskoy psihologo-pedagogicheskiy universitet. Moscow. Izdatelstvo «MGADA», 2009. P. 182.

6. Kirsanov A.I. Narkomaniya i narkobiznes kak globalnaya ugroza. GOU VPO Moskovskaya gosudarstvennaya akademiya delovogo administrirovaniya. Moscow: Izdatelstvo «MGADA», 2008.

P. 207.

7. Kirsanov A.I. S. Hantington o “stolknovenii tsivilizatsiy” v kontekste globalnykh transformatsiy // Filosofiya i obschestvo. 2008. № 3 (51). Pp. 32-43

8. Kirsanov A.I., Davydov D.G., Zaval'skiy A.V., Skribcova N.A. S. Ekstremizm v molodezhnoy srede i ego profilaktika v obrazovatel'noy organizatsii (po rezul'tatam ekspertnogo voprosa) // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie. 2014, T. 6. № 1. Pp. 85-97

9. Nesterova N.M. Psiholingvistika teksta, ili est' li smysl v tekste? //Voprosy psiholingvistiki. 2009. №9. Pp. 213-219.

10. Novikov A.I. Tekst i ego smyslovye dominanty. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN, 2017. Pp. 23-30.

11. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka/Pod red. CHI.-korr. AN SSSR N.YU. SHvedovoj. Moscow, 2017. P. 687.

12. Sovetskij enciklopedicheskiy slovar'/Red. Prohorov A.M. - Moscow: Sovetskaya enciklopediya. Izd.4-e ispr. i dop.: 1989-1990. P. 787.

13. Filosofiya i budushchee civilizatsii. Tezisy dokladov i vystuplenij IV Rossijskogo filosofskogo kongressa (Moskva, 24-28 maya 2005 g.). Moscow, 2005. Pp.163-164.

14. Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki /Pod red. I.T. Kasavina. Moscow: Izdatelstvo «Kano», ROOI «Reabilitatsiya». 2016. 957 p.

Межкультурная коммуникация и проблемы глобализации

Русский и китайский лингвокультурный концепт «семья»

Лю Цинлин,
магистр, Цзилиньский университет, Китай

Данная статья представляет попытку авторов уточнить содержание и сущность понятий «текст», «смысл», «смысл текста» с позиций философского подхода к языку и тексту. Посредством использования таких методов как анализ, сравнение и сопоставление авторы выявляют существенные и отличительные признаки заявленных понятий, формулируют их авторское определение и их роль в научении и воспитании студентов гуманитарных вузов.

Ключевые слова: русский язык, китайский язык, лингвокультурология, концепт «Семья»

Для цитаты:

Лю Цинлин Российский и китайский лингвокультурный концепт «Семья» [Электронный ресурс] // *Язык и текст*. 2019. Том 6. №4. С. 53-59. doi: 10.17759/langt. 2019060407

For citation:

Liu Qin Lin Russian and Chinese Linguistic and Cultural Concept “Family” [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 4, pp. 53-59. doi: 10.17759/langt. 2019060407 (In Russ., abstr. in Engl.)

Языковая картина мира является выражением менталитета народа и суммой познания объективного мира определенного языкового сообщества. Любой вид естественного языка воплощает то, как нация понимает и конструирует мир, включая его отношение к миру, сформировавшееся в процессе его многовекового исторического развития, поэтому картина мира языка имеет уникальный национальный характер. Концепт как лингвокогнитивное явление — «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [1]. В каждом национальном языке есть много культурных ключевых слов, также известных как слово-концепт. Эти слова

являются лингвистическими объектами, от которых зависит семантика концептов, они и составляют базовую единицу языковой картины мира. Они отражают культурное понимание духовной сути народа и, шире, мира, поэтому некоторые ученые считают, что концепции являются эффективным средством изучения мировоззрения определенного этнического языка. Анализ языка посредством анализа когнитивных идей помогает углубить наше понимание национальной когнитивной психологии и языковых характеристик в целом.

Анна Вежбицка считает, что язык не передает мир непосредственно: он отражает концептуализацию мира человеком, то есть обыденные, или, как говорят лингвисты, наивные представления человека о мире. В результате слова, обозначающие части тела, и слова, обозначающие окружающий нас мир, могут оказаться столь же лингвоспецифичными, сколь и слова, относящиеся к обычаям, ритуалам и верованиям.[2].

Концепт имеет четкую национальную характеристику. Это также самая важная особенность идеи, воплощенной в естественном языке. Одна и та же идея-концепт имеет разные коннотации в разных национальных языках. Важнейшее исследование концептов способствует познанию духа и культуры страны, а также глубокому изучению национальной психологии и национальных особенностей нации.

Сравнительный анализ словарных единиц. В нашей работе для поиска системы значений концепта «семья» в русской языковой картине мира был проведен анализ словарных толкований его лексических значений.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля (1955 г.) [3] мы читаем следующее определение понятия «семья»: «совокупность близких родственников, живущих вместе; в тесном значен. родители с детьми; женатый сын или замужняя дочь, отдельно живущие, составляют уже иную семью.

В «Советском энциклопедическом словаре» под ред. А.М. Прохорова (1980 г.) понятие «семья» определяется как: «Семья – это основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью и моральной ответственностью [4].

В «Словаре русского языка» (1980г.) содержится следующее определение: 1) группа близких родственников (муж, жена, родители, дети и т.п.), живущих вместе; 2) (перен.) Группа, организация людей, спаянных дружбой и объединенных общими интересами; 3) Группа животных, птиц, состоящая из самца, одной или нескольких самок и детенышей; 4) Те же растения, которые растут вместе.

Таким образом, концепт " семья" состоит из следующих семантических признаков в русской культуре:

1) социально-хозяйственное объединение, куда входят все члены, которые живут в одном доме, включая домашнюю прислугу; это отражено в таких специфических для русского языка словах, как: домочадцы, челядь, холопы, прислуга и т.д.;

2) некровное родство, - это отношение формируется посредством брака, который в основном относится к отношениям между мужем и женой, например, муж, жена, кума, теща, тещь, свекровь, свёкор, сноха, зять, шурин, деверь, золовка, свояк и др.;

3) кровное родство, - это самое стабильное, не сильно изменившееся со временем, такие, как мать, отец, дочь, сын, дядя, тетя, внук, внучка, брат, сестра, бабушка, дедушка и т.д.

В «Словаре китайского литературного языка» (2000 г.) «Семья – это 1. Основанная на браке или кровном родстве единица общества, включающая родителей, детей и других живущих вместе родственников; 2. жилище, дом, место, где живет семья; 3. семья или человек, занимающиеся каким-то определенным видом деятельности; 4. человек, обладающий каким-то знанием, или занимающийся определенным типом науки. 5. Различные направления в науке и искусстве. 6. Скромное обращение к старшему родственнику в присутствии других людей. 7. Домашний (но не «дикий»). 8. Счетные слова. 9. Фамилия» [6. С. 240].

В «Словаре китайского языка» (2002 г.) Семья – это 1. Основанная на браке, кровном или усыновленном родстве единица общества. 2. Обращение к супругам в древнем Китае. 3. Скромное обращение к старшему родственнику в присутствии других людей. 4. В армии или учреждении – место, где работает человек. 5. Домашние животные. 5. Человек, обладающий каким-то знанием или занимающий какими-то науками. 6. Различные направления в науке и искусстве. 7. Жилище, дом, место, где живет семья. 8. Клан чиновника в древнем Китае. 9. Человек. 10. Счетные слова. 11. Самоименование. 12. Фамилия.

Таким образом, мы можем выделить общие значения, присущие как русскому, так и китайскому языкам. В обоих языках «семья» обозначает группу близких родственников (муж, жена, родители, дети и т. п.), живущих вместе. Но в то же время в китайском языке значение семья гораздо шире, чем в русском

языке. В китайском языке “ (семья) выступает в роли обращения для
家 ”

выражения уважения к старшему, например, “你老人家” (Вы, ваша милость), а в русском языке не существует такого понятия. Кроме того, слово “семья” также может использоваться в качестве счетного слова для образования словосочетаний, например “一家人” (вся семья, единомышленники) “两家饭店” (два ресторана).

Также отличительными особенностями “家” в китайской языковой картине мира является то, что “家” обычно находится в конце слов для формирования существительных выражений, как “艺术家” (художник), “数学家” (математик), “科学家” (учёный) и т.д.

“Семья” в устойчивых выражениях. В концепте “семья” выражается менталитет и дух нации, так что концепт “семья” занимает важное место в русской и китайской культурах. В пословицах сосредоточен и выражен в краткой художественной форме свод знаний, наблюдений, примет трудового народа. Пословицы закрепляют накопленный народом трудовой, житейский, социальный опыт и передают его последующим поколениям.

В русской культуре есть пословицы про семью: *где лад, счастье дорогу не забывает; в дружной семье и в холод тепло; согласную семью горе не берет; семейное согласие всего дороже; вся семья вместе, так и душа на месте*. Как демонстрирует приведенный материал, пословицы показывают, что в мышлении русских людей семейное согласие приводит к успеху, и члены семьи при наличии согласия в семье будут чувствовать себя счастливыми и востребованными. В китайском языке данная концепция семьи отражается тоже. Например “家和万事兴” (гармония в семье помогает во всех начинаниях). Народы обеих стран придают большое значение семье и стремятся к семейной гармонии, которая делает семью источником силы для всех и глубоко затрагивает каждого члена. А негармония приведет к горю и несчастью, например: *В недружной семье добра не бывает; В семье разлад, так и дому не рад; не будет добра, коли в семье вражда*. В Китае люди не только придают большое значение семейной гармонии, они верят, что семейная гармония может быть эквивалентна золоту, но также уделяют

большое внимание своей собственной семье, даже если их дом очень старый, он является лучшим в их сердцах. Например, "金窝银窝不如自己的草窝" (*Каждая птица любит свое гнездо*).

Концепт «семья» очень важный для любого народа, потому что семья оказывает огромное влияние на каждого члена семьи, оставляя неизгладимый след, и отношения между членами семьи также являются важной частью концепции семьи.

В таких пословицах, как: *Муж пашет, а жена пляшет; без мужа - что без головы, а без жены - что без ума*, мы можем видеть, что мужья и жены играют разные роли дома. Муж играет ведущую роль в качестве главного лица, принимающего решения, а жена может приносить тепло в семью и также играть важную роль. Муж и жена обычно работают вместе, чтобы укреплять семью.

Термины родства по супружеству в китайском языке представлены следующими пословицами и поговорками: 男人无妻家无主, 女人无夫家无

梁 (Мужчина без жены, как дом без хозяина; Женщина без мужа, как дом без балок). Данные идиомы используются в значении, что домашний уют не может быть создан лишь мужчиной или женщиной в одиночку. 秧好一年谷, 妻贤一

Th 福 (*Хороший урожай соберешь – год кушать будешь, добродетельную (талантливую) жену найдешь – будешь счастлив всю жизнь*).

Влияние родителей на детей в семейной жизни огромно. В русской языковой картине мира большое значение придается воспитанию нравственных чувств и личностных навыков. Слова и поступки родителей и методы воспитания играют жизненно важную роль в воспитании нравственности детей, так как дети всегда подражают поведению своих родителей или делают то, что думают их родители. Это выражено в пословицах, например: *не устанешь детей рожаячи, а устанешь на место сажаячи; не учил, когда поперек лавки ложился, а во всю вытянулся, так не научишься*. Родители всегда любят и заботятся о развитии и здоровье своих детей, естественно, дети должны уважать и любить своих родителей. Во многих китайских пословицах тоже отражена роль родителей в развитии своих детей, - считается, что воспитание мальчиков больше связано с отцом, а развитие девочки обычно зависит от матери. Кроме того, из русской пословицы

и его эквивалента в китайском языке *каков батька, таков и сын* (有其父必有

其子) мы можем определить важность роли отцов в деле воспитания детей.

Родители заботятся о своих детях, а забота и уважение к родителям является традиционной константой нравственности в обществе, следовательно, данная традиция получила общее признание и стала обязанностью в языковой картине мира как русских, так и китайцев.

Сравнительный анализ отношения к семье. Народы в России относятся к браку и семье серьезно, они обычно считают, что самым важным фактором крепкой семьи является любовь.

Китайцы традиционно более рационально вступают брак с учетом мнения старших: они считают, что брак - это дело не только двух молодых людей, но это связано с обеими семьями. У китайцев сильно чувство семейной ответственности: муж и жена обычно лояльны друг к другу и берут на себя ответственность друг за друга. Даже если муж и жена иногда не вступают в брак из-за любви, но обычно для стабильности семьи и воспитания детей обе стороны обычно уважают друг друга и соблюдают семейные правила, стремятся обеспечить стабильность и достаток для семьи. Китай такой же большой, как и Россия, но разница в том, что Китай расположен в умеренной зоне, с множеством равнин, следовательно, сельское хозяйство развивается быстрыми темпами, люди живут и работают в мире. Эта стабильная жизнь тоже служит основанием стабильного и мирного характера для народа Хань.

Концепт «семья» является важной составляющей частью менталитета человека и в России, и в Китае, имеет национально культурную специфику. Сравнительный анализ приведенного материала служит выяснению сходства и различий между лингвокультурными основами концепта «семья» двух сопоставляемых языков.

Литература

1. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов М., 1996. С.90
2. Вежбицка А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах. М., 1993, вып. 3. С.188.
3. Толковый словарь живого великорусского языка (под ред В.И. Даля). М.: ГИС, 1955. Т.4. 683 с.
4. Советский энциклопедический словарь (под ред. А.М. Прохорова). М.: Советская энциклопедия, 1980. 1600 с.
5. Словарь китайского литературного языка (под ред. Чжан Шуянь). Шанхай: Большой китайский словарь, 2000. С. 240.
6. Словарь китайского языка. Пекин: Шану, 2002. 1999 с.
7. Махмудова С. М. Фразеологический словарь рутульского языка. Махачкала: Эпоха, 2016. 215 с.

Russian and Chinese Linguistic and Cultural Concept “Family”

Liu Qin Lin,
Master student, Jilin University, China

This article is an attempt by the authors to clarify the content and essence of the concepts “text”, “meaning”, “meaning of the text” from the perspective of a philosophical approach to language and text. Through the use of methods such as analysis, comparison and comparison, the authors identify the essential and distinctive features of the stated concepts, formulate their author's definition and their role in the teaching and education of students of humanitarian universities. The article presents the analysis of phraseological units with a color component based on dictionaries of Russian scientists. The functioning of phraseological units-colorisms in the texts of modern mass media is also analyzed, the specificity of their use is revealed.

Keywords: Russian language, Chinese language, linguoculturology, the concept "Family"

References

1. E.S. Kubryakova. *Kratkiy slovar kognitivnyih terminov* Moscow, 1996. p.90
2. Anna Vezhbtska. *Semantika, kultura i poznanie: obschechelovecheskie ponyatiya v kulturospetsifichnyih kontekstah* Moscow, 1993, vyip. 3. P.188.
3. *Tolkovyyiy slovar zhivogo velikorusskogo yazyika / pod red. Dalya V.I.* Moscow: GIS, 1955. T.4. 683 p.
4. *Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar / pod red. A.M. Prohorova.* Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1980. 1600 p.
5. *Slovar kitayskogo literaturnogo yazyika / pod red. Chzhan Shuyan.*
6. *Shanhay: Bolshoy kitayskiy slovar,* 2000. p.240
7. *Slovar kitayskogo yazyika.* Pekin: Shanu, 2002. 1999 p.
7. Mahmudova S. M. *Frazeologicheskiy slovar' rutul'skogo yazyka.* Mahachkala: Epoha, 2016. 215 s.

Изменение языковой личности при изучении иностранного языка

Олтушык А.Б.,

магистрант направления «Филология» (программа «Русский как иностранный: теория и практика преподавания»), Балтийский федеральный университет им. И. Канта, alina.oltuszyk@wp.pl

Статья посвящена актуальной проблеме формирования вторичной языковой личности при обучении иностранному языку, в том числе русскому языку как иностранному. В ней автор обобщает результаты опроса, проведенного среди студентов высших образовательных учреждений России и Польши. В качестве исследовательской задачи рассматривалось влияние изучаемого иностранного языка на становление языковой личности,

Ключевые слова: языковая личность, вторичная языковая личность, система, культура, личность, иностранный язык.

Для цитаты:

Олтушык А.Б. Изменение языковой личности при изучении иностранного языка [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. №4. С. 60-64. doi: 10.17759/langt.2019060408

For citation:

Oltuszyk A.B. Changing a Language Person in Learning a Foreign Language [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 4, pp. 60-64. doi: 10.17759/langt.2019060408 (In Russ., abstr. in Engl.)

Каждый язык располагает собственной системой, имеет свою специфическую грамматическую структуру, лексику и способы выражения мысли. Как говорит О. Л. Рублева:

«Язык рассматривается как путь, по которому мы проникаем в современную ментальность нации и в воззрения древних людей на мир, общество и самих себя, отголоски которых живут в языке, словах (в первую очередь в их этимологии), значениях, метафорах, символах культуры, фразеологизмах, пословицах и поговорках» [10, с.141-142]. При этом не существует общечеловеческой культуры или общечеловеческого языка (если он не искусственно придуман), каждый народ создает собственный образ окружающего мира, что находит свое выражение в языке и влияет на формирование языковой личности. Поэтому иногда бывает так, что когда говорим на другом языке, иначе воспринимаем мир или ведем себя по-другому, а наша языковая личность меняется и начинает формироваться вторичная языковая личность.

Как отмечают исследователи, понятие «языковая личность» до сегодняшнего дня не является полностью определенным, что связано со сложностью и многоуровневостью самой проблемы, а также наличием множества теорий и гипотез о происхождении языка.

По словам Е.В. Барсуковой, «языковая личность – это многомерная, многоуровневая функциональная система, дающая представление о степени владения языком и речью индивидом на уровне активного и творческого осмысления действительности» [2, с.5]. Т.В. Кочеткова под понятием «языковая личность» понимает «совокупность отличительных качеств личности, обнаруживающихся в ее коммуникативном поведении и обеспечивающих личности коммуникативную индивидуальность» [7, с.2].

Языковая личность, по мнению Ю.Н. Караулова, имеет три структурных уровня. Первый уровень – вербально-семантический (семантико-структурный, инвариантный), отражающий степень владения обыденным языком. Второй уровень – когнитивный, на котором происходит актуализация и идентификация релевантных знаний и представлений, присущих социуму (языковой личности) и создающих коллективное и (или) индивидуальное когнитивное пространство. Этот уровень предполагает отражение языковой модели мира личности, ее тезауруса, культуры. И третий - высший уровень - прагматический. Он включает в себя выявление и характеристику мотивов и целей, движущих развитием языковой личности [6, с.52-54]. В содержание языковой личности обычно входят такие компоненты:

1) ценностный, мировоззренческий компонент содержания воспитания, т.е. система ценностей или жизненных смыслов; 2) культурологический компонент, т.е. уровень освоения культуры как эффективного средства повышения интереса к языку; 3) личностный компонент, т.е. то индивидуальное, глубинное, что есть в каждом человеке [1, с.5].

Итак, в процессе социализации индивида формируется языковая личность, которая включает в себя три аспекта: 1) процесс включения человека в определенные социальные отношения, в результате которого языковая личность оказывается своего рода реализацией культурно-исторического знания всего общества; 2) активная речемыслительная деятельность по нормам и эталонам, заданным той или иной этноязыковой культурой; 3) процесс усвоения законов социальной психологии народа [13, с.149].

Все вышесказанное влияет на изменения нашей языковой личности в процессе овладения иностранным языком и формирование вторичной языковой личности. Итак, языковая личность – это личность, реализующая определённый стиль жизни, который отражается в стиле употребления языка, соединяющая социально-поведенческий контекст с речевым. Вторичная языковая личность – это личность, которая формируется при изучении иностранного языка, культуры и характера его носителей, которая также отражается в стиле употребления языка.

В рамках данного исследования был проведен письменный опрос среди студентов высших образовательных учреждений России и Польши. Количество опрошенных составило 17 человек из числа студентов БФУ им. И. Канта и польских вузов. Среди них - 7 русских, 5 поляков, 3 колумбийца, 1 грузин и 1 турок. Все опрошенные знают минимум два языка – 17 русский, 7 человек владеют польским языком, 13 английским, 4 немецким, 3 испанским, 1 португальским, 1 итальянским, 1 грузинским и 1 турецким. Целью опроса явилось выявление влияния иностранного языка на языковую личность, в том числе на уверенность в себе, в своих силах, восприятие окружающего мира, эмоциональное отношение к языку. Благодаря полученным ответам можно сделать следующие выводы.

Во-первых, степень уверенности в своих силах при использовании языка зависит от уровня владения иностранным языком. Люди, у которых он достаточно высокий (не ниже В2) говорят, что чувствуют себя более уверенными, разговаривая на иностранном языке с носителями языка, либо используя его в различных коммуникативных ситуациях (например, в ресторане или в клубе).

В то же время люди, у которых уровень владения иностранным языком невысокий, отвечают, что более уверенными чувствуют себя, пользуясь родным языком. Во-вторых, общаясь на иностранном языке, они чувствуют себя в роли наблюдателя, родной язык почти всеми опрошенными воспринимается более эмоционально, в необходимых случаях они также значительно чаще используют эмоционально окрашенную лексику родного языка. Например, в отношении слов любви, комплиментов или ругательств. Почти все отметили, что бранные слова на их родном языке звучат грубее, чем на иностранном, а слова «люблю тебя» важнее для русских, чем «love you, Kocham cię», тогда как для поляков «Kocham cię» важнее, чем «люблю тебя, love you». Можно сделать вывод, что иностранный язык большинство

опрошенных использует в информативной функции, воспринимая его объективно, без эмоциональной окраски.

На вопрос, изменяется ли ваша речь и как (если изменяется), когда вы начинаете говорить на другом языке, респонденты заметили, что изменяется манера речи, тембр голоса, интонация, чаще используются невербальное сопровождение - мимика и жесты. Но самое важное, речь становится менее спонтанной, требует обдумывания содержания высказывания, а также выбора необходимых лексических единиц.

Респонденты также обратили внимание на то, что при переходе на другой язык у них меняется речевое и коммуникативное поведение. Например, разговаривая по-русски, мы употребляем «на» вместо «возьми» или громкое «ааа» вместо «повтори». С другой стороны, если в польской школе ученик поднимет руку и скажет, что хочет выйти в туалет, то это никого не удивит.

Независимо от того, начинаем ли мы говорить на английском, русском, польском, турецком и т.д. языке, мы начинаем воспринимать мир через призму данной культуры. За каждым языком стоит культура, традиции, это, безусловно, влияет на языковую личность, как и свое индивидуальное мышление, которое становится компонентом общественного мышления, а общественное мышление, в свою очередь, становится компонентом национального мышления. Каждая языковая личность формируется на основе присвоения конкретным человеком всего языкового богатства, и то, в какой степени овладеем данным богатством, зависит от нас.

Литература

1. *Азарова Л.* Понятие языковой личности в лингвистике. 2017. [Электронный ресурс] URL: https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=2ahUKEwjK_u64htLfAhVvtIsKhcJgCAYQFjAAegQIBRAC&url=http%3A%2F%2Fcejs.hcm.edu.pl%2Fcejs%2Felement%2Fbwmeta1.element.ojs-doi-10_17951_ff_2017_35_1_169%2F%2F4252-4693.pdf&usq=AOvVaw1D-yPSCwUr7baB-NR8yuy1 (дата обращения: 29.12.2018).
2. *Барсукова Е.В.* Языковая личность как категория исторической культурологии (на материале «Архива князя Воронцова»): Автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2007. [Электронный ресурс] URL: https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&ved=2ahUKEwiV7abzFAhUPiKYKHSKBDskQFjABegQICRAC&url=http%3A%2F%2Fwww.ffl.msu.ru%2Fresearch%2Favtoferats%2F5-barsukova_avtoferat_07.doc&usq=AOvVaw1AU6faXVkdGLg9EUQcph9k (дата обращения: 28.12.2018).
3. *Брагина Н.Г.* Межкультурное общение: путь к пониманию «другого». // Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет. Варшава, 2008. С. 100-109.
4. *Ерасова Л.Г.* Формирование языковой личности как цель обучения иностранному языку // Территория науки. 2013. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-yazykovoy-lichnosti-kak-tsel-obucheniya-inostrannomu-yazyku> (дата обращения: 29.12.2018).
5. *Иванцова Е.В.* О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного университета. Филология №14(12). — 2010, [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-terminе-yazykovaya-lichnost-istoki-problemy-perspektivy-ispolzovaniya/> (дата обращения: 17.12.2018).
6. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 2002.

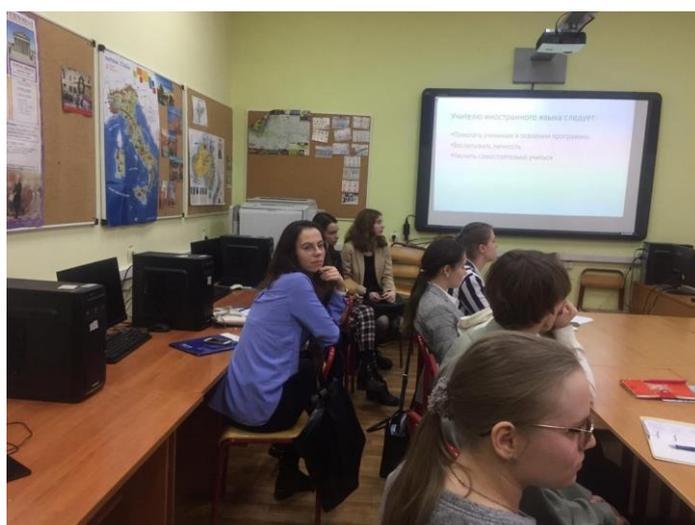
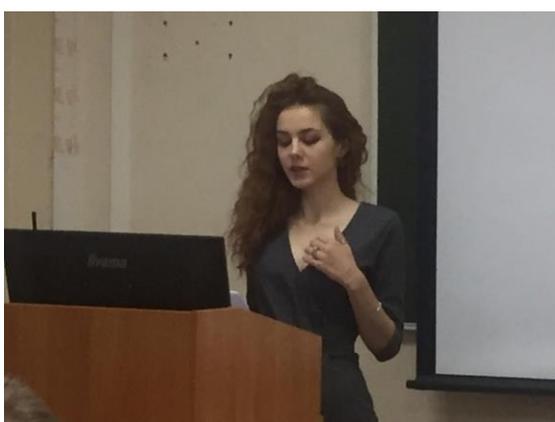
10_17951_ff_2017_35_1_169/c/4252-4693.pdf&usg=AOvVaw1D-yPSCwUr7baB-NR8yny1>
(Accessed 29.12.2018).

2. Barsukova E.V. Yazykovaya lichnost kak kategoriya istoricheskoy kulturologii (na materiale «Arhiva knyazyaya Vorontsova»): Avtoref. dis. ... kand. kulturologii. Moscow, 2007. [Elektronnyiy resurs] URL: https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&ved=2ahUKEwiV7abjz_fAhUPiKYKHSKBDskQFjABegQICRAC&url=http://www.ffl.msu.ru/research/avtoreferats/5-barsukova_avtoreferat_07.doc&usg=AOvVaw1AU6faXVkdGLg9EUQcph9k (Accessed 28.12.2018).
3. Bragina N.G. Mezhekulturnoe obschenie: put k ponimaniyu «drugogo». // Chelovek. Soznanie. Kommunikatsiya. Internet. Varshava, 2008, pp. 100-109.
4. Erasova L.G. Formirovanie yazykovoy lichnosti kak tsel obucheniya inostrannomu yazyku // Territoriya nauki. 2013, [Elektronnyiy resurs] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-yazykovoy-lichnosti-kak-tsel-obucheniya-inostrannomu-yazyku> (Accessed 29.12.2018).
5. Ivantsova E.V. O termine «yazykovaya lichnost»: istoki, problemy, perspektivy ispolzovaniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya #14(12). 2010, [Elektronnyiy resurs] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-termine-yazykovaya-lichnost-istoki-problemy-perspektivy-ispolzovaniya/> (Accessed 17.12.2018).
6. Karaulov Yu.N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost. Moscow, 2002.
7. Kochetkova T.V. Problema izucheniya yazykovoy lichnosti nositelya elitarnoy rechevoy kulturyi. [Elektronnyiy resurs] URL: https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwjwor3m0fAhWmh6YKHegiBrkQFjAAegQICRAC&url=http://portal.tpu.ru/SHARED/e/ELENNOV/four/Tab2/KochetkovaTV.pdf&usg=AOvVaw0jOWR2_XgW86x-Oa5uQ75M (Accessed 28.12.2018).
8. Maslova V.A. Lingvokulturologiya. Uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy. 2001.
9. Mukiy M.S., Poddubskaya O.N. Osobennosti formirovaniya yazykovoy lichnosti v protsesse mezhekulturnoy kommunikatsii // Aktualnyie problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk #2-5. 2017. [Elektronnyiy resurs] URL: <https://publikacia.net/archive/2017/2/5/8> (Accessed 29.12.2018).
10. Rubleva O. L. Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka. 2016.
11. Ahmetov E.B. Osnovnyie polozheniya vtorichnoy yazykovoy lichnosti. [Elektronnyiy resurs] URL: http://www.rusnauka.com/10_NPE_2010/Philologia/62891.doc.htm (Accessed 17.12.2018).
12. Sushko M. V. Psiholingvisticheskiy aspekt obucheniya russkomu yazyku inostrannykh kursantov vysshikh voennykh uchebnykh zavedeniy // Molodoy ucheniy. #9. Pp. 1415-1418. 2015. [Elektronnyiy resurs] URL: <https://moluch.ru/archive/89/18225/> (Accessed 17.12.2018).
13. Zheglova O. A. Formirovanie yazykovoy lichnosti studentov vuza v usloviyah gumanitarizatsii vysshego obrazovaniya // Molodoy ucheniy. 2011. #6. T.2. Pp. 148-150. [Elektronnyiy resurs] URL: <https://moluch.ru/archive/29/3335/> (Accessed 28.12.2018).

Хроники научной жизни

Конференция “Проблемы лингводидактики и межкультурной коммуникации”

19 декабря 2019 года в институте “Иностранные языки, современные коммуникации и управление” Московского государственного психолого-педагогического университета прошла межвузовская студенческая научно-практическая конференция “Проблемы лингводидактики и межкультурной коммуникации”, на которой с докладами выступали студенты института ИЯСКУ МГППУ, приглашенные студенты из Чаньчунского университета Китайской Народной Республики и Гданьского университета Польши. В данной рубрике публикуются лучшие доклады российских и зарубежных студентов.

The Language Course Is Not Just a Book. It Is a Complex Set of Educational Components

Astashina M.S.,

Master student, Foreign Languages, International Relationships and Management, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, astmari-05@yandex.ru

Beyond all doubt a coursebook is a key-element in the lesson preparation for a majority of teachers. It can be defined as “a guide for teachers” because it has special pedagogical recommendations and a developed syllabus with the balance of skills and language practice for learners during a particular lesson. This article highlights issues towards the use of a modern coursebook with interactive components in a classroom, advantages and disadvantages of E-books as well. The findings revealed that the coursebook consists of several elements, which are made not only for working with a teacher but also for self-study. A teacher should not only concentrate on a well-designed syllabus, but also monitor students’ progress and make necessary modifications of tasks and information for learners’ needs. There are at least four strategies that give teachers the idea of working with a coursebook. The paper is expected to broaden teachers’ knowledge about modern coursebooks and E-books.

Keywords: course book, student’s book, interactive components, media, E-book.

Для цитаты:

Асташина М.С. Языковой курс - это не только один лишь учебник. Это сложный набор взаимосвязанных образовательных компонентов [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. №3. С. 66-71. doi: 10.17759/langt.2019060409

For citation:

Astashina M.S. The Language Course Is Not Just a Book. It Is a Complex Set of Educational Components [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 3, pp. 66-71. doi: 10.17759/langt.2019060409 (In Russ., abstr. in Engl.)

Introduction.

The language is a means of communication. However, its functions are bigger than it seems to be. The language is a storage of human experience and knowledge, collected through centuries. Therefore, it is essential to study not only a foreign language itself but also be acquainted with other peoples’ culture. This can reduce the level of international conflicts, erasing because of misunderstanding between nations and nationalities. That is why learning at least one foreign language has become an obligatory demand to modern citizens of the world[2].

Particularly every teacher of foreign languages is interested in finding such educational tools and materials, which will allow his or her students to learn the language in a challenging and motivating way. Additionally, it is essential to build students’ language skills (all of them: listening, reading, speaking and writing skills) during almost every lesson, therefore different types of exercises should be regularly observed and practiced. Moreover, a theme has to be interesting for students and educational materials and vocabulary should correspond with their goals. At the same time, constantly changing world brings claims even to the educational sphere. People need to cope with the curriculum and

acquire new skills and competences in a short period of time. That is why a teacher should be flexible and professional otherwise he or she will not meet the requirements. Fortunately, methodologists continuously analyze the current situation and design, adjusted to modern citizens' needs. Therefore, a teacher nowadays has a possibility to work in very comfortable conditions as he or she gains access to unlimited educational material and tools. One of such pleasant findings is the complete coursebook for any subject. This article will mostly focus on the language course.

The course books in modern education.

The usefulness of coursebooks has been the reason of strong debates among methodologists and teachers. This issue appeared in the early 70s, when the opinions about the usage of these cultural artefacts were very controversial and polarized. For instance, in 1981 R. Allwright questioned coursebooks' role, as he thought that "teaching" materials had to be changed into "learning" materials, leading to support for the notion of "learners' guides" to language learning, and for "ideas" and "rationale" books for teachers. However, some methodologists claimed that coursebooks were "methodological straitjackets" [9] while others proved their value as "agents of methodological change"

[6] and defended their use [7]. Even in the 21st century this topic is still urgent. People argue about relative merits of coursebooks [1] and their benefits and restrictions [5]. Moreover, the usage of E- books (Electronic-books) in a classroom has been becoming one the thought-provoking discussions among teachers and methodologists. This topic will be observed below in this article.

Nevertheless, modern coursebooks are not just only books for a student or a teacher. It is a developed "educational system", which is suitable not only for working in a class but also for self-study. The course generally consists of a Student's book, a workbook, a teacher's book and audio material. It is possible sometimes to find a Reader, a Tests Book and other Supplementary or Extra exercises. The educational program in a coursebook is divided into Units, which introduce the theme, lexis and grammar rules. The content of the course depends on students' demands (for instance, which language students need to study: English for Specific Purposes or Business English or English for Academic Purposes or English for the International Certificate etc.). The usage of the designed language course helps to overcome these challenges. Furthermore, well-organized and planned educational process offered by a coursebook (which is usually scheduled a year in advance) will let teachers spend less time on preparation for classes. Working with the language coursebook, a teacher gets access to interrelated tasks (in the Student's book and in the Workbook). This gives him or her the brilliant opportunity to pay students' attention to the usage of a particular lexeme or a grammar rule in various spoken and written texts. Without a coursebook this can be to some extent complicated, because a teacher has to find an appropriate text or a recording and modify it if the content of this message does not correspond to students' level of the language. One of the great advantages of a designed coursebook is the grammar, vocabulary and skills syllabuses revised in line with the Global Scale of English or other language standart. Moreover, authentic texts (for listening and reading tasks) make the educational process more fascinating and close to real situations. Students might listen to native speakers or just fluent language speakers, getting used to various accents and ways of pronunciation. In addition, each modern coursebook has audio scrips for all recordings in both books (a Student's book, a Workbook, and even in Extra activities). Looking through them, students can understand their mistakes; learn new vocabulary and phrases from real speech. The exercises in both books force students to use these language units in his or her own speech. Moreover, the workbook included into the language course consists of tasks, which aimed at revising the material and self-control work. This helps a teacher to control student's skill and understanding of the material.

Interactive components.

At the beginning of the technological revolution, computers were inaccessible for most people or provided some kinds of entertainment. Nowadays the situation has changed. Almost every family can supply all members with electronic devices. Moreover, technology has become an obligatory part of human's life. That is why the education should follow modern trends and include digital environment into educational process.

Methodologists and IT-specialists develop educational software for the coursebooks to help “digital immigrants” (teachers) make their lessons enjoyable and up-to-date for “digital natives” (students) [8]. One of such inventions is an interactive whiteboard (IWB). It is touch-sensitive, multi-purpose surface, which is usually attached to a laptop or a computer and a set of loudspeakers. On an interactive whiteboard it is possible to draw or write with a special pen as on an ordinary chalkboard, view videos, images and presentations (using a board as a large computer monitor), use commercial interactive whiteboard materials. Animated pages and interactive exercises for IWB can be a part of a coursebook and make the course come alive. For example, ActiveTeach (for the coursebook “Speakout” by Pearson). Audio and video material from this component is fully integrated with time-coded scripting. Moreover, it makes the navigation of the Language bank and the Vocabulary bank easier as it has clear and great pictures. In addition, it provides excellent prompts for language activities and contains grammar and vocabulary review games. Furthermore, a teacher can use an IWB as an assessment element as ActiveTeach has an assessment package containing all the courses tests [5].

Furthermore, nowadays such educational approaches as Blended Learning and Flipped Classroom are becoming the branch of studies. Modern methodologists and IT-specialists create educational software for coursebooks. For instance, MyEnglishLab (for the coursebook “Speakout” by Pearson) provides a fully blended and personalized learning environment that benefits both learners and teachers. MyEnglishLab is an interactive Workbook, which gives an instant feedback and automatic grades. Moreover, it supplies a learner with tips and reference material and encourages students to work out answers themselves as it highlights mistakes they are making. Additionally, this blended environment consists of unit and achievement tests, mid- and end of the course tests, which help student to monitor their progress. Students can work alone at home or at school as a part of a class activity.

Advantages and disadvantages of E-books.

The 21st century allows Internet users get the access to a variety of academic material. Nowadays people can read even a very rare book on their electronic device if it is possible to download it. The tendency of electronic books, or e-Books, is turning into a new way of reading, which has a broad list of advantages. This penetrates even into the education. The usage of e-Books as textbooks in the classroom at schools is becoming a new paradigm especially in developing countries. E-books reduce the daily burden of carrying heavy conventional textbooks for both learners and teachers. These books enable students to grow healthily without any damaging effects such as lower back pain, poor posture, spinal deformity over time and back problems in adulthood. Moreover, e-Books can make the educational process fun and may develop learners’ autonomy due to friendly functions of an electronic device; attractive graphics; enlarged text size; plug-in speakers, etc. In addition, the usage of electronic educational material economize parents’ money and minimize education expenditure because of free download of books from the Internet [3]. Furthermore, this tendency is environmentally friendly as there is less plastic and paper waste than from the usage of traditional books when they cannot be used again.

Nevertheless, E-books have some drawbacks. Unfortunately, most users of electronic books read texts on small mobile devices. Anyhow, these awesome devices still have flaws and limitations, which irritate eyes and cause some problems with sight. Talking about the teaching process itself, teachers and educators may not be adequately trained to conduct lessons with an e-Book and students may play or surf the Internet instead of completing tasks. However, some people find reading printed books more comfortable and pleasant than reading an E-book due to impossibility of making notes and comments helping to understand and analyze the text [3].

The best usage of the coursebook

How do teachers actually make the best use of the course book? Well, there are some factors that need to be kept into consideration when using this type on material.

Асташина М.С.
Языковой курс - это не только один лишь учебник.
Язык и текст
2019. Том 6. № 4. С. 66–71.

Astashina M.S.
The Language Course Is Not Just a Book. It Is a Complex Set of Educational Components Language and Text
2019, vol. 6, no 4, pp. 66–71.

Firstly, the coursebook helps teachers to create a balanced lesson in terms of the range of grammar or vocabulary skills that are being taught and actual types of material.

Secondly, it is recommended to avoid usage of the coursebook all the time, particularly with such activities, which can be created with additional materials. The syllabus is generally simple and does not correspond to actual needs of a particular class.

Thirdly, it is impossible to rely 100% on the information that is presented in the book. The information is contained in a book might not be the best way for students to understand it, therefore a teacher has to change that material to make it more comprehensible for students.

Finally, students may need more work in one particular area than the book actually presents. That is why a teacher should think carefully about additional or extra exercises and information within a lesson.

Therefore, there are four different possible approaches to use the coursebook. A teacher may omit or select certain parts of the material presented in the book. He or she can work on or take away the whole lesson or maybe even two or three lessons in a row. Moreover, it is possible to replace the material within the book with what is more suitable for the class. In addition, a teacher may supplement additional exercises, tasks and information in areas, where students need more help or explanation[10].

Conclusion.

The coursebook is a great pedagogical tool, which can be used during the educational process. Moreover, modern language courses consist of various elements or components designed to make the language acquisition pleasant and entertaining. Electronic and technological devices can diversify the learning process and develop learners' autonomy. Nevertheless, teachers can opt to use the coursebook and change the material from it by adapting the program and exercises for specific purposes in each particular class. Concerning the teachers' difficulties in using modern textbook, there are at two main difficulties faced by teachers. The first is limited aids for teaching of the usage of interactive components, blended platforms and different electronic devices used in the educational process. The second difficulty is the usage of an E-book in a classroom. The modern world makes new claims and teachers should follow these rules to maintain their qualification and competence. Otherwise, they will not be able to teach their students and solve pedagogical and educational problems during a lesson.

References

1. Allwright R. L. What do we want teaching materials for? // *ELT Journal*. 1981. Volume 36/1. Pp. 5-18.
2. Burlakova I.I. The Impact of Globalization on the Russian Language // *Language Art*, Vol 3 No 3 (2018): Shiraz, Iran. Pp. 93-106.
3. Embong A. M., Noor A. M., Hashim H. M., Ali R. M., Shaari Z. H. E-Books as Textbooks in the Classroom. // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. 2012. Volume 47. Pp. 1802-1809.
4. Harmer J. Coursebooks a Human,Cultural and Linguistic Disaster. // *Keynote*. 2001. Volume 10, 3. Pp. 5-10.
5. Harmer J. *The practice of English*. Pearson Education Limited. 2007. 448 p.
6. Hutchinson T., Torres E. The textbook as agent of change. // *ELT Journal*. 1994. Volume 48/4. Pp. 315-328.

Асташина М.С.
Языковой курс - это не только один лишь учебник.
Язык и текст
2019. Том 6. № 4. С. 66–71.

Astashina M.S.
The Language Course Is Not Just a Book. It Is a Complex Set of Educational Components Language and Text
2019, vol. 6, no 4, pp. 66–71.

7. O'Neill R. Why use textbooks? // ELT Journal. 1982. Volume J6. Pp. 104-111.
8. Scrivener J. Learning Teaching. The essential guide to English Language teaching. – Macmillan Publishers Limited. 2011. 414 p.
9. Tice J. Textbook straitjacket. // Practical English teaching. 1991. Volume 11/3. Pp. 2-23
10. Coursebooks and materials - Best Use of the Coursebook [Elektronnyiy resurs]
URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JpfU8Nyi2yQ> (Accessed: 11.11.2018).

Языковой курс - это не только один лишь учебник. Это сложный набор взаимосвязанных образовательных компонентов

Асташина М.С.

магистр, Иностранные языки, социальная коммуникация и управление, Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия,
astmari-05@yandex.ru

Для большинства учителей учебник выступает в роли ключевого элемента при подготовке к занятиям. Его можно даже назвать своеобразным «гидом для учителя», поскольку он содержит в себе педагогические рекомендации и разработанный учебный план, содержащий необходимые практические упражнения для каждого отдельного урока, направленные на развитие всех видов речевой деятельности учащихся. Данная статья описывает сложности использования современных учебников с интерактивным компонентом во время занятий, а также достоинства и недостатки электронных учебников. В результате анализа учебных материалов было отмечено, что УМК (учебно-методический комплект) состоит из нескольких элементов, которые могут быть использованы как для совместной работы с преподавателем, так и для самостоятельного изучения. Учитель должен не только концентрироваться на планировании учебника, но и отмечать для себя прогресс своих учеников, делать необходимые изменения в заданиях и материале в зависимости от потребностей учащихся. Существует, по крайней мере, четыре стратегии, которые дают учителю понимание работы с учебником. Данная статья призвана расширить знания преподавателей о современных учебниках и электронных книгах.

Ключевые слова: учебник, интерактивный компонент, медиа, электронная книга, электронный учебник.

Литература

1. Allwright R. L. What do we want teaching materials for? // ELT Journal. 1981. Volume 36/1. Pp. 5-18.
2. Burlakova I.I. The Impact of Globalization on the Russian Language // Language Art, Vol 3 No 3. 2018: Shiraz, Iran. Pp. 93-106.
3. Embong A. M., Noor A. M., Hashim H. M., Ali R. M., Shaari Z. H. E-Books as Textbooks in the Classroom. // Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2012. Volume 47, Pp. 1802-1809.
4. Harmer J. Coursebooks a Human,Cultural and Linguistic Disaster. // Keynote. 2001. Volume 10, 3. Pp. 5-10.

Асташина М.С.
Языковой курс - это не только один лишь учебник.
Язык и текст
2019. Том 6. № 4. С. 66–71.

Astashina M.S.
The Language Course Is Not Just a Book. It Is a Complex Set of Educational Components
Language and Text
2019, vol. 6, no 4, pp. 66–71.

5. Harmer J. The practice of English. Pearson Education Limited. 2007. 448 p.
6. Hutchinson T., Torres E. The textbook as agent of change. // *ELT Journal*. 1994. Volume 48/4. Pp. 315-328.
7. O'Neill R. Why use textbooks? // *ELT Journal*. 1982. Volume J6. Pp. 104-111.
8. Scrivener J. Learning Teaching. The essential guide to English Language teaching. Macmillan Publishers Limited. 2011. 414 p.
9. Tice J. Textbook straitjacket. // *Practical English teaching*. 1991. Volume 11/3. Pp. 2-23
10. Coursebooks and materials - Best Use of the Coursebook [Elektronnyiy resurs]
URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JpfU8Nyi2yQ> (дата обращения: 11.11.2018).

Русские фразеологизмы с колоризмами «красный», «белый», «черный» в текстах СМИ

Блохина А.А.,

*магистрант кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация»
института*

«Иностранные языки, современные коммуникации и управление» МГППУ, Москва, Россия

В статье представлен анализ фразеологизмов с колоративным компонентом на базе словарей русских ученых. Проанализировано также функционирование фразеологизмов-колоризмов в текстах современных СМИ, выявлена специфика их употребления.

Ключевые слова: фразеологизмы, колоризмы, красный, белый, черный, СМИ.

Для цитаты:

Блохина А.А. Русские фразеологизмы с колоризмами «красный», «белый», «черный» в текстах СМИ [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. №4. С. 72-78. doi: 10.17759/langt.2019060410

For citation:

Blokhina A.A. Russian Phraseological Units With Colors “Red”, “White”, “Black” in Media Texts [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 4, pp. 72-78. doi: 10.17759/langt.2019060410 (In Russ., abstr. in Engl.)

Цветонаименования или колоризмы – это лексические единицы, передающие цвет или его оттенок в языке. Фразеологизмы с колоративным компонентом отражают культуру этноса, ее особенности и этническое мировосприятие. Цвет играет большую роль в культуре различных этнических групп. Цвет фигурирует во всех сферах человеческой жизнедеятельности, поэтому многоаспектность цветового феномена всегда находит свое отражение в лексике. Цветовая лексика меняется вслед за языком, не представляет собой статичную систему, в нем появляются как новые (арбузный, мятный, алюминиевый), так и устаревшие наименования (кумачевый, какао-шуа, шампань).

В современном русском языке цвета в основном представлены в виде прилагательных.

Область науки, занимающаяся описанием цветов, принято называть лингвистикой цвета.

В нашей работе будет проанализирована специфика функционирования фразеологизмов с колоризмами красный, белый и черный в текстах современных СМИ.

Фразеологизмы с компонентом «красный цвет»

1. «Красный» как красивый. К этой группе можно отнести фразеологизмы, в которых идет речь о красивой девушке – красна девица, сюда же можно отнести ФЕ червоточинка красному яблочку не в укор - т.е. недостаток хорошей, красивой девушки не портит всю картину. Речь может идти и о каком-то красивом месте, к примеру, о месте около дома в усадьбе, предназначенном для отдыха – красный двор. Для обозначения красивого, почитаемого места в доме тоже существует фразеологизм – *красный угол*, однако стоит отметить, что в данном

случае сыграло роль буквальное восприятие цвета, поскольку *красный* угол обивали красным сукном, и слово «*красный*» здесь употребляется в значении «привилегированный», поскольку *красный* угол был самым почитаемым местом в доме. *Красный* - красивый, манящий к себе, искушающий цвет, подобную тенденцию можно проследить во фразеологизме *на красный цветок и пчела летит*.

«Красный» может иметь и пренебрежительное значение, к примеру, когда речь идет о щеголе – красный каблук.

2. «Красный» как символ революции. Человека, который занимался сбором информации для революционных музеев и музеев боевой и трудовой славы, называли *красным следопытом*. Во времена революции некоторые библеизмы изменили свои словоформы и значения, что мы и наблюдаем в случае перехода ранее описываемого нами *красного угла* в *красный уголок* – стенд или место для революционной агитации. Со временем субботники стали называться – *красной субботой*.

3. Буквальное восприятие цвета сыграло свою роль при описании наименования денежных купюр достоинством в десять рублей – *красный билет*, и в тысячу рублей – *красный косач*, обе эти денежные ассигнации были *красного* цвета.

4. «Красный» как огонь, символизирующий пожар, используется в перифразе *красный петух*.

5. «Красный» как привилегированный. Значение самой большой цены передается во фразеологизме – *красная цена*, - стоит отметить, что в наши дни этот фразеологизм приобрел совершенно противоположенное значение, сегодня *красная цена* – самая низкая.

6. «Красный» как отличительный признак. Символика *красного* цвета еще связана тем, что его часто использовали в качестве оберега, что находит свое отображение во фразеологизме *красная нить*. Хороший, качественный товар также называли *красным*, так получился новый фразеологизм – *красный товар*.

7. «Красный» как праздничный отображается во фразеологизме *красный день* – «*красный*» символизирует яркость, жизнь и красоту, сюда же можно отнести *красный день свадьбы* – *жить красно, да бедно* – праздничный день свадьбы, жить хорошо, но бедно, «*красный*» как праздничный.

8. «Красный» в сочетании с другими цветами. *Красный* – яркий, насыщенный цвет противопоставлен серому, унылому, что мы и видим во фразеологизмах *серенькое утро- красный денек* - антитеза *красный* (хороший, веселый) как антипод серого (грустного, унылого), и *щур красный, а день ненастный* – противопоставляется красивая *красная* птичка унылому серому дню.

Фразеологизмы с компонентом «черный цвет»

1. «Черный» как негативный. На наш взгляд, сюда можно отнести фразеологизм в *черном виде* - представить кого-то в худшем виде, «*черный*» как плохой, страшный, некрасивый. Также сюда можно отнести фразеологизм, передающий значение строгости, порой чрезмерной – *держат в черном теле*. Фразеологизм черными красками трактуется как описание всего в еще большем негативе, чем есть на самом деле.

2. «Черный» как злой. Сюда можно отнести фразеологизмы, при помощи которых передаются отрицательные человеческие качества. Например, коварного человека можно характеризовать при помощи ФЕ *черная душа*. Символ «*черный*» может выступать как символ столь больших внутренних, душевных недостатков, которые нельзя никак скрыть внешними проявлениями или исправить, что мы наблюдаем в ФЕ *как душа черна, так и мылом не смоешь*. ФЕ *черная доска* обозначает стенд с именами, заслужившими наказания, «*черный*» здесь можно соотнести с грехом, сюда можно отнести и фразеологизмы *черная магия* – «злая» магия, и *черная книга* – книга заклинаний. К магии, как демонстрирует материал языка, относились негативно, поэтому здесь «*черный*» символизирует плохое, злое.

3. «Черный» как несчастный. Как правило, употребляется для передачи тяжелого,

трудного периода в жизни – *черная страница, черное пятно, черный год \ день – тяжелый год \ день* и т.д. Слово «*черный*» символизирует несчастье. Отсюда – можно проследить антонимическую параллель, *красный день* со знаком плюс и *черный день* со знаком минус, то же самое мы наблюдаем во фразеологизме *на (про) черный день*, что, как правило, обозначает: беречь на случай наступления тяжелых времен.

4. «Черный» в значении «бедность». *Черный* символизирует бедность во фразеологизме *черная кость* – человек незнатного происхождения. Людей низших сословий также называли черню.

5. Буквальное восприятие черного цвета передается во фразеологизме *черный клобук* – монах, здесь слово *черный* соотносится со своим буквальным значением, поскольку одежда монахов была *черного* цвета.

6. Фразеологизмы, в которых «красное/белое» со знаком плюс противопоставляются «черному» со знаком минус. Называть *черное белым, белое черным / черное белым* называть – принимать что-то за противоположное, точнее, называть плохое (*черное*), хорошим (*белым*): *черны ручки да бела копеечка* – работающие руки (*черные*, грязные от работы) «приносят» деньги («бела» *белое*, как богатство, достаток), *полюби-ка нас в черне, а в красне и всяк полюбит / полюбите нас черненькими, а беленькими* каждый полюбит – полюби по-настоящему, противопоставляются *белый* и *красный*, как символ богатства, *черному*, как символу бедности, иными словами – полюбите нас в бедности, а в богатстве и всякий полюбит. *Платье черненько, да совесть беленька* – не очень богатый, но хороший человек, *черное* – выступает в значении бедности и грязи. Здесь символ противопоставлен *белому* – идее добра и духовной чистоты. Аналогичное противопоставление наблюдается во фразеологизме *и в красне живут, и в черне живут* – живут и в богатстве и в бедности, антитеза, аналогично противопоставляется *красное* – символ богатого, *черному* – символу бедности.

Фразеологизмы с компонентом «белый цвет»

1. Восприятие белого цвета в буквальном смысле передается во фразеологизме, обозначающем документ об отставке или непригодности к службе – *белый билет*.

2. «Белый» символизирует яд во фразеологизме *белый камень* – мышьяк, перифраз (как и «*красный петух*»), но здесь большую роль играет еще и буквальное восприятие цвета, поскольку мышьяк представляет собой химический элемент *белого* цвета, используемый для травли мышей.

3. «Белый» как символ отличительного знака передается при помощи двух фразеологизмов: *белый негр* (человек, выполняющий непосильную работу) и *белая ворона* (резко выделяющийся человек). Значение этих фразеологизмов раскрывается при помощи противопоставления *черного* и *белого*, ворона – птица с *черным* перьевым окрасом, а ворона с *белыми* перьями представляет собой нечто весьма необычное, резко выделяющееся, точно так же, как и для представителя негроидной расы характерен *черный* цвет кожи, поэтому белокожий афроамериканец будет явно выделяться из толпы. Но в случае с негром следует учитывать еще тот факт, что афроамериканцы долгое время были рабами, выполняющими тяжелый труд, в просторечье их называли *черными*, а представителей других рас, которые не были порабощены и не занимались таким тяжелым трудом, – *белыми*.

4. Привилегированность. Семантика привилегированности слова «*белый*» отражена во фразеологизме *белая кость* – человек знатного происхождения. Антитеза – «*черная кость*».

5. «Белый» как добрый раскрывается во фразеологизме *белая магия* – «добрая» магия; антипод – «*черная магия*».

6. Белый символизирует окружающий мир, жизнь.

Во фразеологизме *белый свет* содержится семантика «*окружающий мир*», данный фразеологизм часто входит в состав других фразеологизмов, что можно увидеть далее, таким образом дополняя их значение: *белый свет не клином стал | не сошелся* – есть еще варианты, *белый свет не мил* – ничего не радует; *увидеть белый свет в клеточку* –

оказаться в тюрьме (иными словами, смотреть на окружающий мир через оконные решетки); *без правды жить, с бела света бежать* – невозможно жить без правды, без правды окружающий мир (*белый свет*) невыносим; *среди белого дня* - при ясном свете, на виду у всех, «белый» обозначает дневное время суток, когда светло. Здесь *белый* свет символизирует окружающий мир (на виду у всех), также здесь играет свою роль буквальное восприятие цвета и трактовка *белого*- светлого времени суток.

7. «Белый» во фразеологизме «белая горячка». У данного фразеологизма прослеживается своя история. *Белая горячка* – жар, вызванный излишним употреблением алкоголя, *белая горячка* называется именно *белой* в связи с тем, что у человека при возникновении синдрома белой горячки язык покрывается белым налетом, или с тем, что, несмотря на очень высокую температуру, человек не краснеет.

Фразеологические сочетания с колоризмом красный в текстах СМИ

1. Красный список стран. Данное словосочетание употребляется для наименования стран, которые нельзя посещать жителям определенных государств. Прилагательное «красный» употребляется в данном случае потому, что *красный* цвет очень яркий и у многих он ассоциируется с красным цветом светофора или волчатника, которым ограждают территорию, на которую нельзя заходить («*Боливия была включена Госдепом в «красный» список стран, которые предписано не посещать*»).

2. Красный код/уровень – данное выражение употребляется, когда речь заходит о чрезвычайной ситуации («*На Камчатке объявлен «красный» код опасности из-за активности вулкана*»). Скорее всего, здесь используется именно этот колоризм, поскольку яркий *красный* цвет привлекает внимание. Знаки, предупреждающие об опасности, имеют элементы *красного* цвета, как и *красный* цвет у проблескового маячка, который крепится на полицейские или пожарные машины, машины скорой помощи. Также важно учитывать, что «*Красный* цвет для жителей Европы и США – символ опасности и тревоги» [Сысоева].

3. «Красный» как революционный. Выше мы уже писали о том, что *красный* цвет символизирует революцию в русской фразеологии. В текстах СМИ также красному цвету иногда приписывается такое значение («*А если в двух словах — это сериал про красный террор*»).

4. Красный гид Michelin («*в России появится Красный гид Michelin*»). Как известно, Мишлен выпускает два путеводителя: путеводитель *зеленого* цвета, в котором мы можем прочесть о различных природных объектах, и путеводитель *красного* цвета, - в нем мы можем прочесть о ресторанах и кафе.

Фразеологические сочетания с колоризмами в текстах СМИ

Фразеологические сочетания с колоризмом черный в текстах СМИ

1. «Черный» как плохой. *Черный рынок* («*На черном рынке груз стоит около €2,7 млн.*»).

В данном случае речь идет о рынке, на котором торгуют тем, чем запрещено торговать. «*Черный*» здесь используется поскольку он ассоциируется у людей с чем-то негативным. *Черный пиар* («*Агрессивная риторика, черный пиар, построенная на полном негативе предвыборная кампания*»). Как мы говорили ранее, *черный* цвет ассоциируется с чем-то плохим, здесь это прилагательное также употребляется по этой причине, поскольку речь идет о не самой хорошей рекламе. Сюда же можно отнести *черный список* («*По результатам экспертизы сгущенное молоко «Главпродукт» и «Глубокое» добавлены в черный список «Росконтроля», так как не соответствуют заявленному наименованию*»), *черных риелторов* («*Наживались на мертвых: в Москве задержана банда «черных» риелторов*») и *черный день* («*Это атака на культурную самобытность и наследие всех саксонцев и «черный день» для культурного наследия Саксонии*», — заявил министр»).

2. «Черный» как национальность («*У нас в брестском «Динамо» тоже черный в команде есть — парнишка Кики*»). В русской фразеологии *черный* цвет употребляется для характеристики определенной касты или определенного происхождения, в текстах современных СМИ данное употребление встречается крайне редко, а если и встречается, то не обладает

отрицательной коннотацией.

3. Черный юмор («Как и популярный сериал, анимационная лента режиссеров Грега Тирнана и Конрада Вернона основана на черном юморе, показывающем «идеальную» американскую семью через призму сатиры»). Черным юмором называют шутки на темы, о которых не очень корректно шутить.

4. Черное золото («США под предлогом охраны сирийской нефтяной инфраструктуры присваивают себе “черное золото»»). Черным золотом называют нефть, это связано с тем, что нефть черного цвета и стоит очень дорого.

5. Черный ящик («После расшифровки «черного ящика» в Межгосударственном авиационном комитете (МАК) сообщили...»). Черный ящик на самом деле не черного цвета, существуют две теории, почему данный ящик называют именно черным: раньше такие ящики были черного цвета, информация в данном ящике доступна для очень ограниченного количества людей.

6. Черная пятница («Событие считается крупнейшей распродажей в Пекине, и стало азиатским аналогом «Черной пятницы» в США, открывающей сезон распродаж после Дня благодарения»). Черной пятницей принято называть пятницу после Дня Благодарения, когда наступает пора больших скидок, есть несколько теорий, почему эту пятницу называют именно черной, например: раньше прибыль записывали именно черными чернилами, а в дни скидок магазины получают очень хорошую прибыль.

7. «Черный» как символ несчастья. Черная полоса («Если у тебя идет черная полоса, то она касается всех эпизодов»). В данном случае прилагательное черный также употребляется постольку, поскольку черный цвет связан с плохими, негативными эмоциями и несчастьем, сюда же можно отнести черную тоску («Смирнов порассуждал, как можно допить до «такой черной тоски, когда душа уже в аду», после чего заговорил о футболе»).

8. Черная вдова («В команде супергероев «Мстители», где актриса исполнила роль Черной вдовы (Наташи Романовф)»). В данном случае черному цвету не приписывается никакого отрицательного значения, данное словосочетание представляет собой имя положительного персонажа Марвел, само название персонажа взято из арахнологии, черная вдова – вид пауков.

9. Черным по белому («Никаких послаблений. Это написано черным по белому»). В данном фразеологизме идет речь о очевидных вещах, которые и так всем понятны, также здесь подчеркивается противопоставление черного и белого цветов.

Фразеологические сочетания с колоризмом «белый» в текстах СМИ

1. Белый дом («Сам глава Белого дома отвергает все обвинения»). Чаще всего в текстах СМИ встречается именно этот пример, Белым домом принято называть официальную резиденцию президента США.

2. Белая трость («Праздник стал частью акции «Белая трость», которая проходила на всей территории региона»). Белая трость – акция в поддержку слепых, для названия был выбран именно этот колоризм, поскольку белый цвет ассоциируется у людей с чем-то хорошим, светлым.

3. Белая кость рунета («Белая кость рунета, ум, честь и совесть, а также интеллект, литературный талант — древних виртуальных звезд обожали, боялись, за их внимание билась...»). Мы уже говорили о том, что во фразеологизме «белая кость» белый цвет символизирует знатное происхождение, здесь белый также символизирует привилегированность, определенную «касту» блогеров.

4. Белая зарплата («получающим белую зарплату на уровне примерно 150 тыс. рублей в месяц»). Белой зарплатой называют деньги, которые заработаны честным путем, также белой зарплатой называют чистую прибыль.

5. Белая полоса («Но черная полоса проходит, за ней наступает белая»). Белой полосой принято называть хороший период в жизни, здесь используется данное прилагательное, поскольку белый цвет ассоциируется с чем-то светлым и хорошим.

По итогам проведенной работы можно прийти к выводу, что фразеологизмы с колоризмом «красный» можно разбить по следующим семантическим группам:

«красный» как

1. красивый
2. революционный
3. особенный
4. признак достатка, привилегированный
5. праздничный
6. огонь
7. буквальное восприятие цвета
8. также в отдельную группу можно выделить фразеологизмы, в которых красный «взаимодействует» с другими цветами.

В текстах СМИ «красный» употребляется чаще всего при наименовании чрезвычайных ситуаций, «красный» употребляется и в значении «революционный», как и во фразеологии.

По данным словарей, фразеологизмы с цветовым компонентом «черный» можно разбить по следующим семантическим группам:

«черный» как

1. бедный
2. несчастный
3. злой
4. негативный
5. буквальное восприятие цвета
6. фразеологизмы, в которых можно наблюдать противопоставление «белого» / «красного» черному цвету

В текстах СМИ *черный* цвет, в основном, употребляется для придания негативной окраски чему-либо или кому-либо.

Фразеологизмы с лексемой «белый», можно разбить по следующим семантическим группам:

«белый» как -

1. свет
2. доброта
3. окружающий мир
4. привилегированность
5. отличительный знак
6. яд
7. буквальное восприятие цвета
8. противопоставление *белого* *черному* цвету

«Белый» в текстах СМИ употребляется, в основном, для придания положительной окраски какому-то явлению, а также при наименовании резиденции президента США.

На основании всего вышеизложенного можно также прийти к выводу, что фразеологизмы в текстах СМИ употребляются довольно часто, колоризмы *красный*, *белый* и *черный* не утратили свои традиционные значения, которые отражены в словарях, хотя и приобрели новые значения. Также можно сделать вывод, что в текстах СМИ данные цветовые прилагательные далеко не всегда употребляются с такой же экспрессивностью, как и во фразеологии.

Литература

1. Сысоева С.В. Использование цвета в рекламе // Сибирский торгово-экономический журнал. Омск, 2011. №12. С.147-149.
2. Газета.ру // [Электронный ресурс] URL: <https://www.gazeta.ru/> (дата обращения: 25.11.2019).
3. Ефремова Т.В. Современный толковый словарь русского языка // [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/262497> (дата обращения: 23.11.2019).

Блохина А.А.
Русские фразеологизмы с колоризмами
«красный», «белый», «черный» в текстах СМИ
Язык и текст
2019. Том 6. № 4. С. 72–78.

Blokhina A.A.
Russian Phraseological Units With Colors “Red”,
“White”, “Black” in Media Texts
Language and Text
2019, vol. 6, no 4, pp. 72–78.

4. Даль Ф.И. Толковый словарь живого великорусского языка // [Электронный ресурс] URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja/> (дата обращения: 23.11.2019).
5. Михельсон М.И. Толково-фразеологический словарь // [Электронный ресурс] URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_new (дата обращения: 23.11.2019).
6. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка // [Электронный ресурс] URL: <http://nashol.com/2015031383297/frazeologicheskii-slovar-russkogo-literaturnogo-yazyka-ok-13-000-frazeologicheskikh-edinic-fedorov-a-i-2008.html> (дата обращения: 23.11.2019).

Russian Phraseological Units With Colors “Red”, “White”, “Black” In Media Sources

Blokhina A.A.,

Master student of the Department «Linguodidactic and Intercultural Communication» of the Institute «Foreign Languages, Modern Communication and Management» of Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

The article presents the analysis of phraseological units with a color component based on dictionaries of Russian scientists. The functioning of phraseological units-colorisms in the texts of modern mass media is also analyzed, the specificity of their use is revealed.

Keywords: phraseological units, colorisms, red, white, black, media sources.

References

1. Sy`soeva S.V. Ispol`zovanie cvveta v reklame // Sibirskij torgovo-e`konomicheskij zhurnal. Omsk, 2011. №12. Pp.147-149.
2. Gazeta.ru // [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.gazeta.ru/> (Accessed 25.11.2019).
3. Efremova T.V. Sovremenny`j tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka // [Elektronnyi resurs] URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/262497> (Accessed 23.11.2019)
4. Dal` F.I. Tolkovy`j slovar` zhivogo velikorusskogo yazy`ka // [Elektronnyi resurs] URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja/> (Accessed 23.11.2019).
5. Mixel`son M.I. Tolkovo-frazeologicheskij slovar` // [Elektronnyi resurs] URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_new (Accessed 23.11.2019).
6. Fedorov A.I. Frazeologicheskij slovar` russkogo literaturnogo yazy`ka // [Elektronnyi resurs] URL: <http://nashol.com/2015031383297/frazeologicheskii-slovar-russkogo-literaturnogo-yazyka-ok-13-000-frazeologicheskikh-edinic-fedorov-a-i-2008.html> (Accessed 23.11.2019).

Влияние ведущего полушария на изучение иностранного языка

Еременко А.М.,

студент кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация» института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление» МГППУ, Москва, Россия

Актуальность выбранной темы обусловлена проблемой эффективного обучения иностранному языку в условиях современной глобализации и межкультурных взаимодействий. Ведущее полушарие головного мозга имеет решающее значение для грамотного и результативного изучения языка. Основываясь на функциях полушарий, можно рационально составить план обучения, который даст результат и облегчит обучающимся процесс овладения языком,

Ключевые слова: левое полушарие, правое полушарие, «правополушарники», «левополушарники», головной мозг, метод обучения, иностранный язык, эффективное обучение

Для цитаты:

Еременко А.М. Влияние ведущего полушария на изучение иностранного языка [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. №4. С. 79-81. doi: 10.17759/langt.2019060411

For citation:

Eremenko A.M. The Influence of the Leading Hemisphere on the Learning Foreign Language [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 4, pp. 79-81. doi: 10.17759/langt.2019060411 (In Russ., abstr. in Engl.)

Головной мозг – это главный контролирующий орган центральной нервной системы. Его важнейшими частями являются полушария. Ведущее полушарие определяет не только то, какой рукой пишет человек, но и образ мышления и способы усвоения информации, а значит и иностранного языка.

Приоритетное полушарие влияет на осуществление многих особенностей психической деятельности. Так как же влияет каждое из полушарий на изучение иностранного языка?

Как правило, деление людей на две категории – правополушарных и левополушарных - не учитывает возрастные и психические особенности. В данной статье рассматривается категория среднестатистических детей и взрослых, не имеющих умственных и психических отклонений.

Основываясь на функциях полушарий головного мозга, можно предположить, что левое полушарие становится доминантным по речевой функции у правой, тогда как правое остается субдоминантным.

Правополушарные люди, изучающие иностранный язык, не зная правил, пишут и говорят правильно. Они основываются на интуиции, что доказывается теорией генеративной грамматики Ноама Хомского, которая показывает, что каждый человек наделен «языковой схемой», принимающей лингвистический опыт. В данной ситуации человек может на невербальном уровне воспринимать грамматические конструкции и использовать их в своей речи или «чувствовать язык», то есть с помощью «языковой догадки» переводить некоторые слова в контексте и воспроизводить их в собственных высказываниях. Для таких людей детальные разборы текстов или грамматических упражнений не являются полезными - они утомляют «правополушарников»,

поскольку им свойственно дедуктивное познание и им необходимы задания на общее понимание, вопросы по содержанию и выражение собственного мнения. Таким людям надо обеспечить свободу мышления. Их нельзя подстраивать под рамки классического урока когнитивного подхода. Здесь будут работать деятельностный, коммуникативный, социокультурный подходы и нетрадиционные формы урока (урок-квест, урок-спектакль и т.д.), поскольку они направлены на включение самовыражения и воображения. Данные подходы можно использовать в рамках метода проблемного обучения. Чтобы эффективно изучать иностранный язык, правополушарным обучающимся необходимо обеспечить возможность многократной смены деятельности во время занятия, больше устных заданий, нежели письменных, вопросы без вариантов ответов, визуальная передача информации (видео, презентации, картинки), музыкальные задания, групповые задания (коллективные обсуждения), задания с выражением собственного мнения.

При обучении грамматике следует использовать наглядные примеры использования конструкций или времен в контексте. Отдельные разъяснения правил искусственным способом приведут к рассеиванию внимания, а значит, к ошибкам, поскольку обучающиеся начнут сосредотачиваться на деталях, тем самым перестанут воспринимать целостный ряд.

Правополушарные обучающиеся особо реагируют на интонацию. Это позволяет учителю расставлять акценты на важных составляющих, а значит и информация будет лучше усвоена. Таким образом, если учитель будет использовать эти закономерности, учащиеся не потеряют интерес к изучению иностранного языка и будут осваивать новую лексику и грамматику на подсознательном уровне в ходе дискуссии.

Левополушарные люди, изучающие иностранный язык, руководствуются четкими инструкциями. Им сложно проявлять фантазию и креативность, а также создавать что-то свое, не имея образца. Для них язык – это сложная система, которая функционирует по своим правилам.

«Левополушарники» акцентируются на изучении отдельных элементов - грамматики, лексики, произношении в отличие от «правополушарников», которые изучают язык как единое целое, поскольку левополушарным учащимся свойственно индуктивное познание. Они могут развить

«языковую догадку» только после того, как изучат по отдельности все составляющие языка. Урок не будет эффективным, если левополушарного обучающегося погрузить в новую тему, не дав инструкций. Учащийся начнет теряться и испытывать трудности, поскольку постановка задачи, решение и осознание осуществляется левым полушарием. Для результативного урока подойдут сознательный, бихевиористический, индуктивно-сознательный, когнитивный и интегрированный подходы. Его можно использовать через грамматико-переводной, аудиolingвальный, коммуникативно-ориентированный методы и метод проектов.

«Левополушарники» предпочтут письменные упражнения и тесты, задания с вариантами ответов, индивидуальную работу (для полного погружения в систему правил), логичные, обоснованные утверждения, задания, на выполнение которых дается большое количество времени (для аналитической работы), сосредоточенность в течение занятия на одном-двух видах деятельности без частой смены форм работы (чтобы не рассеивалось внимание и лучше усваивался материал) и четкое расписание. «Правшам» легко даются задания с развернутым ответом (эссе, сочинения, статьи). Для них самое главное – выделить побольше времени и оставить их в тишине наедине со своими мыслями. Ошибок в письменной речи у

«левополушарников» гораздо меньше, чем в устной, так как располагают временем на размышление и для постановки семантики в рамки грамматики. Следовательно, если преподаватель будет учитывать эти факторы, обучающийся не потеряет интерес к изучению иностранного языка, а урок будет весьма эффективен.

Таким образом, очень важно проводить тестирование на предмет определения ведущего полушария у учащегося перед изучением иностранного языка для выведения программы обучения. Стоит отметить, что если не будут учтены особенности психического мышления, то обучение будет неэффективным, а значит человек либо не усвоит иностранный язык, либо будет испытывать трудности на протяжении всего процесса овладения языком.

Литература

1. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. М.: Наука, 1994.
2. Шульговский В.В. Основы нейрофизиологии. М.: Аспект Пресс, 2000.
3. Борягина О.Д. Представления о симметрии и ассиметрии строения и функции полушарий большого мозга человека согласно данным литературы.
4. Перехвальская Е.В. Этнолингвистика. М.: Юрайт, 2016.
5. Л.В. Ефременко, А.И. Самедова. Билингвизм и особенности овладения иностранными языками у детей дошкольного возраста.
6. Залевская А.А. Введение в психоллингвистику. РГГУ, 2007.
7. Хомский Н. Язык и мышление. М.: Изд. Московский университет, 1972.

The Influence of the Leading Hemisphere on the Learning Foreign Language

Eremenko A.M.,

student of the Department «Linguodidactic and Intercultural Communication» of the Institute «Foreign Languages, Modern Communication and Management» of Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

The relevance of the chosen topic is determined by the interest of teachers in effective foreign language teaching in the conditions of modern globalization and intercultural interactions. For competent and effective language learning, it is necessary to take into account the leading hemisphere of the brain. Based on the functions of the hemispheres, it is possible to rationally draw up a training plan that will give results and facilitate the learning process of language acquisition

Keywords: left hemisphere, right hemisphere, brain, teaching method, foreign language, effective study.

References

1. Druzhinin V.N. Psihologiya obschih sposobnostey. Moscow: Nauka, 1994.
2. Shulgovskiy V.V. Osnovy neyrofiziologii. Moscow: Aspekt Press, 2000.
3. Boryagina O.D. Predstavleniya o simmetrii i assimetrii stroeniya i funktsii polushariy bolshogo mozga cheloveka soglasno dannym literatury.
4. Perehval'skaya E.V. Etnolingvistika. Moscow: Yurayt, 2016.
5. L.V. Efremenko, A.I. Samedova. Bilingvizm i osobennosti ovladeniya inostrannymi yazyikami u detey doshkol'nogo vozrasta.
6. Zalevskaya A.A. Vvedenie v psiholingvistiku. RGGU, 2007.
7. Homskiy N. Yazyik i myshlenie. Moscow: Izd. Moskovskiy universitet, 1972.

Исследование авторских приемов формирования картины мира при обучении билингвов жанру баллады (на примере русской и английской литературы)

Карелина А.В.,

магистрант кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация» института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление» МГППУ, Москва, Россия, karelina1996@bk.ru

В статье рассматриваются процесс жанрового становления англо-шотландской баллады и ее структурно-семантические и языковые особенности. Материалом исследования служат баллады раннего и позднего средневековья: “The TwaCorbies” (“The Three Ravens”), “Lord Randall”, “The Two Sisters”, “Clerk Colvill” (“Clerk Colven”, “George Collins”), “The Moon Shined on My Bed Last Night”.

Ключевые слова: англо-шотландские баллады, английская литература, жанр, эволюционные процессы, структурно-семантические и языковые особенности.

Для цитаты:

Карелина А.В. Исследование авторских приемов формирования языковой картины мира при обучении билингвов жанру баллады (на примере русской и английской литературы) [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. №4. С. 82-90. doi: 10.17759/langt.2019060412

For citation:

Karelina A.V. The Study of the Author's Methods of Formation of a Language Picture of the World at Teaching Ballad Genre to Bilingual Students [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 4, pp. 82-90. doi: 10.17759/langt.2019060412 (In Russ., abstr. in Engl.)

Изучением баллады как жанра и вопросами ее соотношения с эпосом занимались такие отечественные и зарубежные литературоведы, как А.Н. Веселовский, Н.Г. Елина, В.М. Жирмунский, Н.И. Кравцов, Ф.Б. Гаммер, Дж.Н. Грейвс, Г.Х. Джерулд, и др. С эпосом баллада схожа повествовательным аспектом, однако баллады рассказывают о определенном историческом событии или герое фрагментарно. Т.е. автор баллады (его еще называют сказителем) часто описывал совсем недавнее событие (может быть даже с позиции очевидца), поэтому он опускал общеизвестные детали и заострял внимание на отдельных эпизодах, особенно его поразивших или неизвестных большинству. Поэтому, как отмечает В.М. Жирмунский, в балладе присутствует большое количество эпитетов и эпических повторений (повторение лирическим героем чужих слов) [7, с. 97-98]. Эпичность баллады также проявляется в объективном характере повествования о событиях, без лирических отступлений, комментариев и эмоциональных пояснений сказителя [4, с. 57]. Сильное героическое начало, общее для эпоса и баллады, отличается качеством своего проявления: так, эпический герой – собирательный образ благородного рыцаря, соединившего в себе

Карелина А.В.

Исследование авторских приемов формирования языковой картины мира при обучении билингвов жанру баллады
Язык и текст
2019. Том 6. № 4. С. 82–90.

Karelina A.V.

The Study of the Author's Methods of Formation of a Language Picture of the World at Teaching Ballad Genre to Bilingual Students
Language and Text
2019, vol. 6, no 4, pp. 82–90.

лучшие черты национального характера; в балладе же герой, даже если это историческое лицо, будет показан с эмоциональной стороны, главным будет являться не его сильный характер, а глубина его чувств и накал страстей, которые должны вызвать эмоциональную реакцию у слушателей [1, с. 61].

Термин «баллада» был взят из латинского слова *ballare*, что переводится как «плясать», следовательно, балладой называется фольклорная песня, сопровождающая танец. Сейчас этот термин также применяется к любой повествовательной композиции, подходящей для пения.

Балладу также можно определить как повествовательную народную плясовую песню определенной тематики (празднование весны, восхваление любви и преданности, высмеивание ревности и т.д.), часто имеющую стихотворную форму и довольно безличную по материалу, самобытный стиль которой сформировался в Европе в позднем Средневековье. Так, во Франции, Англии, Шотландии, Германии, Испании, России и многих других странах сохранились внушительные коллекции баллад, правда, в более раннем Средневековье они назывались песнями: *viser* – в Дании, *Lieder* – в Германии, *songs (rhymes)* – в Англии, былины и народные песни – в России, *romances* – в Испании. И хоть некоторые баллады имеют аналоги в других культурах, их формальные характеристики всегда различны: например, британские и американские баллады неизменно рифмованы и строфичны, в то время как русские былины и почти все балканские баллады являются нестрофичными [1, с. 57].

Говоря о балладах, отдельно стоит упомянуть их музыкальное сопровождение. Баллада, изначально представляя собой народную песню, является креолизированным текстом, т.е. таким текстом, «...фактура которого состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [11, с. 180]. Баллада технически не является балладой, если она не поется; хотя вербальный (текст) и невербальный (музыкальное сопровождение) компоненты баллады динамически взаимозависимы, иногда можно найти одну и ту же версию баллады, исполняемую на различные мелодии подходящего ритма и метра, или найти одну и ту же мелодию, используемую как музыкальное сопровождение для нескольких разных баллад [13, с. 70-74].

Баллада как жанр имеет свои формальные особенности, отличающие ее от других видов лиро-эпических произведений. Среди них стоит отметить следующие:

1. особый характер повествования: наличие всех сюжетных элементов, динамичность, драматизм;
2. безэмоциональность рассказчика: отсутствие авторской оценки события, наличие которой привело бы к смене композиции и преобладанию описания (картины) над действием (сюжетом);
3. описание чувств героев с помощью экспрессивных синтаксических конструкций и лексем, (тогда как эпическое повествование отличается бесстрастностью);
4. сочетание реального с фантастическим: в балладах «...нет чудес как основы повествования. Они изредка вкраплены в повествование, но не нарушают общего реалистически окрашенного повествования» [9, с. 85];
5. романтический (необычный) пейзаж (особенно характерно для англо-шотландских баллад);
6. наличие рефрена;
7. устная традиция передачи;
8. вариативность: наличие ранней и более поздних версий одной и той же баллады) [1, с. 63-65].

В современном литературоведении все больше внимания уделяется изучению трансформации жанровой формы баллады и ее эволюции, в обиход вошел термин «литературная баллада» – «...лиро-эпическое сюжетное стихотворение фольклорного происхождения или авторское, но созданное на материале фольклора» [8, с. 32]. Таким образом, литературная баллада фактически является имитацией традиционной баллады. Единственное различие между двумя балладами – авторство: автор литературной баллады – известная личность, в то время как автор традиционной баллады анонимен (им может быть

Карелина А.В.

Исследование авторских приемов формирования языковой картины мира при обучении билингвов жанру баллады
Язык и текст
2019. Том 6. № 4. С. 82–90.

Karelina A.V.

The Study of the Author's Methods of Formation of a Language Picture of the World at Teaching Ballad Genre to Bilingual Students
Language and Text
2019, vol. 6, no 4, pp. 82–90.

простой пастух, крестьянин или фермер). Более того, литературная баллада неподвластна времени, т.к. она зафиксирована на бумаге и является интеллектуальной собственностью поэта (следовательно, может быть издана). Литературные баллады также более длинные и стилистически более ярко оформлены по сравнению с традиционными балладами, при этом они обладают всеми другими чертами традиционной баллады. Дж. Китс, С. Кольридж, У. Вордсворт, Р. Бернс, У.Б. Йейтс, Р.Л. Стивенсон, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.К. Толстой, В.Я. Брюсов, В.С. Высоцкий и многие другие поэты преуспели в жанре литературной баллады.

Необходимо заметить, что в XIV – XVI веках на территории Англии и Шотландии произведения устной народной поэзии называли не балладами, а песнями (songs, иногда tales). В современной терминологии старинные народные баллады называют old ballads, ancient ballads, popular ballads, traditional ballads, иногда – Child Ballads в честь американского ученого-фольклориста Френсиса Джеймса Чайлда. Помимо «традиционных» баллад с XVI века известны также уличные баллады (street ballad, broadsheet, vulgar) – анонимные злободневные стихи, являвшиеся продуктом развития дешевой печати. Как правило, они печатались на одной стороне среднего или большого листа бумаги низкого качества и распространялись на городских улицах и ярмарках по низкой цене. Тематика таких баллад весьма разнообразна: от изображения различных чудес, легенд, любовных историй до ранней журналистики – природных бедствий, политических событий, преступлений. Печатались также комические баллады, иногда даже грубые и непристойные (отсюда и название vulgar) [2, с. 65-66].

В Англии и Шотландии литераторы начали проявлять интерес к балладе уже в позднем Средневековье (XIV—XV века), однако заключался он в основном в публикации отобранных на основании общих признаков (например, тематике) баллад, а не в целенаправленном изучении текстов. Так, в виде книг выходят такие баллады, как «Повесть о Гамелине» (“The Tale of Gamelyn”), «Адам Белл» (“Adam Bell”) и «Деяния Робин Гуда» (“The Big Geste of Robyn Hode”).

«Повесть о Гамелине», например, встречается в двух ранних рукописях «Кентерберийских рассказов» Джеффри Чосера. Исследователи творчества Дж. Чосера не приписывают данную балладу перу «отцу английской поэзии», полагая, однако, что он включил ее в свою работу с намерением переработать ее сюжет и персонажей и создать свою версию в последствии. Тем не менее, нельзя отрицать вклад Дж. Чосера в развитие литературного жанра английской баллады: «Именно он ввел французскую балладу в английскую поэзию, используя опыт современных ему итальянских и французских поэтов» [2, с. 65].

Активно собирать баллады с целью их издания и изучения стали в основном в XVIII-XIX веках:

1. Аллан Рамзей: издал фольклорные сборники шотландских песен «Вечнозеленые песни» (“The Evergreen”, 1724) и «Беседы за чашкой чая» (“Tea-Table Miscellany”, 1724-1732);
2. Томас Перси: издал собрание «Старых героических баллад, песен и прочих пьес древних поэтов» (“Reliques of ancient English poetry”, 1765-1794);
3. Вальтер Скотт: в сборнике «Песни шотландской границы» (“Minstrelsy of the Scottish Border”, 1802-1803 гг.) привел тексты сказок и баллад;
4. Хью Миллер: издал два сборника «Зарисовки и легенды Северной Шотландии» (“Scenes and Legends of the North of Scotland”, 1835 г.) и «Сказки и скетчи» (“Tales and Sketches”, 1863 г.);
5. Джон Фрэнсис Кемпбелл: издал четырехтомник «Народные сказки западной Шотландии» (“Popular tale of the West Highlands”, 1860-1890 гг.);
6. Френсис Джеймс Чайлд: собрал все известные ему баллады с их вариантами и издал свой сборник баллад (с различными вариантами) «Английские и шотландские баллады» (“The English and Scottish popular ballads”, 1882-1898 гг.), в настоящее время считающийся классическим;
7. обращались к жанру баллады в своих произведениях: А. Ланг, Р. Бернс, В. Скотт, Р. Стивенсон, С.Т. Кольридж, А. Теннисон и др. [1, с. 65-70].

Карелина А.В.

Исследование авторских приемов формирования языковой картины мира при обучении билингвов жанру баллады

Язык и текст

2019. Том 6. № 4. С. 82–90.

Karelina A.V.

The Study of the Author's Methods of Formation of a Language Picture of the World at Teaching Ballad Genre to Bilingual Students

Language and Text

2019, vol. 6, no 4, pp. 82–90.

Характеристиками народной англо-шотландской баллады, как утверждает Эдвин У. Боуэн (Edwin W. Bowen), являются:

1. наличие рефрена;
2. сопровождение баллады пением и танцами;
3. отсутствие субъективного элемента, т.е. эмоциональной окраски текста баллады исполнителем;
4. анонимность;
5. вариативность;
6. наивность, непосредственность и простота речи и мысли – язык баллады лишен образного выражения, но он изобилует повторами и диалогами [14, с. 292-294].

Англо-шотландские народные баллады интересны тем, что они лучше всех остальных поэтических текстов отражают чувства и настроения народа в далеком прошлом: некоторые из них имеют нежное, мягкое звучание, некоторые дерзки и свирепы, некоторые из них имеют минорное наклонение, некоторые – мажорное. Сюжетика баллад также разнообразна: кровавые, печальные мотивы войны и смерти разбавляются в более поздние периоды мотивами любви и семьи. «Происходит видимый переход от трагизма к лиризму, от эпического к бытовому» [6, с. 59].

Народные баллады являются продуктом устного народного творчества и отражают культурную картину мира, выражающуюся в них посредством языковых средств. Язык в балладах – отражение национальной концептуальной модели мира, способ одновременной интерпретации антропоцентрического и антропометрического восприятия мира, т.е. одновременного сосуществования в текстах баллад общечеловеческих универсалий, образов, символов и стереотипов (лиса – хитрость, коварство, камень – бесчувственность и т.д.) с национально-культурными особенностями. Для изучения вышеперечисленных составляющих языковой картины мира необходимо провести качественный и количественный анализ баллад с точки зрения следующих структурных элементов текста:

1. семантических единиц предметности: лексические и фразеологические единицы, синтаксические средства выразительности (инверсия; антитеза; градация; повтор; анафора; эпифора; риторические восклицание, вопрос и обращение; вопросно-ответное единство; синтаксический параллелизм и др.);
2. процессуальности: дискурсивность текста, т.е. интенция и динамичность повествования [5, с. 45];
3. темпоральности: выражение сущности физического и философского аспектов времени языковыми средствами (темпорально-модальный комплекс текста представлен совокупностью грамматических (глагольные времена) и лексических средств («темпоральные» слова – наречия времени и опосредованно связанные с представлением о времени слова)). В зависимости от темпорально-модального комплекса все тексты можно разделить на:
 1. линейно-организованные тексты, в которых события происходят последовательно (например, по схемам «прошлое – настоящее – будущее», «прошлое – настоящее» (часто встречается в поэзии), «будущее – прошедшее»);
 2. нелинейно-организованные тексты, в которых события происходят нелинейно [10, с. 82-85];
4. локальности: соотношение содержания текста с идеей пространства (местом текстовых событий, перемещением персонажей и т.д.), выражаемое с помощью соответствующей лексики (обстоятельства места, глаголы движения, предлоги пространственного значения (на, под, около, над, к, из-за), топонимы и географические термины) [12, с. 163- 164]; а также способов их комбинации в тексте баллад различных жанровых модификаций [3,

с. 42].

Карелина А.В.

Исследование авторских приемов формирования языковой картины мира при обучении билингвов жанру баллады

Язык и текст

2019. Том 6. № 4. С. 82–90.

Karelina A.V.

The Study of the Author's Methods of Formation of a Language Picture of the World at Teaching Ballad Genre to Bilingual Students

Language and Text

2019, vol. 6, no 4, pp. 82–90.

Языковая картина мира англо-шотландских баллад является продуктом самореализации и речемыслительной деятельности языковой личности и языкового коллектива с XIV века (о более ранних версиях ныне известных баллад информации не обнаружено) и по наши дни включительно.

Одна из самых мрачных и популярных баллад в англо-шотландской балладной традиции, написанная на шотландском языке "The Twa Corbies" («Два Ворона»), вероятно, относится к XVIII веку и была впервые опубликована в «Песнях шотландской границы» Вальтера Скотта в 1812 году. Однако ее текст восходит к английской балладе "The Three Ravens" («Три Ворона»), напечатанной в песеннике "Melismata" Томаса Рейвенскрофта в 1611 году. Основатель британской фолк-рок-группы Steeleye Span и «крестный отец британского фолк-рока» Эшли Хатчинс (Ashley Hutchings) утверждает, что "The Three Ravens" датируется по крайней мере XIII веком, когда баллады обычно слагали о лордах и леди (возможно, потому, что они были большим предметом интереса для людей, богатых и бедных). Героем "The Twa Corbies" и "The Three Ravens" как раз таки является убитый рыцарь.

Общими темами в двух этих балладах являются хрупкость человеческой жизни и идея ее продолжения после смерти. Вместе с тем, "The Twa Corbies" отличается от своего английского варианта более мрачным и циничным тоном повествования и темой предательства. В данной балладе два ворона обсуждают в ужасных подробностях то, как они используют тело убитого рыцаря (выключают его глаза и используют его волосы для своего гнезда), ведь его спутники (ястреб и собака, а также леди-возлюбленная) покинули его, поэтому некому будет помешать воронам начать кровавую трапезу. И наоборот, в "The Three Ravens" вороны отмечают преданность животных и леди. Таким образом, главным отличием этих баллад друг от друга являются противопоставленные в них мотивы предательства и верности.

На русский язык баллада "The Twa Corbies" была частично переведена А.С. Пушкиным по французскому переводу сборника шотландских баллад В. Скотта и опубликована в издании «Стихотворений» 1829 г. под названием «Шотландская песня».

Интересно рассмотреть не менее известную англо-шотландскую пограничную балладу «Лорд Рэндэл» ("Lord Randall"), построенную в форме диалога. Вне зависимости от различий в имени героя и его местоположения, сюжет будет примерно одинаковым: главный герой отравлен своей возлюбленной, о чем он сообщает своей матери и диктует свою последнюю волю и завещание. Варианты этой баллады встречаются по всей Европе. Так, в Италии их обычно называют "L'avvelenato" («отравленный человек») или "Il testamento dell'avvelenato" («воля отравленного человека»), самая ранняя известная версия датируется 1629 г. (по мнению Камилло иль Бьянкино (Camillo il Bianchino)). Однако мотив отравительницы нигде не описан. К данной балладе не раз обращались в своем творчестве британские и американские фольклористы. Последняя ее интерпретация, заслуживающая внимания, была создана британским фольклористом Сэмом Ли (Sam Lee) в соавторстве с английским композитором Дэниэлом Пембертоном (Daniel Pemberton) для фильма Гая Ричи (Guy Ritchie) 2017 г. «Меч короля Артура» ("King Arthur: Legend of the Sword"). Композиция "The Wild Wild Berry" является непосредственной отсылкой к оригинальной балладе.

Таким образом, в балладах раннего Средневековья наблюдаются мрачные настроения, часто прослеживаются мотивы смерти, предательства, убийства (причем с неясным мотивом), одиночества. Небольшое количество эпитетов в тексте имеет негативную окраску: так, вороны в балладе «Два ворона» подчёркивают красоту мертвого рыцаря ("Ye'll sit on his white haire- bane, / And I'll pike out his bonny blue een"), при этом называя его своим «приятным ужином» ("So we may mak our dinner sweet").

"The Two Sisters" («Две сестры») – нортумбрийская баллада об убийстве одной сестрой другой. Впервые она появилась как уличная баллада в 1656 г. под названием "The Miller and the King's Daughter" («Мельник и дочь короля»). В Англии существует по крайней мере 21 вариант этой баллады (под названиями "Minnorie", "Binnorie", "The Cruel Sister", "The Wind and Rain", "Dreadful Wind and Rain", "Two Sisters", "The Bonny Swans" and the "Bonnie Bows of

Карелина А.В.

Исследование авторских приемов формирования языковой картины мира при обучении билингвов жанру баллады
Язык и текст
2019. Том 6. № 4. С. 82–90.

Karelina A.V.

The Study of the Author's Methods of Formation of a Language Picture of the World at Teaching Ballad Genre to Bilingual Students
Language and Text
2019, vol. 6, no 4, pp. 82–90.

London". В собрании Ф.Дж. Чайлда находится под номером 10. Сюжет данной баллады можно описать так: две сестры спускаются к воде (иногда к реке, иногда к морю), старшая сестра толкает младшую в воду и отказывается в помощи несмотря на мольбы и посулы младшей. Обычно в тексте явно отражается намерение старшей сестры утопить младшую. Ее мотив – ревность: в некоторых вариантах к сестрам приезжает рыцарь с намерением жениться на старшей, хотя сердце его отдано младшей. В большинстве версий старшая сестра описана как

«темная», уродливая, в то время как младшая сестра светловолосая и красивая, что также является мотивом убийства. Когда тело убитой девушки выносит на берег, местный менестрель делает из него музыкальный инструмент, обычно арфу или скрипку, с костяной оправой и «длинными золотыми волосами» в качестве струн. Затем с этим инструментом музыкант идет на праздник в дом сестер (в некоторых версиях – на свадьбу старшей сестры и поклонником младшей), где инструмент начинает играть сам по себе и петь о совершенном убийстве. Так, старшая сестра публично уличена как убийца (на этом баллада обычно заканчивается), в некоторых версиях баллады за обвинением следует наказание в виде сожжения на костре или варения в расплавленном свинце.

Итак, на данном этапе баллады строятся в основном в диалогической форме, причем повествование содержит в себе все сюжетные элементы (зачин – развитие – кульминация – вывод). Лексические повторы и инверсия являются важными структурными элементами текста в данный период и используются довольно часто.

Известная в Британии с 1769 г. баллада “Clerk Colvill” (другие названия – “Clerk Colven”, “George Collins”), по мнению английского народного певца и фольклориста А.Л. Ллойда (A.L. Lloyd), является продолжением двух баллад в коллекции Ф.Дж. Чайлда – №42 «Клерк Колвилл» (“Clerk Colvill”) и №85 «Леди Элис» (“Lady Alice”) [15, с. 129]. Сюжет баллады кратко можно описать так: молодой человек встречается у ручья прекрасную юную деву, явно сверхъестественного происхождения, после близости с ней он возвращается домой и умирает (вероятно, от яда). Его возлюбленная узнает его в гробу, целует его на прощание и также умирает. Затем до Лондона доходит весть, что по вине Джорджа Коллинза в один и тот же день умерли 6 прекрасных девушек. Эта загадочная баллада, имея огромное количество вариантов, вероятно, уходит корнями в миф об Ундине, в котором водяная нимфа влюбляется в смертного мужчину, который обманывает ее, обручаясь с земной женщиной. В печали и злости нимфа убивает его ядовитым поцелуем, и невеста Джорджа, и пять других девушек так огорчены его кончиной, что все они тоже умирают [13, с. 2-12].

Данная баллада имеет большую популярность среди исполнителей фольклорной музыки, о чем свидетельствует наличие достаточного количества аудиозаписей со второй половины XX века. Последняя известная запись была сделана британским фолк-певцом и специалистом по традиционной музыке Сэмом Ли. В 2012 г. он включил ее свой альбом “Ground of its Own” под названием “The Ballad of George Collins” и выпустил видеоклип, набравший к 2019 г. 187303 просмотра на сайте YouTube.com.

Баллада “The Moon Shined on My Bed Last Night”, включенная Сэмом Ли в его альбом 2015 г. “The Fade in Time”, была впервые записана американским этномузыкологом и собирателем фольклора Аланом Ломаксом (Alan Lomax) еще в 1953 г. В 1963 г. шотландская народная певица Джинни Робертсон (Jeannie Robertson) исполнила “The Moon Shined on My Bed Last Night” для своего альбома “The Cuckoo's Nest” and Other Scottish Folk Songs”. Эта баллада о девушке, которая не может уснуть из-за мыслей о своем возлюбленном, ради которого она отказывается выйти замуж за обеспеченного человека и готова «жить в бедности».

Таким образом, анализ англо-шотландских баллад показал, что основными их сюжетными линиями являются любовные и межличностные отношения. Так, в текстах появляются следующие лексемы: parents, bride, pretty, bonny, to fancy, lovely, beauty, kiss, dear и др. В поздних балладах меняется отношение к смерти: это уже не трагедия, а неизбежный конец. Кроме того, теперь если смерть героя и носит насильственный характер, то ей дается обоснование, что более явственно указывает на моральные выводы, которые можно сделать,

Карелина А.В.
Исследование авторских приемов формирования
языковой картины мира при обучении билингвов
жанру баллады
Язык и текст
2019. Том 6. № 4. С. 82–90.

Karelina A.V.
The Study of the Author's Methods of Formation
of a Language Picture of the World at Teaching
Ballad Genre to Bilingual Students
Language and Text
2019, vol. 6, no 4, pp. 82–90.

ознакомившись с балладой. Поскольку баллады изначально являлись устным народным творчеством, они были подвержены постоянным изменениям как в тексте, так и в мелодии. Однако наличие этих вариаций и делает балладу живым отражением стиля жизни, верований и эмоциональных потребностей определенного народа. Тем не менее, консервативная природа баллад, как и всего народного искусства, объясняет упоминание в некоторых балладах устаревших орудий труда и обычаев, а также наличие искаженных грамматически слов и фраз, которые указывают на то, что певец, хоть и не понимая их значения, получает удовольствие от их звука и уважает их традиционное право на место в своей версии песни. Новые версии баллад, возникающие в результате таких вариаций, не менее достоверны, чем их предшественники. При издании текст баллады фиксируется в его окончательной форме, иногда вместе с более ранними вариантами; запись баллады на пленку не запрещает изменять ее текст впоследствии, потому что устная традиция сохраняется путем воссоздания, а не точного воспроизведения.

Литература:

1. *Бердникова Д.В.* Англо-шотландская баллада как объект сопоставительного изучения: лингвокогнитивный аспект (на материале вариантов баллады “ThomasofErceldoune” и их переводов): дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 251 с.
2. *Борецкая У.А.* Возникновение и эволюция жанра английской баллады // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. №4(51). С. 65-67.
3. *Воронцова Т.И.* Языковая картина мира баллад лирического характера // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. №1. С.37-48.
4. *Воронцова, Т.И.* Картина мира в тексте английской баллады: Когнитивная основа и языковая репрезентация: дис. д-ра филол. наук. СПб., 2003. 398 с.
5. *Гаспарян Г.Р., Чернявская В.Е.* Текст как дискурсивное событие // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. №4. С. 44-51.
6. *Дашевская А.И.* Эволюция сюжетов англо-шотландской народной баллады: доминирующие мотивы // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. №1. С. 52-59.
7. *Жирмунский В.М.* Английские и шотландские баллады [Текст]/ ред. В.М. Жирмунский. М.: Наука, 1973. 163 с.
8. *Пивкина Е.В.* Жанр баллады в современной поэзии: проблема трансформации жанровых форм // Огарёв-Online. 2014. №8(22). С. 31-39.
9. *Пропп В.Я.* Поэтика фольклора (собрание трудов В.Я. Проппа) [Текст] / Сост., предисл. и коммент. А.Н. Мартыновой / В.Я. Пропп. М.: Изд-во Лабиринт, 1998. 352 с.
10. *Сивенкова Н.В.* Категория темпоральности в структуре лирического произведения (на материале болгарской поэзии начала XX века) // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2015. №2. С. 78-86.
11. *Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С.180-186.

Карелина А.В.

Исследование авторских приемов формирования языковой картины мира при обучении билингвов жанру баллады
Язык и текст
2019. Том 6. № 4. С. 82–90.

Karelina A.V.

The Study of the Author's Methods of Formation of a Language Picture of the World at Teaching Ballad Genre to Bilingual Students
Language and Text
2019, vol. 6, no 4, pp. 82–90.

12. Широбокова Л.П. Локальность как объект лингвистического исследования // Провинциальные научные записки. 2015. №2. С. 162–165.

13. Atkinson D. The Anglo-Scottish Ballad and its Imaginary Contexts. Cambridge, UK: OpenBookPublishers, 2014. 228 p.

14. Bowen E.W. The Old English Ballad // The Sewanee Review. 1901. Vol. 9(3). Pp. 286- 295.

15. Williams R.V., Lloyd A.L., eds. The Penguin Book of English Folk Songs. Harmondsworth: Penguin Books, 1959. 146 p.

The Study of the Author's Methods of Formation of a Language Picture of the World at Teaching Ballad Genre to Bilingual Students (on the Example of the Russian and English Literature)

Karelina A.V.,

Master student of the Department "Linguodidactic and Intercultural Communication" of the Institute "Foreign Languages, Modern Communication and Management" of Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, karelina1996@bk.ru

The article deals with the process of formation of the genre of Anglo-Scottish ballads and their structural, semantic and linguistic features. The material of the study are the ballads of the early and late Middle Ages: "The Twa Corbies" ("The Three Ravens"), "Lord Randall", "The Two Sisters", "Clerk Colvill" ("Clerk Colven", "George Collins"), "The Moon Shined on My Bed Last Night

Keywords: Anglo-Scottish ballads, English literature, genre, evolution processes, structural and linguistic features.

References:

1. Berdnikova D.V. Anglo-shotlandskaya ballada kak ob"ekt sopostavitel'nogo izucheniya: lingvokognitivnyi aspekt (na materiale variantov ballady "Thomas of Erceldoune" i ikh perevodov): dis. ... kand. filol. nauk. [Anglo-Scottish ballad as an object of comparative study: linguocognitive aspect (by the material of variants of the ballad "Thomas of Erceldoune" and their translations). Ph. D. (Philology) Thesis]. Moscow, 2014. 251 p.

Карелина А.В.
Исследование авторских приемов формирования
языковой картины мира при обучении билингвов
жанру баллады
Язык и текст
2019. Том 6. № 4. С. 82–90.

Karelina A.V.
The Study of the Author's Methods of Formation
of a Language Picture of the World at Teaching
Ballad Genre to Bilingual Students
Language and Text
2019, vol. 6, no 4, pp. 82–90.

2. Boretskaya U.A. Vozniknovenie i evolyutsiya zhanra angliiskoi ballady [The emergence and evolution of the genre of English ballads]. Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Cherepovets state University], 2013, vol.1, no. 4(51), pp. 65-67.
3. Vorontsova T.I. Yazykovaya kartina mira ballad liricheskogo kharaktera [The language picture of the world of the ballads and lyrical nature]. Vestnik LGU im. A.S. Pushkina [Bulletin of Leningrad state University in the name of A.S. Pushkin], 2012, №1, pp. 37-48.
4. Vorontsova, T.I. Kartinamira v tekste angliiskoi ballady: Kognitivnaya osnova i yazykovaya reprezentatsiya: dis. ... d-rafilol. nauk. [The picture of the world in the text of the English ballad: Cognitive basis and language representation. Ph. D. (Philology) Thesis]. Saint-Petersburg, 2003. 398 p.
5. Gasparyan G.R., Chernyavskaya V.E. Tekst kak diskursivnoe sobytie [Text as a discursive event]. Voprosy kognitivnoi lingvistiki [Questions of cognitive linguistics]. 2014, no. 4, pp. 44-51.
6. Dashevskaya A.I. Evolyutsiya syuzhetov anglo-shotlandskoi narodnoi ballady: dominiruyushchie motivy [The evolution of the plots of the Anglo-Scottish popular ballads: dominant motives]. Vestnik LGU im. Of A.S. Pushkin [Bulletin of Leningrad state University in the name of A.S. Pushkin]. 2012, no. 1, pp. 52-59.
7. Zhirmunskii V.M. Angliiskie i shotlandskie ballady [Anglo-Scottish Ballads] Zhirmunskii V.M. (eds.). Moscow: Nauka. 1973, 163 p.
8. Pivkina E.V. Zhanr ballady` v sovremennoj poe`zii: problema transformacii zhanrovny`x form // Ogaryov-Online 2014. №8(22). Pp. 31-39.
9. Propp V.Ya. Poe`tika fol`klora (sobranie trudov V.Ya. Proppa) [Tekst] / Sost., predisl. i komment. A.N. Marty`novoj / V.Ya. Propp. Moscow: Izd–vo Labirint, 1998. 352 p.
10. Sivenkova N.V. Kategoriya temporal`nosti v strukture liricheskogo proizvedeniya (na materiale bolgarskoj poe`zii nachala XX veka) // Vestnik LGU im. A.S. Pushkina. 2015. №2. Pp. 78-86.
11. Sorokin Yu.A., Tarasov E.F. Kreolizovanny`e teksty` i ix kommunikativnaya funkciya // Optimizaciya rechevogo vozdejstviya. Moscow: Nauka, 1990. Pp.180-186.
12. Shirobokova L.P. Lokal`nost` kak ob`ekt lingvisticheskogo issledovaniya // Provincial`ny`e nauchny`e zapiski. 2015. №2. Pp. 162–165.
13. Atkinson D. The Anglo-Scottish Ballad and its Imaginary Contexts. Cambridge, The United Kingdom: OpenBookPublishers, 2014. – 228 p.
14. Bowen E.W. The Old English Ballad // The Sewanee Review. 1901. Vol. 9(3). Pp. 286- 295.
15. Williams R.V., Lloyd A.L., eds. The Penguin Book of English Folk Songs. Harmondsworth: Penguin Books, 1959. 146 p.

Концепт «Семья» в русской и немецкой языковых картинах мира.

Киселева И.Д.

магистрант кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация» института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление» МГППУ, Москва, Россия

В статье рассматривается концепт «семья» в русской и немецкой языковых картинах мира, а также выявляются отличительные особенности и схожести универсального культурного концепта. Исследуется семантика концепта «семья», а также контекстуальные смыслы концепта на основе пословиц русского и немецкого языков.

Ключевые слова: концепт, семья, картина мира, русская языковая картина мира, немецкая языковая картина мира.

Для цитаты:

Киселева И.Д. Концепт «Семья» в русской и немецкой языковых картинах мира [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. №4. С. 91-96. doi: 10.17759/langt.2019060413

For citation:

Kiseleva I.D. The Concept of «Family» in Russian and German Language Pictures of the World [Elektronnyy resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 4, pp. 91-96. doi: 10.17759/langt.2019060413 (In Russ., abstr. in Engl.)

Люди издавна передают из поколения в поколение модели поведения и образы жизни, присущие только *собственной* культуре, с помощью языка. У каждого народа присутствует своя языковая картина мира, которая отражает менталитет людей и своеобразное видение окружающего мира в языке. Языковой картиной мира является «взятое во всей совокупности, все концептуальное содержание данного языка» [2]. Известный лингвист В.И. Карасик утверждает, что языковая картина мира «объективно отражает восприятие мира носителями данной культуры», к тому же, хотя культуры особенны, у них можно найти как различные, так и общие черты [1].

Единицей языковой картины мира является концепт, то есть ментальная сущность объекта или явления, отраженная в языке. По мнению Ю.С. Степанова, концепт является

«как бы сгустком культуры в сознании человека» [3]. Одним из универсальных концептов является концепт «семья».

Ценность семьи общекультурна и заложена в национальном сознании людей во всех языках. Обратимся к трактовкам слова «семья» в русском и немецком языках, чтобы понять положение концепта в мировоззрении носителей языка.

В толковом словаре В.И. Даля слово «семья» равнозначно слову «семейство» и может обозначать:

- 1) «Совокупность близких родственников, живущих вместе»
- 2) «В тесном значении родители с детьми»
- 3) «Женатый сын или замужняя дочь, отдельно живущие, составляют уже иную семью» [4, с. 123].

В словаре русского языка под редакцией Ожегова мы можем обнаружить следующие определения слова «семья»:

- 1) «Группа живущих вместе близких родственников»
- 2) «Объединение людей, сплоченных общими интересами (высокопарно)» [5, с. 710].

В словарях также можно найти такие значения слова «семья» как группа близкородственных животных или растений, но, основные понятия «семья» в русском языке обозначают группу родственников (родители, дети, ближайшие родственники), которые живут вместе [6].

В немецком языке определение слова «семья» / die Familie схоже с русским языком. Например, в словаре Duden можно найти такие определения:

1. A) «aus einem Elternpaar oder einem Elternteil und mindestens einem Kind bestehende [Lebens]gemeinschaft» (общество, состоящее из семейной пары или одного супруга и по крайней мере ребенка)

B) «Gruppe aller miteinander [bluts]verwandten Personen; Sippe» (группа всех близкородственных людей, родство)

2. «systematische Einheit, Kategorie, in der näher miteinander verwandte Gattungen tierischer oder pflanzlicher Lebewesen zusammengefasst sind» (систематическое единство, категория, в которые объединяются ближайшие родственные виды животного или растительного мира)

3. Gesamtheit, Serie von ähnlich gebauten technischen Geräten [eines Herstellers] mit gleichem oder verwandtem System (совокупность, серия похоже построенных технических устройств с одинаковой или родственной системой) [7].

В словаре DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache представлены следующие определения слова «семья»:

1. Gemeinschaft von Menschen, die miteinander verwandt sind

a) Gemeinschaft der Eltern und ihrer Kinder (единство родителей и их детей)

b) Personenkreis, der untereinander blutsverwandt oder verschwägert ist (круг людей, которые являются родственниками по крови, или которые породнились)

2. “Einheit im System der Lebewesen“ (единство в системе живых существ) [8].

В немецком языке заметно, что слово «семья» также можно употреблять по отношению к техническим устройствам.

В целом, можно сделать вывод о том, что в обоих языках исследованное слово «семья» имеет схожие дефиниции, и основным определением является группа родственников, которые живут вместе.

Если рассматривать концепт «семья» с точки зрения семантики, то в семантическом поле концепта можно выделить следующие поля:

- 1) родственники: «муж», «жена», «мать», «отец», «дети», «родители», «сын», «дочь», «сестра», «брат»;
- 2) реалии семейной жизни: «дом», «домашний очаг», «пища», «свадьба», «женитьба»;
- 3) жизненный цикл: «рождение», «жизнь», «смерть».
- 4) абстрактные понятия: «брак», «супружество».

Но для того, чтобы понять значение концепта, необходимо обратиться к контексту. Концепт «семья» может использоваться на лексическом и фразеологическом уровнях. Рассмотрим примеры русских и немецких пословиц, отражающих культуру двух народов.

В словаре Даля мы обнаружили пословицы, включающие исследуем концепт.

Приведем некоторые из них:

- 1) Семья воюет, а один горюет. (Данная пословица отражает менталитет русских людей и показывает то, что семья – это большая ценность, так как это и помощь, и поддержка, если семья дружная. В то время как человеку без семьи трудно одному.)
- 2) Семей и горох молотить. (Пословица означает то, что дружной семье любая работа покажется легкой, потому что сплоченность одного коллектива ведет к его успеху.)

3) В семье и каша гуще (Данная пословица также подтверждает то, что семья – неотъемлемая часть жизни человека, и где есть согласие в семье, там есть и достаток) [4, с. 123].

Данные пословицы отражают русскую культуру и показывают значимость крепкой семьи. Также есть пословицы, которые указывают на то, что семья является ценностью народа, в особенности, если она счастливая и дружная. Например:

1) «Где семья дружна, не страшна беда». (Сплоченная семья может противостоять любым трудностям.)

2) «Человек семьей крепок». (Одной из главных ценностей для любого человека является семья – его поддержка и опора).

3) «Семья человеку первую путевку в жизнь дает». (Семья является базисной ячейкой общества, которая воспитывает и образовывает человека, воздействует на его дальнейшую самостоятельную жизнь.)

4) «В недружной семье добра не бывает». (Каждый член семьи находится в ответе за своих родных, а если происходит разлад, то члены одной семьи несчастливы, и это может привести к краху семьи) [10].

Стоит отметить, что в русских поговорках концепт «семья» может выражаться с помощью самой лексемы «семья», к тому же используются лексемы, входящие в семантические поля (родственники, реалии семейной жизни, жизненный цикл, абстрактные понятия).

В немецком языке также есть пословицы о семье, что указывает на значимость данного понятия для народа. Но в отличие от русского языка сама лексема «семья»/ die Familie в исследованных немецких пословицах использовалась редко. Чаще всего используется лексема «брак»/die Ehe, например: „Die Ehe ist Himmel und Hölle“. (Брак - это рай и ад.) или „In einer guten Ehe fügen sich Himmel und Erde zusammen“. (В хорошем браке небо и земля соединяются.) [13]

Слово «брак» можно охарактеризовать как семейные отношения между двумя людьми (супругами), в то время как «семья» – это более обширное понятие. Можно выдвинуть гипотезу о том, что частое употребление лексемы “die Ehe” связано с менталитетом народа. Создание семьи – серьезный вопрос для немцев, и важной составляющей семейной жизни являются отношения между самими супругами, заключившими брак. В немецких семьях детей учат быть самостоятельными, они рано покидают родной дом. Поэтому, чтобы семья была крепкой, супруги должны прежде всего построить комфортные отношения между собой.

Как было сказано ранее, в русском языке используются различные лексемы семантических полей. Такие понятия, как «муж» и «жена» очень часто встречаются в пословицах, так как именно супруги формируют семью.

Приведем некоторые из них:

Какова жена, таков и муж.

Куда муж- туда и жена.

Муж крепок по жене, а жена крепка по мужу [10].

В немецком языке тоже немало пословиц про жену и мужа, например:

Der Mann ist das Haupt der Familie und die Frau ist der Hut darauf (Муж – глава семьи, а жена – шляпа на этой голове.)

Suche dir deine Frau nicht beim Tanzen, sondern bei der Erntearbeit im Feld. (Подбирай себе жену не по танцам, а по сбору урожая в поле.)

Wenn die Frau nichts hat und der Mann nichts tut, wird die Ehe selten gut. (Если у жены ничего нет, и муж ничего не делает, то брак редко хорош.) [13].

Проанализировав русские и немецкие пословицы, можно сделать вывод, что в русской и немецкой семьях распределены роли: муж- добытчик, глава семьи, жена- хранительница очага, спутница своего мужа по жизни, его помощница, поэтому мужчина

прислушивается к своей жене. Создание семьи – это вклад двоих людей, постоянная работа по поддержанию отношений и ведению совместного хозяйства.

Неотъемлемой частью семьи являются дети. При сравнении двух пословиц «Семья без детей что цветок без запаха» и «Eine Ehe ohne Kinder ist wie ein Tag ohne Sonne» (Брак без детей - это как день без солнца.) становится понятно, что они аналогичны, что указывает на схожести в мировоззрении двух народов на продолжение рода в семье [13].

Реалии семейной жизни можно обнаружить в следующих пословицах:

1. Семейный горшок всегда кипит. (Если семья дружная, то все дела спорятся).
2. Семья сильна, когда над ней крыша одна. (Главное для семьи быть крепкой и единой).
3. В семье разлад, так и дому не рад. (Несчастья и ссоры приносят горе в семью.)

Стоит отметить, что в русских пословицах заметно присутствие концепта «дом», что указывает на значимость единого хозяйства и крова для семьи.

Обратимся к немецким пословицам. Например: „Wenn eine Frau einen goldenen Stuhl mitbringt, will sie auch darauf sitzen“ [13]. (Если жена получает в приданое золотой стул, она захочет также на нём и сидеть.) Речь идет о том, что у женщин приданое находится в их полной собственности, хотя семья и едина. Тот же принцип есть и в русской культуре, когда нажитое имущество до свадьбы остается у женщины в ее собственности.

В русском и немецких языках также много пословиц о женитьбе.

- 1) Ранняя женитьба – видимая беда.

Но большинство русских пословиц наоборот указывают на счастливую семейную жизнь, если люди женятся в раннем возрасте.

- 2) Не кайся рано вставшим, молодым женившись.
- 3) Жениться скорее – в доме прибыльнее [10].

В отличие от русских пословиц немецкие указывают на то, что необходимо тщательно подходить к такому вопросу, как свадьба. “Heiraten ist kein Pferdekauf“. (Женитьба - это не покупка лошади.)

„Heiraten ist kein Wettlauf - man kommt immer noch früh genug an“. (Женитьба - это не состязание в беге – все успеют.) “Heiraten in Eile bereut man mit Weile“. (О поспешной свадьбе со временем жалеют.) [13] Сказывается менталитет немцев: предусмотрительность и прагматичность.

Если рассмотреть семантическое поле «жизненный цикл», то в русском языке оно представлено наиболее ярко:

В семье дружат - живут не тужат. В семье и смерть красна [10].

Обе пословицы обозначают то, что чем дружнее, семья, чем члены семьи ближе друг к другу, тем легче они будут переносить печаль, любые невзгоды и трудности.

Изучив концепт «семья», можно сделать вывод о том, что он является одним из центральных концептов для русской и немецкой языковых картин. В обеих картинах мира народов семья – это ценность. Исследованный нами материал (русские и немецкие пословицы о семье) показал, что можно обнаружить схожести в менталитете, но всё же концепт «семья» имеет свои национальные особенности и отражает менталитет немецких и русских людей, что необходимо учитывать при изучении двух языков.

Литература

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Электронный ресурс] <https://studfile.net/preview/1806336/page:8/> (Дата обращения: 20.11.2019)
2. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1996. 264 с.

3. Степанов Ю. С. Концепт [Электронный ресурс] URL: <http://philologos.narod.ru/concept/stepanov-concept.htm> (Дата обращения: 20.11.2019)
 4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4: Т. 4.- М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. 864 с.
 5. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов [Текст]/ под ред. Н. Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. М.: Рус.яз., 1990. 922 с.
 6. Словарь Ушакова онлайн // Семья [Электронный ресурс] URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=69200> (Дата обращения: 20.11.2019)
 7. Duden // Familie [Электронный ресурс] URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Familie> (Дата обращения: 30.11.2019)
 8. DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache//Familie [Электронный ресурс] URL: <https://www.dwds.de/wb/Familie> (Дата обращения: 30.11.2019)
- Материал исследования:
9. В.И. Даль. Пословицы русского народа // Пословицы на тему «Семья-родня» [Электронный ресурс] URL: <https://vdahl.ru/семья-родня/> (Дата обращения: 05.12.2019)
 10. Иллюстров И.И. Сборник российских пословиц и поговорок [Электронный ресурс] URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/illustrov/text.pdf> (Дата обращения: 05.12.2019)
 11. Петлеванный, Г. П. 400 немецких рифмованных пословиц и поговорок [Электронный ресурс] URL: <https://www.libfox.ru/585988-5-grigoriy-petlevannyy-400-nemetskih-rifmovannyh-poslovits-i-pogovorok.html#book> (Дата обращения: 05.12.2019)
 12. Сборник пословиц // Немецкие пословицы о семье [Электронный ресурс] URL: <https://100poslovic.ru/nemetskie-poslovitsy-o-seme> (Дата обращения: 30.11.2019)
 13. Романова Г.Н. Пословицы о семье на немецком языке [Электронный ресурс] URL: <https://infourok.ru/poslovici-o-seme-na-nemeckom-yazike-446882.html> (Дата обращения: 20.11.2019)

The Concept of "Family" in Russian and German Language Pictures of the World

Kiseleva I.D.

Master student of the Department «Linguodidactic and Intercultural Communication» of the Institute «Foreign Languages, Modern Communication and Management» of Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

Abstract: the article considers the concept “family” in the Russian and German language world views. Also, it reveals the core differences and similarities of the universal cultural concept. The author of the article studies the semantics of the concept “family” and, moreover, the contextual meanings of the concept based on the proverbs of Russian and German.

Keywords: concept, family, world view, Russian language world view, German language world view.

References

1. Karasik V. I. Yazykovoj krug: lichnost', koncepty', diskurs [Elektronnyi resurs] URL: <https://studfile.net/preview/1806336/page:8/> (Accessed 20.11.2019)
 2. Karaulov Yu.N. Obshhaya i russkaya ideografiya. Moscow: Nauka, 1996. 264 p.
 3. Stepanov Yu. S. Koncept [Elektronnyi resurs] URL: <http://philologos.narod.ru/concept/stepanov-concept.htm> (Accessed 20.11.2019)
 4. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: T. 1-4: T. 4. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», «Univers», 1994. 864 p.
 5. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka: 70000 slov [Tekst]/ pod red. N. Yu. Shvedovoj. - 22-e izd., ster. Moscow: Rus.yaz., 1990. 922 p.
 6. Slovar' Ushakova onlajn // Sem'ya [Elektronnyi resurs] URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=69200> (Accessed 20.11.2019)
 7. Duden // Familie [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Familie> (Accessed 30.11.2019)
 8. DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache//Familie [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.dwds.de/wb/Familie> (Accessed 30.11.2019)
- Material issledovaniya:
9. V.I. Dal'. Posloviy russkogo naroda // Posloviy na temu «Sem'ya-rodnya» [Elektronnyi resurs] URL: <https://vdahl.ru/sem'ya-rodnya/> (Accessed 05.12.2019)
 10. Ilyustrov I.I. Sbornik rossijskix poslovicz i pogovorok [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/illustrov/text.pdf> (Accessed 05.12.2019)
 11. Petlevannyj, G. P. 400 nemeckix rifmovannyx poslovicz i pogovorok [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.libfox.ru/585988-5-grigoriy-petlevanny-400-nemetskih-rifmovannyh-poslovits-i-pogovorok.html#book> (Accessed 05.12.2019)
 12. Sbornik poslovicz // Nemeckie posloviy o sem'e [Elektronnyi resurs] URL: <https://100poslovic.ru/nemetskie-poslovitsy-o-seme> (Accessed 30.11.2019)
 13. Romanova G.N. Posloviy o sem'e na nemeckom yazyke [Elektronnyi resurs] URL: <https://infourok.ru/poslovici-o-seme-na-nemeckom-yazike-446882.html> (Accessed 20.11.2019)

Использование видеоматериалов на уроках английского языка как средства развития межкультурной компетенции учащихся

Захарова В. Н.,

*магистрант кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация» института
«Иностранные языки, современные коммуникации и управление» МГППУ, Москва, Россия*

Муромцева М.В.

*магистрант кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация» института
«Иностранные языки, современные коммуникации и управление» МГППУ, Москва, Россия*

Статья посвящена рассмотрению способов применения видеоматериалов на уроках английского языка. Методика работы нацелена на формирование межкультурной компетенции учащихся. В публикации подробно описаны ситуации, в которых использование видеофильмов является необходимым средством для того, чтобы выстроить занятия правильным образом и достичь высоких показателей качества прорабатываемой работы. Проанализированы характерные особенности работы с видеоматериалом на занятиях. На основании полученных в ходе исследования данных выявлена степень эффективности использования данной методики в школе.

Ключевые слова: использование видеоматериалов, английский язык, межкультурная коммуникация, коммуникативная компетенция

Для цитаты:

Захарова В.Н., Муромцева М. В. Использование видеоматериалов на уроках английского языка как средства развития межкультурной компетенции учащихся [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. №4. С. 97-103. doi: 10.17759/langt.2019060414

For citation:

Zakharova V. N., Muromceva M. V. Using Videomaterials in English Lessons as a Means of Developing Intercultural Competence of Students [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 4, pp. 97-103. doi: 10.17759/langt.2019060414 (In Russ., abstr. in Engl.)

Электронные средства информации, такие как компьютер и видеопроектор, в настоящее время приобретают все большее значение при обучении и воспитании учащихся. Применение видео является очень эффективным при формировании коммуникативной культуры школьников, так как видеоматериалы не только представляют учащимся возможность услышать живую речь носителей языка, но и погружают их в ситуацию, в которой они знакомятся с мимикой и жестами, стилем взаимоотношений и реалиями страны изучаемого языка. Наверное, не будет преувеличением мысль о том, что видео как феномен играет важную роль в процессе развития межкультурной компетенции

обучающихся в современном обществе. Видео на уроке представляет язык в живом контексте. Оно связывает урок с реальным миром и показывает язык в действии. Видео, кроме всего прочего, может помочь преодолеть культурный барьер при изучении языка. В данной статье представлены результаты исследования, проведенного нами в общеобразовательных школах города Москвы. В процессе этого исследования изучался вопрос о том, какое место занимает использование видеоматериалов в обучении школьников современной России [10].

Использование видеоматериалов в обучении иностранному языку базируется на одном из старейших и основных методических принципов — принципе наглядности. Восприятие и переработка информации воплощаются в форме слухо-зрительного синтеза, который лег в основу целого направления в методике преподавания иностранных языков и послужил базой для создания и разработки аудиолингвального и аудиовизуального методов преподавания иностранных языков [2].

Есть ряд ситуаций, когда использование видео может быть особенно полезным на уроках. Например:

- если мы хотим представить законченный языковой контекст;
- показать коммуникативную сторону языка через изучение мимики и жестов;
- практиковать навыки аудирования в естественном контексте;
- представить ситуации для обыгрывания в классе (например, ролевая игра);
- практиковать навыки описания и пересказа;
- обогащить словарный запас; стимулировать
- общение или дискуссию [1].

При проведении видео-уроков необходимо соблюдать основные подходы и принципы их проведения, в частности, критерии отбора материалов для видео-урока. Требование к языку:

- язык должен быть современным, соответствующим требованиям и нормам литературного языка, из тех областей, с которыми чаще всего придется сталкиваться учащимся;
- необходимо наличие естественных пауз между высказываниями;
- жаргонные выражения и восклицания должны быть достаточно короткими и не слишком сложными для понимания;
- текст не должен быть перегружен новыми словами, выражениями и незнакомыми жестами [3].

Также стоит упомянуть о длительности сюжетов, которые должны занимать не более одного академического часа или делиться на смысловые отрезки, которые можно разделить на несколько уроков. В таблице №1 указано время использования видеоматериалов учителями английского языка в исследуемых школах. Информация была получена в ходе проведения опроса [5].

Имеются требования к содержанию видеоматериалов, а именно:

ситуации должны быть типическими, такими, которые могут встретиться учащимся в практике;

для урока могут быть выбраны учебные, художественные, рекламные фильмы, передачи новостей и другие сюжеты [3].

На содержание обучения и выбор подходящих материалов влияет то, что важным моментом в процессе обучения иностранному языку является развитие у учащихся способности к межкультурному взаимодействию и к использованию изучаемого языка как инструмента этого взаимодействия. Это становится возможным благодаря применению всевозможных видеоматериалов на уроках иностранного языка. Для того чтобы осуществить знакомство учеников с достижениями культуры стран изучаемого языка, необходимо вводить страноведческий и лингвострановедческий компоненты [9].

Лингвострановедческая компетенция является неотъемлемой частью коммуникативной компетенции, так как обеспечивает коммуникацию на уровне идентификации понятий, ассоциаций и образов, возникающих у людей в процессе общения [11].

Прежде всего, при обучении английскому языку внимание должно уделяться развитию речевой компетенции учащихся, а именно тренировке умений учащихся осуществлять межкультурное общение в рамках изучаемой темы. Развитие языковой компетенции на уроке осуществляется через способность учащихся применять имеющиеся лексико—грамматические знания по теме в предложенных ситуациях общения. Использование на уроке культурно—страноведческой информации о странах изучаемого языка, сопоставляемой с культурой родной страны, способствует развитию социокультурной компетенции, позволяющей строить межкультурное общение с представителями иноязычной культуры [4].

Овладение коммуникативной компетенцией на иностранном языке - задача сложная. Для решения этой задачи большое значение имеют аутентичные видеоматериалы. Видеофильмы, кинофрагменты, кинокольцовки используются в целях интенсификации учебного процесса и придания ему максимальной коммуникативной направленности. Они создают дополнительную языковую среду и воспроизводят речевую ситуацию звуковыми и зрительными средствами. За короткий промежуток времени, отведенный на просмотр видеосюжета или видеофрагмента, учащиеся получают большой объем информации сразу по двум каналам: зрительному и слуховому. Зрительный ряд помогает лучше запоминать языковые структуры, расширять словарный запас и стимулировать развитие речи и навыков аудирования. Обобщая всё вышесказанное, применение видеоматериалов на уроках английского языка благоприятно влияет на формирование межкультурной и коммуникативной компетенций. Перейдем к рассмотрению практических результатов данного исследования [6].

Был проведен опрос учителей английского языка, которые работают в школах №1130, №1601 города Москвы. Анкетный опрос показал, что современные учителя уделяют использованию видеоматериалов на уроках достаточно времени. Результаты проведенного опроса приведены ниже (табл. 1).

Время просмотра видеоматериалов:

Время просмотра материала на уроке	Процент от числа ответов
Менее 5 минут	46%
10 минут	39%
20 минут	12%
45 минут	3%

В исследовании была также предпринята попытка выявить причины заинтересованности обучающихся в получении образования через видеоматериалы. Данную тенденцию объясняют два ключевых направления, первый из которых можно обозначить как особенности медиаконсумпции (медиа потребления) в семье, а второй — использование видеоматериалов как способа привлечения внимания учащихся к теме урока. Каждое из этих каузальных направлений может быть детализировано. Так, особенности медиаконсумпции можно в первом приближении свести к следующим позициям: в семье практически непрерывно, фоном работает телевизор; технику для просмотра фильмов, помимо родителей, могут включать другие члены семьи, среди которых выделяются более старшие дети, которые сами любят смотреть Youtube, являющийся одним из наиболее применяемых источников видеоматериалов [8].

При применении видеоматериалов учитель должен чётко понимать, какую функцию они будут выполнять на том или ином уроке. При этом есть определённые критерии, которым должны соответствовать видео на уроках иностранного языка. Например, такие как соответствие языкового содержания, уровню знаний учащихся; качество видео; актуальность тематики; видео должно содержать культурную и лингвистическую информацию и при этом отражать сферы общения и ситуации. Использование видеоматериалов даёт возможность представить ситуацию в полном объёме, видеть и слышать участников учебного процесса, участников общения, расширить понимание образа, о котором ведётся речь, что важно для обеспечения качественной межкультурной коммуникации. Ниже нами предоставлены результаты, полученные от учителей данных школ. (табл. 2).

Типы видеоматериалов, применяемые при обучении иностранному языку

Тип видеоматериалов	Особенности использования	Процент использования на уроке
Учебное видео	Как правило, такое видео прилагается к УМК	27%
Художественные и документальные фильмы	Небольшие отрывки, которые впоследствии разбираются учениками с помощью учителя	20%

Мультфильмы	Актуально для младшего и среднего звена	22%
Видеозаписи телевизионных новостей и передач	Используются в старшем звене	15%
Музыкальные видеоклипы	Для смены вида деятельности на уроке, так и для разбора ситуаций	11%
Видеоэкскурсии по различным городам или музеям мира	Чаще всего при проведении внеклассных занятий, открытых уроках	5%

Таким образом, эффективность использования видеоресурсов для обучения иностранным языкам зависит как от точного определения его места в системе образования, так и от того, насколько эффективно организована структура видеоуроков. Аутентичные видеоматериалы имеют большой потенциал для решения учебных и образовательных задач при правильной организации учителями. Данный информативный материал создаёт атмосферу реального языкового общения и обеспечивает успешное восприятие иностранной речи представителей других культур. Помимо этого, применение видеоматериалов представляет особый интерес в перспективе повышения мотивации учащихся к изучению иностранного языка.

Видеofilмы в преподавании иностранного языка используются для обучения аудированию, создания динамической наглядности в процессе обучения и практики иноязычного общения, создания ситуаций такого общения на учебном занятии и формирования аудиовизуальной сферы изучения иностранного языка. Использование учебного кино можно рассматривать как высшую форму ситуативной наглядности. Видеоматериалы на уроках используются как опора, содержательного и смыслового характера, а также как стимул к речи. Использование видеоматериалов в процессе обучения иностранным языкам способно существенным образом повысить эффективность обучающей деятельности учителя. Видеоматериалы являются средством успешного развития межкультурной компетенции учащихся.

Литература

1. Барменкова О.И. Видеозанятия в системе обучения иностранной речи // Иностранные языки в школе. 1999. № 3.
2. Вайсбурд М.Л., Пустосмехова Л.Н. Телепередача как опора для организации речевой игры на уроке иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2002. № 6.
3. Верисокин Ю.И. Видеофильмы как средство мотивации школьников при обучении иностранным языкам / Ю.И. Верисокин // Иностранные языки в школе. — 2003. — №5.
4. Гореликова А.П. Развитие коммуникативной культуры учащихся на уроках английского языка с использованием видеоматериалов. СПб.: "Каро". 1998.
5. Ильченко Е. Использование видеозаписи на уроках английского языка // Первое сентября, Английский язык. 2003. №9. С.7-10.
6. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация: учеб. пособие. / А.П. Садохин. М.: Альфа—М, 2004. 288 с.
7. Сафонова В.В. Культуроведение в системе современного языкового образования / В.В. Сафонова // Иностранные языки в школе. 2001. № 3. С. 17-24.
8. Шариков А.В., Айгистова Ю.В. Место анимации в жизни младших дошкольников // Культурноисторическая психология. 2014. № 4. С. 72—79.

Муromцева В. Н., Захарова М. В.
Использование видеоматериалов на уроках
английского языка как средства развития
межкультурной компетенции учащихся Язык и
текст
2019. Том 6. № 4. С. 97–103.

Zakharova V. N., Muromceva M. V.
Using Videomaterials in English Lessons as a Means of
Developing Intercultural Competence of
Students
Language and Text
2019, vol. 6, no 4, pp. 97–103.

9. Allan M. Teaching English with Video // Video—applications in ELT. Pergamon Press, 1983.
10. Cooper, Richard; Lavery, Mike; Rinvulcri, Mario. Video. Resource Books For Teachers. Oxford University Press. 1996
11. Freebairu, Brian and Ingrid. Video Teaching Tips. Longman, 1996
12. Stempleski. S. Using Video in the Classroom. Teachers College, Columbia University, N—Y, 1995.

Using Video Materials in English Lessons as a Means of Developing Intercultural Competence of Students

Zakharova V. N.,

Master student of the Department «Linguodidactic and Intercultural Communication» of the Institute «Foreign Languages, Modern Communication and Management» of Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

Muromceva M. V.

Master student of the Department «Linguodidactic and Intercultural Communication» of the Institute «Foreign Languages, Modern Communication and Management» of Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

The article is devoted to the general consideration of the ways of using video materials in English class. The method of work is aimed at the formation of students' intercultural competence. The publication describes in detail the situations in which the use of videos is a necessary tool to build classes in the right way and achieve a high quality of the work. The characteristic features of working with video material in the classroom are analyzed. Based on the data obtained in the course of the study, the degree of effectiveness of the use of this technique in school was revealed.

Keywords: the usage of video materials, English language, intercultural communication, communicative competence.

References

1. Barmenkova O.I. Videozanyatiya v sisteme obucheniya inostrannoy rechi //Inostrannye yazyki v shkole. 1999. # 3.
2. Vaysburd M.L., Pustosmehova L.N. Teleperedacha kak opora dlya organizacii rechevoy igry na uroke inostrannogo yazyka // Inostrannye yazyki v shkole. 2002. # 6.
3. Verisokin Yu.I. Videofil'my kak sredstvo motivacii shkol'nikov pri obuchenii inostrannym yazykam / Yu.I. Verisokin // Inostrannye yazyki v shkole. 2003. #5.
4. Gorelikova A.P. Razvitie kommunikativnoy kul'tury uchaschihsya na urokah angliyskogo yazyka s ispol'zovaniem videomaterialov. Sankt—Peterburg: "Karo". 1998.
5. Il'chenko E. Ispol'zovanie videozapisi na urokah angliyskogo yazyka //Pervoe sentyabrya, Angliyskiy yazyk. 2003. #9. Pp.7-10.
6. Sadohin A.P. Mezhkul'turnaya kommunikaciya: ucheb. posobie. / A.P. Sadohin — Moscow: Al'fa—M, 2004. 288 p.

Муromцева В. Н., Захарова М. В.
Использование видеоматериалов на уроках
английского языка как средства развития
межкультурной компетенции учащихся Язык и
текст
2019. Том 6. № 4. С. 97–103.

Zakharova V. N., Muromceva M. V.
Using Videomaterials in English Lessons as a Means of
Developing Intercultural Competence of
Students
Language and Text
2019, vol. 6, no 4, pp. 97–103.

7. Safonova V.V. Kul'turovedenie v sisteme sovremennogo yazykovogo obrazovaniya / V.V. Safonova // *Inostrannye yazyki v shkole*. 2001. # 3. Pp. 17-24.
8. Sharikov A.V., Aygistova Yu.V. Mesto animacii v zhizni mladshih doshkol'nikov // *Kul'turnoistoricheskaya psihologiya*. 2014. # 4. Pp. 72—79.
9. Allan M. *Teaching English with Video* // *Video—applications in ELT*. Pergamon Press, 1983
10. Cooper R., Lavery M., Rinvoluceri M. *Video. — Resource Books For Teachers*. Oxford University Press. 1996
11. Freebairn, Brian and Ingrid. *Video Teaching Tips*. Longman, 1996
12. Stempleski S. *Using Video in the Classroom*. Teachers College, Columbia University, N—Y, 1995.

Лексико-семантическое поле «судьба» / «kader» в русском и турецком языках (на примере текстов песен)

Шклярук А.

*магистрант кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация» института
«Иностранные языки, современные коммуникации и управление» МГППУ, Москва, Россия*

В данной статье анализируется семантическое поле “kader/судьба” в популярных песнях русских и турецких исполнителей. Проводится сравнение слов, впадающих в семантическое поле «судьба» в русском и турецком языках с целью составить общее представление о языковой картине мира носителей данных языков.

Ключевые слова: семантическое поле, судьба, русский язык, турецкий язык, языковая картина мира.

Для цитаты:

Шклярук А Лексико-семантическое поле «судьба»/«kader» в русском и турецком языках (на примере текстов песен) [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. №4. С. 104-109. doi: 10.17759/langt.2019060415

For citation:

Shklyaruk A.. Lexico-Semantic Field "Fate/Kader" in Russian and Turkish (on the Examples of Songs) [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 4, pp. 104-109. doi: 10.17759/langt.2019060415 (In Russ., abstr. in Engl.)

Народная мудрость и общее настроение народа испокон веков находят свое отражение в произведениях искусства: в картинах, в литературе, в поэзии и, конечно, в песнях. В каждой культуре по-разному относятся к определенным аспектам жизни, то или иное явление может восприниматься жителями разных стран позитивно или негативно, то, что приемлемо в одной культурной диаспоре, вызывает резкое отторжение, порицается или не находит ответа в другой.

В данной статье мы предлагаем рассмотреть концепт «судьба» в русском и турецком языках на примере текстов популярных песен русских и турецких исполнителей. Мы рассмотрим тексты песен, в которых встречается слово «судьба», в каком контексте употребляется этот концепт, составим и сравним семантические поля для того, чтобы понять, как воспринимается предложенное понятие в непохожих странах для понимания языковой картины мира носителей русского и турецкого языков.

Прежде, чем приступить к лексическому анализу, мы дадим определение лексико-семантическому полю. Лексико-семантическое поле – это иерархически структурированная система слов, которые объединены единой архисемой. [Марцева, 2018]

Лексико-семантическое поле включает в себя ядро, центр и периферию. При этом значение семантического поля наиболее понятно и однозначно ближе к центру поля, и постепенно значение «рассеивается» к периферии поля. [Бочарова, 2012]

Сложно сказать, к какому типу культуры – восточному или западному – относится Россия, так как она обладает несравнимо большой территорией, вмещает в себя множество наций и культур, исторически выбирает собственный путь развития, является своеобразной золотой серединой между низкоконтекстными и высококонтекстными культурами. Турция, однако, является известным представителем восточных традиций и обычаев, и турецкое общество значительно отличается от русского.

Для исследования нами были выбраны следующие песни русских исполнителей: Слава «Попутчица», Эльман «Мой океан», Надежда Кадышева «Течет ручей», Ундервуд

«Это судьба», Баста «Мама».

Также для исследования мы выбрали следующие турецкие песни: Sibel Can “Vallahi Yalan” (Клянусь, это ложь), Tarkan “Beni çok sev” (Люби меня сильно), Sezen Aksu “Kahpe Kader” (Судьба-Предательница), Simge “Yankı” (Эхо), Toygar Işıkli – Yazgım (Моя судьба).

Из песни «Попутчица» мы находим, что слова, входящие в семантическое поле «судьба», представляют собой следующий ряд: «никто», «попутчица», «знать», «дорога», «полоса», «дарить», «легко», «расставаться», «путь», «дом», «поворот», «вдвоем», «одни», «закат», «рассвет», «любовь», «встретить», «никогда», «нигде», «мираж», «впереди», «плакать».

В песне «Мой океан» мы встречаем следующее семантическое поле:

«неизведанный», «путь», «загадочный», «маршрут», «пытаться», «строить», «планы», «обмануть», «зря», «удаваться», «одурачить», «ждать», «иллюзия», «догадка»,

«отмотать», «лента», «память», «упустить», «клетка», «виновный», «силы», «потопить», «влюбить», «туман», «вера», «обман», «надо», «маяк», «помогать», «больно», «буря», «осколки», «пробираться», «привести», «исток», «винить», «ошибка», «зло», «прощение», «молитва», «дорога», «вести».

В песне «Течет ручей» появляются следующие слова: «годы», «проходить», «недолюбивший», «усталый», «счастливый», «течь», «ручей», «помнить», «становиться», «богатый», «проседь», «седой», «надобно», «сердце», «открытый», «поведать», «любовь», «остывший», «огонь».

В тексте песни «Это судьба» встречаем лексемы: «Бог», «секрет», «дверь», «звезда», «дорога», «выбирать», «мир», «истекать», «срок», «время», «идти».

В тексте песни «Мама» находим следующие слова: «вырасти», «простить», «боль», «рана», «виноват», «становиться», «черно-белое кино», «легко», «значить», «удача», «дорога», «слезы», «долго», «знать», «верить», «сбивать с ног», «отчаяние», «подарок», «жизнь», «стоять», «драма», «трудный», «силы», «смерть», «звезды», «небо», «лучик света», «поиск ответа», «продолжать идти», «прошлое», «вернуть», «время», «назад», «встать с колен», «молиться», «Бог», «тревожить», «давать», «вера».

Для сравнения нам необходимо также знать, какие слова в песнях турецких исполнителей попадают в семантическое поле «судьба» у турецких исполнителей.

В песне «Vallahi Yalan» мы видим следующие лексемы, попадающие в семантическое поле «судьба»: «любимый (душа моя)», «знать», «неверный», «целая жизнь», «несчастливый», «родить», «обещание», «вернуть», «ложь», «любовь»,

«расстраиваться», «жизнь», «бессмысленный», «незнакомец», «посмешище».

В тексте песни «Люби меня сильно» всемирно известного исполнителя Tarkan перечислены следующие слова, имеющие связь с понятием «судьба»: «воевать», «остерегаться», «одинокий», «изнуряющие дороги», «падать», «подниматься», «учить», «жизнь», «годы», «вращаться», «мир», «не существовать», «находить», «длиться», «вся жизнь», «смеяться», «хороший», «плохой», «сердце», «душа», «уходить», «несчастный», «ветер», «надежда», «покой», «рождаться».

В песне «Судьба-предательница» в исследуемое нами семантическое поле попадают слова: «глупый», «разбитый», «бесстыдный», «колесо судьбы», «цепляться», «ищущий», «находить», «искать», «дорога», «тупик», «препятствовать», «счастливый», «плакать», «вся жизнь», «одинокий», «понимать», «пощечина», «правда», «предатель», «расставить сети», «вторая половинка», «весть», «умирать».

В песне исполнительницы Simge видим следующие слова: «конец» («до самого конца»), «слышащий», «тот, кому есть дело», «любовь», «до гроба», «ложь», «таять», «свеча», «сердце», «возвращаться», «тянуть», «путь», «свернуть», «проклинать», «любить», «проблема», «склоняться», «падать», «причина», «луна», «хорошее», «плохое», «боль», «пламя», «печаль», «оставлять», «поджигать».

В тексте песни композитора Toygar Işıkli встречаем слова: «изменять судьбу», «принадлежать», «разрушать», «спешка», «путь», «дорога назад», «радовать», «хватать», «беззащитный», «момент», «трудные времена», «черпать силу», «прекрасная ложь», «взваливать на себя», «безгрешный», «вина», «сердце», «жаль», «заканчивать», «история», «плохо», «написанный», «рука», «нарушать обещание», «не слушать», «заставить ждать», «вся жизнь».

В течение процесса мы обнаружили, что турецкий язык богат синонимами, которые не просто близки по значению, но фактически идентичны в своем значении, например, это слова “yazgım”, “kısmet” и “kader” (все переводятся как «судьба»), слова “ömür” и “hayat” (жизнь), “aşk” и “sevda” (любовь), “kalp”, “yürek”, “gönül” (сердце). Подобные слова мы рассматривали как отдельные единицы, учитывая их в тексте.

Проанализировав тексты русскоязычных песен, мы рассчитали, что в них содержится 8,68% слов в положительном контексте; 8,68% слов в отрицательном контексте; нейтральных слов 6,1%. Следует также отметить, что всего слов во всех текстах насчитывается 737 (повторные припевы не учитывались).

В турецкоязычных песнях мы рассчитали, что в них содержится 6,88% слов в положительном контексте, 11,84% в нейтральном контексте, 20,38% в отрицательном контексте. Тотальное количество слов в выбранных песнях – 363 (повторные куплеты и припевы не учитывались).

Таким образом, получается, что слово «судьба» (kader) рассматривается турками чаще как явление, не связанное с позитивными эмоциями и ощущениями, – это становится понятным благодаря проведенному анализу текстов песен, но это также глубоко заложено в турецкой культуре – турецкий народ предпочитает книги и

телепередачи о несчастной любви, о влюбленных, которым судьба не позволяет быть вместе, поэтому большая часть историй заканчивается трагически, однако именно такие телепередачи имеют наиболее высокий рейтинг. Особенный жанр турецких народных песен – “türkü” (досл. «турецкий») - это песни лирического содержания о неразделенной любви, о страданиях и душевных терзаниях героев. [Байбаков, 1977]

Согласно анализу семантического поля «судьба» в русскоязычных песнях, данное понятие воспринимается в русской культуре не как нечто трагическое, но как данность: даже в контексте «печаль», «расставание», «одиночество» и пр. «судьба» рассматриваются как нечто, с чем необходимо смириться, на что не следует жаловаться. В текстах проанализированных русских песен слова с негативным лексическим значением «уравновешиваются» словами с положительным значением, например, «обман» – «вера», «недолюбивший» – «счастливый», «отчаяние» – «подарок». Следовательно, негативная окраска слова «судьба» и слов, выпадающих в его семантическое поле, уже не является словом с резко отрицательным значением.

Следует отметить, однако, что полученный результат субъективен, и анализ текстов песен другим автором может привести к иным расчетам. Это напрямую зависит от того, что семантическое поле гибко и не имеет четких границ, а также изменяется индивидуально ровно также, как и ассоциативный ряд любого индивида. Но мы безусловно можем сказать о том, что семантическое поле «судьба» в турецком языке включает в себя больший процент слов, передающих негативные эмоции или связанные с печальными событиями в жизни или, правильнее сказать, в судьбе человека.

Шклярук А.

Использование видеоматериалов на уроках английского языка как средства развития межкультурной компетенции учащихся
Язык и текст
2019. Том 6. № 4. С. 104–109.

Shklyaryk A.

Using Videomaterials in English Lessons as a Means of Developing Intercultural Competence of Students
Language and Text
2019, vol. 6, no 4, pp. 104–109.

Литература

1. *Байбаков, Н.К.* Большая советская энциклопедия / ред. А.М. Прохоров, Н.К. Байбаков, А.А. Благонравов. М.: Советская Энциклопедия. Издание 3-е, 1977. 714 с.
2. *Заварзина Г.А.* Лексико-семантическое поле "Государственное Управление" как одно из доминантных полей языковой картины мира русского народа // Филология и культура. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2016. С. 30-34.
3. *Кайтукова Е.Г.* Турецкий язык. Тематический словарь. М.: «Живой язык», 2011. 256 с.
4. *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография. М.: Книжный дом «Либроком», 2016. 360 с.
5. *Марцева Т.А.* К вопросу о структуре лексико-семантических полей (на примере лексико-семантического поля "paralympics" в английском языке) // Язык и культура. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2018. С. 61-67.

Lexico-Semantic Field "Fate/Kader" in Russian and Turkish (on the Examples of Songs)

Shklyaryk A.

Master student of the Department «Linguodidactic and Intercultural Communication» of the Institute «Foreign Languages, Modern Communication and Management» of Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

Шклярук А.

Использование видеоматериалов на уроках
английского языка как средства развития
межкультурной компетенции учащихся Язык и
текст
2019. Том 6. № 4. С. 104–109.

Shklyaryk A.

Using Videomaterials in English Lessons as a
Means of Developing Intercultural Competence of Students
Language and Text
2019, vol. 6, no 4, pp. 104–109.

Abstract: In the following article, the semantic field “kader/судьба” is analyzed based on the pop-songs of Turkish and Russian performers. The words that fall into that particular semantic field are compared in the Russian and Turkish languages to create an overview into the linguistic view of the world of native speakers of these languages.

Keywords: semantic field, destiny, the Russian language, the Turkish language, linguistic view of the world.

References

1. Baybakov N.K. Bolshaya sovetskaya entsiklopediya / red. A.M. Prohorov, N.K. Baybakov, A.A. Blagonravov. Moscow: Sovetskaya *Entsiklopediya*; Izdanie 3-e, 1977. 714 p.
2. Zavarzina G.A. Leksiko-semanticheskoe pole "Gosudarstvennoe Upravlenie" kak odno iz dominantnykh poley yazykovoy kartiny mira russkogo naroda // *Filologiya i kultura*. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 2016. Pp. 30-34.
3. Kaytukova E.G. Turetskiy yazyk. Tematicheskiy slovar. Moscow: «Zhivoy yazyik», 2011. 256 p.
4. Karaulov Yu.N. Obschaya i russkaya ideografiya. Moscow: Knizhnyiy dom «Librokom», 2016. 360 p.
5. Martseva T.A. K voprosu o strukture leksiko-semanticheskikh poley (na primere leksiko-semanticheskogo polya "paralympics" v angliyskom yazyike) // *Yazyik i kultura*. Tomsk: Natsionalnyiy issledovatel'skiy Tomskiy gosudarstvennyiy universitet, 2018. Pp. 61-67.

Проблемы современной лингвистики

Семиотический взгляд на кросскультурное пространство

Исхакова З.З.,

*доктор филологических наук, доцент, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия,
prof_zemfira@hotmail.com*

Данная статья посвящена эмотивным речеповеденческим кодам в кросскультурном пространстве. Представлена типология эмотивных знаков как эмотивы-образы, эмотивы-индексы и эмотивы-символы. Выявляются универсальные эмотивные коды для разных лингвокультурных сообществ,

Ключевые слова: кросс-культурное пространство, эмотивные коды, эмотивы-образы, эмотивы-индексы, эмотивы-символы.

Для цитаты:

Исхакова З.З. Семиотический взгляд на кросскультурное пространство [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. №4. С. 110-117. doi: 10.17759/langt.2019060416

For citation:

Iskhakova Z.Z. The Organizational Model of Psychosocial Support of Substitute Families [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 4, pp. 110-117. doi: 10.17759/langt.2019060416 (In Russ., abstr. in Engl.)

На важность эмоционального интеллекта обращал внимание американский психолог Дэниел Гоулман. По его мнению, человек, на самом деле, не обладает способами развития своего эмоционального интеллекта, поскольку это некий природный талант [7]. Тем не менее представляется, что он все-таки может научиться декодировать речеповеденческие знаки, имеющие отношение к эмоционально окрашенному поведению. Такое знание обеспечивает построение правильного диалога и позволяет достигнуть ожидаемых целей в процессе коммуникации. Исследования в рамках науки о языке при взаимодействии с другими научными парадигмами могут предоставить этот инструмент дешифрирования эмоционально обусловленного поведения человека в разных лингвокультурных сообществах (в частности, французском и английском сообществах). И это актуально, поскольку современный мир, полный конфликтов на политической и экономической аренах, особенно нуждается в грамотном овладении человеком говорящим универсальными речеповеденческими кодами, позволяющими достигать взаимопонимание между людьми и предугадывать внутреннее состояние друг друга в процессе коммуникации. Порой не рациональное, а эмоциональное мышление или иногда эмоциональное мышление вкупе с рациональным мышлением дают необходимый ожидаемый результат для человека говорящего.

Надо сказать, что проведение междисциплинарного (интегративного) анализа в рамках эмотиологических исследований соответствует новому, интенсивно формирующемуся в настоящее время подходу в структурировании знания в науке о языке. Традиционная лингвистика перестала быть единственной и последней инстанцией

в освещении языковой проблематики. Как в свое время указали В.И. Герасимов и В.В. Петров, «лингвистика не обладает монополией на конструирование общей языковой модели» [2, с. 6]. Популярная в настоящее время идея моделирования языкового пространства посредством инструментов, предоставляемых лингвистике другими сопредельными с ней дисциплинами – семиотикой, культурологией, когнитологией, является «сопряжением парадигм» (С.В. Иванова), ярким примером чего может служить изучение лингвистической категории эмотивности посредством семиотического инструментария. Так, исходной точкой исследования Исхаковой З.З. стало положение о том, что дейктические значения могут широко использоваться не только при моделировании пространства, времени и движения, но и – по их образцу – при моделировании психической сферы человека, включая чувства и восприятия [1]. Такой подход продиктован самой природой человеческого мышления, предполагающей тесную связь рационального мышления с эмоциональным [7].

В свете вышесказанного становится реальной возможность экстраполировать знаковую типологию на языковые репрезентанты эмоциональности, что позволяет сделать вывод о существовании эмотивов-символов, эмотивов-индексов и эмотивов-образов. Следует отметить, что ранее типология знаков как образы, символы и индексы в формализованных знаковых системах была предложена американским ученым Ч.С. Пирсом [5]. Между формой и содержанием знака устанавливаются отношения смежности (фактической или относительной) и относительного сходства. Иными словами, в любом знаке всегда имеют место устойчивые переключатели-коды, которые отвечают за отношение между внешней и внутренней формами знака [6]. Так, эмотивы-символы предполагают относительную смежность, эмотивы-индексы – фактическую смежность и эмотивы-образы – относительное сходство между означающим и означаемым языкового знака [3].

Структуризация поля может быть осуществлена посредством обращения к вариантным типам эмотивного дейктического поля, представленного эмотивно-дейктическими полями *homo sentiens* и *femina sentiens* [3]. При этом в качестве материала анализа привлекаются данные русского, английского и французского языков. Результаты лингвосемиотического анализа аккумулируются в содержании инвариантного эмотивно-указательного поля. Центр неконвенционального эмотивного демонстративного поля как возможного *tertium comparationis* занимают междометия, эмоционально-оценочные прилагательные, интенсификаторы, морфологические средства вербализации эмоций, ассоциативно-эмотивная лексика и эмотивные средства адгерентного типа категоризации эмотивности, выполняющие роль эмотивов-символов и эмотивов-индексов, в том числе и эмотивов-индексов широкого порядка. Одна из выраженных особенностей неконвенционального эмотивного указательного поля состоит в возможности единиц аффективной лексики, междометий, эмоционально-оценочных прилагательных стать значимыми компонентами центральной части неконвенционального дейктического поля в качестве эмотивов-символов. Это обусловлено – прежде всего – семантикой аффективов, сопряжённой с максимальной экспрессивностью, направленной на реализацию речевого эффекта, что, в свою очередь, определяет самодостаточность аффективно-указательной лексики, как в языке, так и в речевой реализации, с позиции эмотивного дейксиса. Такое явление, характерное для репрезентантов аффективов, не наблюдается в конвенциональной категории указания, направленной на пространство и время.

Периферию инвариантного дейктического поля занимают образные эмотивные знаки, коррелирующие с бесспорно конкретным значением в семантике указательной лексики. Однако ряд образных эгоцентрических спецификаторов в неконвенциональном эмотивном дейксисе, например, в английском и французском языках, такие как эпитеты,

антитезы, оксюмороны, функционируют в качестве образно-индикативных знаков. Следовательно, двусторонняя сущность внутреннего содержания данных эмотивных «демонстративов» основана как на семиотическом семантическом коде, который предполагает «семантическое углубление» в знаке, так и, при некоторых условиях, на синтаксическом коде – устойчивой синтаксической связи образных указателей с сопричастующими лексемами в эмотивном высказывании.

Следует отметить фактор усилительности со стороны конвенционального типа дейксиса на проявление указательности неконвенционально эмотивно-дейктическими единицами. Данное явление наблюдается, например, в номинативных эмотивно-указательных единицах (с местоимением *Я*) или эмотивах-индексах морфологической производности.

Все эмотивные единицы реализуют указательность в рамках конкретной референции, предполагающей конкретную эмоциональную ситуацию, когда язык обращен к действительности, когда значимые единицы языка прилагаются к миру, благодаря чему они могут понятным для адресата образом идентифицировать внутреннее состояние человека эмоционального. Таким образом в процессе референции язык ищет путь к действительности, актуализируясь в речи. В эмоционально-окрашенной речи тесную связь акта референции с говорящим субъектом подразумевает транслирование личностной смыслопорождающей информации эмоциональной природы, которая, в свою очередь, предполагает триединую систему отношений в семантике указательных единиц: эмотивное значение/созначение/обозначение, степень номинации и степень указательности. Механизмы конкретно-личностной референции выходят за пределы собственно языковых конвенций, в том числе и языкового значения эмотивных слов и словосочетаний, и это видится очевидным. Смысловая сущность эмотивно-указательной единицы, также как и любого языкового знака, ничуть не меньше описываемой действительности, ибо языковой знак соответствует «не менее области сознания, если только не более» (П.А. Флоренский). Такое понимание смысла эмотивно-указательной единицы, в соответствии с прагматическим подходом к референции (см. работы Л. Линского, П. Грайса, Дж. Серла), выводит исследователя за пределы семиотических моделей естественного языка, а именно в общее пространство семиосферы, понимаемой как единое культурно-языковое пространство [4]. Поскольку язык выполняет функцию основного вращающегося колеса в пространстве культуры, то видится несправедливым изучение неконвенционального дейксиса только в рамках языковых семиотических моделей с учётом только языковых конвенций.

Согласно лингвокультурологическим исследованиям в русле семиотического подхода, культура, так же как и язык, рассматривается как многоуровневая знаковая система. В таком случае культура и язык выводятся на равнозначный уровень, где в самом широком смысле культура понимается как содержание, а язык – как форма существования данного содержания. Однако люди в значительной мере находятся под влиянием того языка, который является средством общения для данного общества. Принятые нормы употребления слов определяют некоторые культурно обусловленные формы мышления и поведения представителей того или иного социума. Таким образом, язык – это не только система, в которой материализуются модели, с помощью которых происходит контакт общества с миром. Это тот стержень, который собственно организует культурное (смысловое, глубинное) пространство. Отсюда очевидно взаимопроникновение между базисными в лингвокультурологии феноменами культуры и языка, а значит культурного и языкового пространств, соответственно. Взаимоналожение этих пространств формирует единую семиосферу [4]. При этом тексты различных культур, как правило, дешифруются посредством сложной системы кодов.

Согласно высокой взаимопроницаемости культурного и языкового пространств, процесс декодирования указания на эмоциональность и выражения эмоциональности *homo sapiens* и *femina sapiens* может протекать в двустороннем порядке в соответствии с логико-философским принципом от частного к общему или от общего к частному. В первом случае имеется в виду распределение эмоционального смысла эмотивного знака через многослойное содержание культурного эмоционального кода, состоящего из ряда кодирующих систем, а именно эмотивного кода в широком смысле, представляющего собой систему культурно-эмотивных соответствий, собственно систему самих эмотивных знаков, а также эмотивного кода в узком смысле, репрезентирующей кодирующие комбинации в двуединой сущности эмотивного указателя (между внешней и внутренней формами знака), отвечающего за содержание эмотивного дейктика; его символичность, индикативность или образность. Во втором случае репертуар лингвокультурных кодов в узком смысле (разного рода кодирующие комбинации в структуре знака) кодирует и декодирует указание на выражение эмоциональности говорящего через лингвокультурный эмотивный код в широком смысле, или культурно-эмотивные соответствия, которые, в свою очередь, сопряжены с культурным эмоциональным кодом.

Рассмотрим пример использования эмотивного кода узкого и широкого порядка в эмоционально-окрашенном высказывании: *Shut up* (Br. E. *impolite* an offensive way of telling someone to stop talking (неформаль. обидная форма обращения к кому-либо с просьбой прекратить разговаривать) [9, с.1322]), *Plym! I can't stand any more* [8, с. 267]). В эмотивном символе *shut up* означающее *shut up* связано в соответствие с кодирующей комбинацией – установленной смежности – с означаемым знака, его эмоциональной сущностью, а именно с эмоцией негодования, выраженной адресантом в данном сообщении, что позволяет шифровать двустороннюю сущность знака посредством эмотивного кода в узком смысле S^1/S^2 , где S^1 есть означающее, S^2 – означаемое, а графический символ / указывает на приписанную смежность между содержанием и формой знака. При этом эмотивный код широкого порядка, равно как и одноименный код в узком понимании, есть лингво-культурно-языковое соответствие *shut up*. Однако если эмотивный код в узком понимании транслирует культурную информацию посредством устойчивой связи между содержанием и формой языкового знака, то культурная обусловленность эмотивного кода широкого порядка заключается в допустимости использования данной лексической единицы в эмоциональной речи жительницы страны туманного Альбиона прошлого столетия.

Данная взаимообратная корреляция лингвокультурных и культурного кодов эмоциональной природы позволяет установить национально-культурную специфику вариантного эмотивного дейктического поля. Однако в рамках проведения лингвокультурологического исследования содержания вариантных типов неконвенционального эмотивного дейктического поля необходимо учитывать единую цивилизационную составляющую в культурах рассматриваемых лингвокультурных сообществ.

Смысловое пространство эмотивных дейктических единиц также требует неконвенциональной трактовки. Эмоциональность как смысл эмотивной единицы коррелирует – прежде всего – с абстрактностью значения, понимаемой как *неконвенционально-дейктическое* значение. Конкретность значения как номинативно-интерпретирующее значение, по-видимому, в меньшей степени «справляется» с выражением эмоционального смысла в высказывании. При этом эмоциональность как эгоцентрический смысл эмотивно-дейктической единицы в соответствии с

неконвенциональной разновидностью дейксиса есть одновременно выражение определённых эмоций и указание на эти эмоции говорящим субъектом.

Кодифицирующие комбинации относительного сходства, относительной и фактической смежности представляют собой матричную основу эмотивного лингвокультурного кода. Понимание матричной природы изучаемого поля обуславливает необходимость тесного сотрудничества лингвосемиотики с математической теорией информации, для которой характерно использование понятия кода, а также бинарного принципа исчисления информации. Так, матрица изучаемого поля базируется на бинарных оппозициях абстрактности/конкретности, изначальности/неизначальности, а также конвенциональности/неконвенциональности эмотивно-дейктических значений. Кроме того, в соответствии с понятиями теории информации, несмотря на гетерогенность и гетерофункциональность естественного языка, и во избежание информационного хаоса в размещении эмотивных знаков в дейктическом поле, нацеленного на транслирование информации эмоциональной природы, используется устойчивая типология дейктиков.

Результаты работы могут стать ещё более убедительными при привлечении широкого круга языков. Так, дальнейшей верификации может подлежать идея о структурировании пространства неконвенционального эмотивного дейктического поля как инвариантного поля с выраженными центральной и периферийной частями, включая и его ядерную часть. Что касается последнего, то основными претендентами на расположение в ядре эмотивного указательного поля, по-видимому, представляются эмотивные эгоцентрические спецификаторы как эмотивы-символы с неконвенциональными изначальными дейктическими значениями, например, единицы аффективной лексики, то есть междометия и эмотивные «демонстративы» широкого порядка с неконвенционально-дейктическими значениями как истинные репрезентанты неконвенциональной эмотивной категории указания. Однако это требует дальнейших семиотических изысканий в эмотиологии.

Кроме того, видится перспективным использование теории референции в изучении эмотивно-дейктических значений через призму прагматического фактора, а именно основные типы отношений, определяющие коммуникацию, то есть перекрестные связи между языком, действительностью, ситуацией речи, условиями коммуникации, речевым контекстом, *homo sentiens / femina sentiens* и адресатом. Однако важно не ущемлять и не исключать эмотивные значения из механизмов референции и вместе с тем преувеличивать ту долю, которая принадлежит в акте референции прагматическим факторам. Для того чтобы лучше разобраться в доктринах референции, необходимо соединять их с языком – той данностью, на которой собственно они и формируются.

Хочется отметить, что установление эмотивно-дейктического поля как потенциальной метаязыковой универсалии позволяет провести эмотиологические лингвосемиотические исследования в нескольких лингвокультурах на предмет определения характера культурноносной эмоционально-окрашенной информации, транслируемой дейктическими единицами неконвенционально-эмотивной категории указания с точки зрения допустимости/недопустимости эмоционального поведения в данном социуме и в данное время. При этом представляется возможным определение сущности эмотивно-указательного поля с точки зрения типологии эмоционального содержания эмотивных указателей, коннотирующих определённые базовые эмоции человека говорящего в конкретном лингвокультурном сообществе, а именно радость/счастье, удивление/изумление, страх, отвращение/презрение, печаль, гнев/ярость и т.д.

Действительно, человеческие эмоции и их вербализация оставляют ряд нерешённых вопросов перед учёными, несмотря на уже существующие значимые умозаключения для гуманитарного и естественнонаучного знания в работе Ч. Дарвина «Выражение эмоций у человека и животного» (1872 г.). Так, существует оригинальная точка зрения, что внешние состояния человеческого тела являются не результатом, а подлинными источниками внутренних психологических состояний-чувств (см. У. Джеймс). Видится, что установление сущности содержания эмотивного дейксиса, тесно связанного с эмоциональной сферой человека разумного, позволит в некоторой степени решить задачи естественнонаучного свойства в том, что касается мыслительной деятельности человека эмоционального, и, более того, самого устройства человеческого мозга. В этой связи хочется отметить некоторые современные лингвистические воззрения, такие, как язык есть система, изоморфная по своему устройству структуре сознания (мозга), например, знаменательные слова являются коррелятами нейронов, а служебные слова – коррелятами связей между ними (см. докторскую диссертацию Мальцевой Р.И.). Таким образом, установление эмотивно-дейктического поля подводит ученого-лингвиста к важной проблеме естественно-гуманитарного знания, а именно языковой концептуализации физиологических процессов (в этой связи см. работу Г.Е. Крейдлина по невербальной семиотике «Словарь языка русских жестов» (2001 г.).

В целом эмотивные индексы широкого порядка, основанные на синтаксическом построении высказывания, характеризуются выраженной частотностью в разных лингвокультурных сообществах (см. работы Исхаковой З.З.). По-видимому, *homosentiens* не в состоянии контролировать свою речь, что и отражается на синтаксическом оформлении высказывания, имеющего «рваный» характер. Это те знаки, которые можно назвать универсальными эмотивными речеповеденческими кодами, наряду с эмотивами- символами, такими как междометия. Если даже принять во внимание субкультуры, эмоционального мужчину и эмоциональную женщину, в рамках изучаемых лингвокультурных сообществ, то и здесь результаты исследования остаются неизменными. Данные универсальные коды синтаксической природы способствуют стиранию границ между культурными пространствами и образованию уже эмотивного кросскультурного пространства, по крайней мере, там, где касается выражения эмоций и указания на эти эмоции (разумеется, неосознанно) человеком говорящим.

Можно с уверенностью утверждать, что семиотика, и в том числе эмотивная семиотика, занимает центральное место в «семье наук», поскольку без получения, хранения и передачи информации невозможна жизнь человека – ни познание мира, ни организация человеческого общества и его культурно-языкового пространства. Только наука о знаковых системах естественного языка, именуемая лингвистической семиотикой, может дать развёрнутые ответы на вопросы: «Каков механизм передачи эмоциональной информации? Что обеспечивает надёжность ее передачи? В каких случаях можно в ней сомневаться?». В свете вышесказанного видится, что лингвистика занимает центральное место среди всех гуманитарных наук, опережая при этом естественнонаучные воззрения в том, что касается конструирования семиотического знания, понимаемого как «люди и знаки».

Литература

1. Васильев Л.М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики: Сборник избранных статей. Уфа: РИО БашГУ, 2006.

2. Герасимов В.И., Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка //Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. Выпуск 23. М.: Прогресс, 1988. С. 5–11.
3. Исхакова, З.З. Эмотивно-дейктическая константа в семиосфере: монография. М.: Издательство «Флинта», 2014.
4. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. (Человек – Текст – Семиосфера – История). М.: Языки Русской культуры, 1999.
5. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001.
6. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. Будапешт: ТОО ТК «Петрополис», 1998 .
7. Goleman D. The Emotional Intelligence. Why it Can Matter More than IQ?. Bentam Books, 1997.
8. Johnson P. The Humbler Creation. Penguin Books, 1961. 321 p.
9. Macmillan. English Dictionary for Advanced learners. Macmillan Publishers Limited, 2002. 1692 p.

Semiotic View at Cross-Cultural Sphere

Iskhakova Z.Z.,

Full Ph.D. of Philology, assistant professor, professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, prof_zemfira@hotmail.com

This article is devoted to emotive speech-behavior codes in cross-cultural sphere. The typology of emotive marks is presented as emotive-images, emotive-indices and emotive- symbols. Universal emotive codes for various linguocultural communities are identified

Keywords: cross-cultural sphere, emotive codes, emotive images, emotive indices, emotive- symbols.

References

1. Vasilev L.M. Teoreticheskie problemyi obschey lingvistiki, slavistiki, rusistiki: Sbornik izbrannyih statey. Ufa: RIO BashGU, 2006.
2. Gerasimov V.I., Petrov V.V. Na puti k kognitivnoy modeli yazyika //Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Kognitivnyie aspektyi yazyika. Vyipusk 23. Moscow: Progress, 1988. Pp. 5–11.
3. Ishakova Z.Z. Emotivno-deykticheskaya konstanta v semiosfere: monografiya. Moscow: Izdatelstvo «Flinta», 2014.
4. Lotman Yu.M. Vnutri myislyaschih mirov. (Chelovek – Tekst – Semiosfera – Istoriya). Moscow: Yazyiki Russkoy kulturyi, 1999.
5. Stepanov Yu.S. Konstantyi: slovar russkoy kulturyi. Moscow: Akademicheskiiy Proekt, 2001.
6. Eko U. Otsutstvuyuschaya struktura. Vvedenie v semiologiyu. Budapesht: TOO TK

Исхакова З.З.
Семиотический взгляд на кросскультурное
пространство
Язык и текст
2019. Том 6. №4. С. 110-117.

Iskhakova Z.Z.
Semiotic View at Cross-Cultural Sphere
Language and Text
2019. Vol. 6, no. 4, pp. 110-117.

«Petropolis», 1998 .

7. Goleman D. The Emotional Intelligence. Why it Can Matter More than IQ?. Bentam Books, 1997.
8. Johnson P. The Humbler Creation. Penguin Books, 1961. 321 p.
9. Macmillan. English Dictionary for Advanced learners. Macmillan Publishers Limited, 2002. 1692 p.

Психолингвистика. Социолингвистика. Этнолингвистика.

Лексикографическая параметризация терминосистемы по крымскотатарской филологии

Селендили Л.С.,

доктор филологических наук, профессор кафедры крымскотатарской филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии ТА (СП), ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», Симферополь, Россия. E-mail: lemara2002@hotmail.com

Статья содержит информацию о лексических параметрах описания крымскотатарской филологической терминологии, которая будет систематизирована в лексикографической системе «Русско-крымскотатарских лингвистических соответствий». Каждый термин в модуле «Специальной лексики» лексикографической базы электронного «Русско-крымскотатарского словаря лингвистических соответствий», включая и его синонимы, занимает свое место в заранее смоделированной логико-понятийной системе, которая выделена в виде подмодуля с названием отрасли знания. В нашей работе рассматриваются термины подмодуля «Филология».

Ключевые слова: филология, лингвистика, крымскотатарский язык, лексическая параметризация терминов, крымскотатарское литературоведение, компьютерная лексикография, лексикографическая система, терминосистема.

Для цитаты:

Селендили Л.С. Лексикографическая параметризация терминосистемы по крымскотатарской филологии [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. №4. С. 118-124. doi: 10.17759/langt.2019060417

For citation:

Selendili L.S.. Lexicographic Parameterization of the system of Crimean Tatar Philological Terms [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 4, pp. 118-124. doi: 10.17759/langt.2019060417 (In Russ., abstr. in Engl.)

В крымскотатарском языке пока еще не выработана система стандартизации и унификации научной и научно-технической терминологии. Это проявляется, в частности, в отсутствии терминологических словарей, в том числе и по филологии, которые бы соответствовали внутренней структуре крымскотатарского языка и современной литературной норме.

Цель нашей работы состоит в описании лексических параметров терминосистемы по крымскотатарской филологии для создания модуля по филологии в структуре словаря специальной лексики прототипа русско-крымскотатарской лексикографической базы: «Русско- крымскотатарского словаря лингвистических соответствий», а также подготовке на этой основе компьютерной инструментальной системы и комплекса электронных словарей по филологической терминологии: русско-крымскотатарского и крымскотатарско-русского.

Для достижения цели необходимо решить ряд практических задач: определить, что такое терминосистема, классифицировать лексику терминосистемы по крымскотатарской филологии по источнику возникновения, по структуре, семантике, определить ряд возможных синонимов, охарактеризовать некоторые синтаксические особенности филологических терминов, создать

образец словарной статьи и привести примеры и специфику описания ее основных параметров: лингвистические соответствия; грамматикализация; дефиниция; этимология; варианты и синонимы; гиперонимы (родовые понятия); гипонимы (видовые понятия); ассоциативный ряд; контексты употребления; ремарки.

Создание модуля «филология» русско-крымскотатарского словаря специальной лексики базируется на методе тезаурусного моделирования как способе упорядочения научной терминологии [1]. Комплексная методика отбора терминологии и моделирование терминосистемы на морфосинтаксическом, словообразовательном, дефинитном и категориальном уровнях

определяют типологические принципы лексикографической параметризации терминосистемы по филологии.

Мы определяем терминосистему по Лейчику В.М. как знаковую модель «определённой теории специальной области знаний или деятельности; элементами терминосистемы служат лексические единицы (слова и словосочетания) определённого языка для специальных целей какого-либо естественного языка, а структура в целом адекватна системе понятий данной теории» [2, с. 129].

Среди крымскотатарских филологических терминов много вторичных заимствований, возникших посредством русского языка из английского. Учитывая интернациональность терминов и их составляющих, перевод осуществляется следующим образом: если слово зависимое прилагательное, его корень используется как неизменяемая в дальнейшем часть словосочетания, суффикс и окончание опускаются - копулятивный союз *«копулятив багълайджы»*; если главное слово существительное, то к его корню в качестве средства связи между главным и зависимым добавляется изафет *«-ы/-и»* – корпус текстов *«метинлер корпусы»*. Некоторые термины представляют собой полные кальки: краткий слог *«къыскъа эджа»*, иные – развернутое толкование значения, например, криптоним *«гизли язынынь ишарети»*, третьи – имеют переводные эквиваленты: крылатые слова *«къанатлы сёзлер»* или

«халкъ арасында джайрап кеткен сёзлер» (среди них могут быть использованы полностью мотивированные – дифтонг *«дифтонг»*, частично мотивированные – закон Лахмана *«Лахман къануны»*), четвертые -используются в заимствованной форме, например, семантика

«семантика» (в парных словах или в простых, используемых в качестве прилагательного, слово по концу усекается: *семантик хусусиетлери* «семантические признаки», *лексик-семантик групплары* «лексико-семантические группы», но зависимое в крымскотатарском переводе переходит в имя существительное и связывается с главным при помощи изафета *«-ы/-и»*), пятые

- гибриды (абстрактные слова *«абстракт сёзлер»*, бифонемное сочетание *«эки фонемалы бирлешме»*).

В зависимости от языка источника различаются термины исконные или полностью адаптированные ранние арабо-персидские заимствования, полностью адаптированные в крымскотатарском языке, например, *идафа* (араб. إضافة) дополнение) *«изафет»*: средство связи между главным и зависимым словом/словами в словосочетании, состоящем из имен существительных), интернационализмы, попавшие в язык посредством русского языка – контекст *«контекст»*.

Иногда можно встретить варваризмы, например: аффикс – аффикс при традиционно распространенном *«ялгъама»*, собственно заимствования, квазизаимствования (есть собственно переоформления - автосемантия *«автосемантиклик»*, при переоформлении обычно русский элемент заменяется на крымскотатарский: –ность, -ация = *«-лыкь/-лик»*; - ирование=*«ланув»*, - ование=*«лев»*, - ующий=*«ленген»*; в процессе перевода возможно появление слов-микстов типа: грамматика Монтегю — *Монтегю грамматикасы*, распространены слова- гибриды) [3].

Среди заимствований могут быть идеографические синонимы: лексикон, глоссарий, тезаурус (интернационализмы) – *сёзлюк* (общетюрское) – *лугъат* (адаптированное арабо- персидское заимствование) и производные от них словосочетания. Употребление терминов- синонимов можно встретить в предложении как факт взаимообъясняющих явлений: Фольклор (*инглиз тилинден алынган сёз*) – *халкъ агъыз яратыджылыгъы демектир* [4]

«Фольклор (термин, заимствованный из английского языка) означает – устное народное творчество».

С точки зрения принадлежности терминов к частям речи различают термины- существительные (*сыфатфииль* «причастие»; *тезайтым* «скороговорка»), - глаголы (классифицировать «*тасниф этмек*»; *тасвир этмек* «изображать»), в составе терминологических словосочетаний можно выделить зависимые прилагательные (*адий шекиль* «простая форма»; *ифадели окъув* «выразительное чтение»).

Термины могут функционировать в виде словосочетаний и сочетаний слов. В предложении они порой могут образовывать открытые сочинительные ряды, например: *Халкъ агъыз яратыджылыгъынынъ озуне хас тюрлери бар. Бу: масал, эфсане, ривает, лятифе, йыр, чынъ, мане, аталар сёзлери ве айтымлар, тапмаджа, саюв, тезайтым, айненилер* [5]. «Есть виды фольклора. Это: сказка, легенда, предание, анекдот, песня, чин, частушка, пословицы и поговорки, загадка, считалка, скороговорка, колыбельная». Из примера видно, что на основе подчинительной связи может формироваться даже изафетная цепь из 4 графических слов: *халкъ агъыз яратыджылыгъынынъ тюрлери* «виды фольклора», «виды устного народного творчества». Кроме того, литературные термины за пределами научного контекста часто могут рассматриваться как общеупотребительная лексика, лингвистическая терминология в большинстве своем таковой не является [6].

Отбор филологических терминов в лексикографическую базу осуществляется на логико-понятийной основе и тесно связан с вопросом создания подмодуля «Филология» в модуле специальной лексики электронного «Русско-крымскотатарского словаря лингвистических соответствий». Во внимание принимается семантика терминов, извлеченных из научных текстов, учебно-методической литературы и учебников по крымскотатарскому языку и литературе. Филологические термины занимают общую синтаксическую позицию и представляют собой разновидность лингвистического конструкта с определенным типом лексического значения, которое не зависит от контекста и структуры синтаксической конструкции. Термины подмодуля «филология» - это разновидность научной лексики, с помощью которой ученые-филологи объясняют явления языкознания и литературоведения на русском и крымскотатарском языках.

Можно выделить следующие лексикографические параметры лексики создаваемого подмодуля:

- **лингвистические соответствия** в виде перевода термина с одного языка (входного- русского) на другой язык (крымскотатарский - выходной язык), например, филология (рус.) – филология (кр.тат.), языкознание (рус.) – *тильшынаслыкъ* (кр.тат.), литературоведение (рус.) – *эдебиятшынаслыкъ* (кр.тат.);
- **грамматикализация**, например: *тиль* – имя существительное [-i], *эдебият* - имя существительное,[-i], где [-i], [-i] – показатели переднерядности гласных, которые будут использованы для разработки алгоритма автоматической парадигматизации единиц словаря;
- **дефиниция** - научное определение, формулировка понятия (на данном этапе только в крымскотатарской части), например, сказуемое – *хабер*, *хабер муптеданен багъланып*, предмет *не япа? не ола? кимдир? недир? насылдыр?* суаллерине джевап берген ве предметнинъ арекетини ве алыны анълаткъан джумленинъ баш азасыдыр. *Хабер*,

эксерий, фиильнен ифаделене. Бундан гъайры, хабер исим, сыфат, сайы, замирнен ифаделене билир [7];

- **этимология** – происхождение термина (на данном этапе только в крымскотатарской части), например, Фольклор (*инглиз тилинден алынган сёз*) – халкъ агъыз яратыджылыгы демектир;
- **варианты и синонимы** – учитывая тот факт, что крымскотатарская терминология, в том числе филологическая, еще формируется и развивается, можно встретить разные варианты употребления, например, лингвистика – *тильшынаслыкъ, тиль бильгиси* (на 1-ом месте тот термин, что употребляется чаще), словообразовательные и синтаксические дублеты на данном этапе отсутствуют;
- **гиперонимы (родовые понятия)** - термин или термины с более общим значением по отношению к исходному, например, сказуемое – хабер...[синтаксис:];
- **гипонимы (видовые понятия)** - термин или термины с более узким значением, например, хабер (), ...[синтаксис – джумле азалары:...];
- **ассоциативный ряд** – набор терминов - ключевых слов, связанных друг с другом по тематическому признаку, определенному в дефиниции, например: хабер, муптеда, предмет, аркет, ал;
- **контексты употребления** - фрагменты научных статей, взятые из печатных или электронных изданий. Набираются курсивом с указанием источника цитирования;
- **ремарки** - дополнительные сведения произвольного характера, например, указание на полисемию термина (только во входной части словаря), например: слово (см. 1) лексема; 2) грамматическое слово; 3) конструктор).

Совокупность рассматриваемых параметров позволяет создать образец словарной статьи, в соответствии с которой будут описываться термины создаваемого электронного лексикографического ресурса (см. таб.1)

Образец словарной статьи «Подлежащее-Муптеда»

Таблица 1

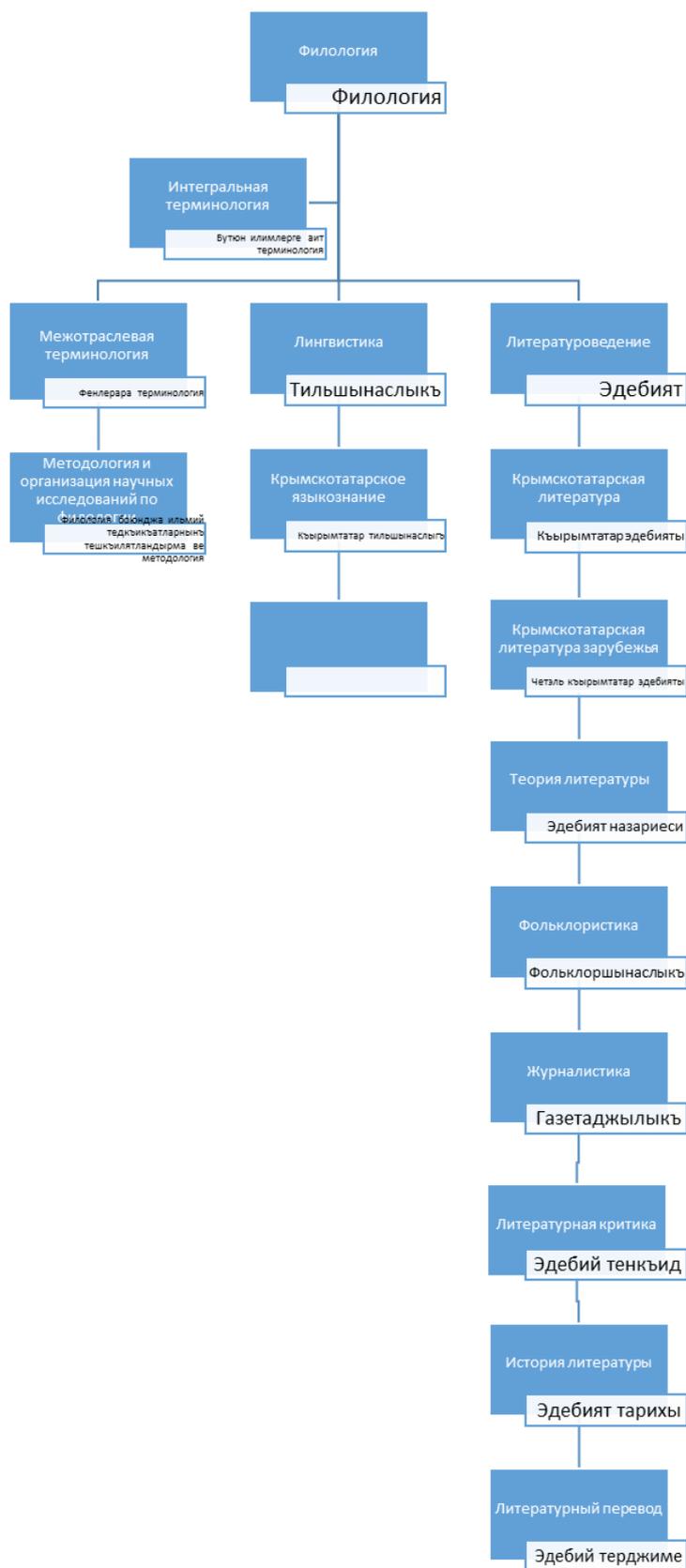
Rus.	Подлежащее
Cr.tat.	Муптеда
Grammar	исим [1]
Etymology	Арап-фарс алынмасы
Term definition	Джумледеки предметни аньлаткъан сёзге муптеда дейлер.
Synonymic Variants	-
Hyperonym	Синтаксис, джумле азалары, баш азалары
Hyponyms	Экинджи дередже азалары
Related terms	Джумле, сёз, предмет
Examples	Джумленинъ негизини муптеда ве хабер тешкиль этер [8].
Remarks	Муптеданынъ хусусиетлери бойле термин сёз бирикмелеринен аньлатылып:

грамматическое подлежащее — грамматик муптеда
группа подлежащего — муптеда такъымы
двуподлежащные предложения - эки муптедалы джумлелер
логическое подлежащее — мантыкъый муптеда
опущение подлежащего — муптеданынь эндирильмеси
подлежащее придаточное предложение — муптедалы таби
джумле
психологический субъект — психологик субъект (психологик
муптеда)
скрытое подлежащее — гизли муптеда
состав подлежащего — муптеданынь теркиби
субстантивное подлежащее — субстантив муптеда

В заключение следует отметить, что каждый термин в модуле «Специальной лексики» лексикографической базы электронного «Русско-крымскотатарского словаря лингвистических соответствий», включая и его синонимы, занимает свое место в заранее смоделированной логико-понятийной системе, которая выделена в виде подмодуля с названием отрасли знания. В нашей работе мы рассмотрели термины подмодуля «Филология».

Лексикографическая параметризация позволяет представить термин элементом филологической терминосистемы, определить иерархическую структуру данной конкретной отрасли знания и частей ее составляющих: лингвистики и литературоведения. Подобная структура является когнитивной моделью отраслевого подъязыка, например: всю фонетическую систему можно представить в виде нескольких блоков «Звук» - «Сес», «Фонема» - «Фонема», «Фонетические процессы» - «Фонетик процесслери», «Суперсегментные единицы» - «Суперсегмент къысымлары», «Суперсегментные средства» - «суперсегмент васталары», «Графика» «Уруфат», «Орфоэпия» «Орфоэпия». Понятия этих блоков связаны между собой. Например, понятия блока «Фонетические процессы» - «Фонетик процесслери» связаны с понятиями блока «Звук» «Сес». Далее происходит детализация понятий, языковое оформление которых зависит от понятийной структуры термина и его места в системе, например на Рис.1в развернутой форме представлена структура словаря и, в частности, структура ее литературоведческой части «Эдебият».

Следующим этапом нашей работы явится описание структуры лингвистических и литературоведческих терминов крымскотатарской филологической лексики, систематизация которой позволит создать подмодуль «филология» для модуля «терминология» электронного «Русско-крымскотатарского словаря лингвистических соответствий».

Литература

1. Фролова Н. Г. Метод тезаурусного моделирования как способ упорядочения научной терминологии [Электронный ресурс] URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-391598.html>
2. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.
3. [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-termine-zaimstvovanie>
4. [Электронный ресурс] URL: http://krimuchpedgiz.com.ua/uploads/posts/2013-09/Edebiat_5.pdf
5. [Электронный ресурс] URL: http://krimuchpedgiz.com.ua/uploads/posts/2013-09/Edebiat_5.pdf
6. Будилева О.Н. Аспекты практической терминологической деятельности [Электронный ресурс] URL: http://cNounit.ssau.ru/iatp/work/budileva/glava_1_1.htm
7. [Электронный ресурс] URL: http://krimuchpedgiz.com.ua/uploads/posts/2013-09/5kl_tili.pdf
8. [Электронный ресурс] URL: http://krimuchpedgiz.com.ua/uploads/posts/2013-09/5kl_tili.pdf

Lexicographic Parameterization of the System of Crimean Tatar Philological Terms

Selendili L.S.,

Full Doctor of Philology, Professor of Crimean Tatar philology cathedra of Crimean Tatar and Oriental Philology Department, V.I. Vernadskiy Crimean Federal University, Simferopol, Russia, lemara2002@hotmail.com

The article contains information on the lexical parameters of the description of Crimean Tatar philological terminology, which will be systematized in the lexicographic system "Russian-Crimean Tatar linguistic correspondences." Each term in the "Special vocabulary" module of the lexicographic base of the electronic "Russian-Crimean Tatar Dictionary of Linguistic Correspondences", including its synonyms, takes its place in a pre-modeled logical-conceptual system, which is highlighted as a submodule with the name of the branch of knowledge. In our work, we examined the terms of the sub-module "Philology".

Keywords: philology, linguistics, Crimean Tatar language, lexical parameterization of terms, Crimean Tatar literary criticism, computer lexicography, lexicographic system, term system

References

1. Frolova N. G. Metod tezaurusnogo modelirovaniya kak sposob uporyadocheniya nauchnoj terminologii [Elektronnyi resurs] URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-391598.html>
2. Lejchik, V. M. Terminovedenie: predmet, metody, struktura. Moscow: Izdatel'stvo LKI, 2007.- 256 S.
3. [Elektronnyi resurs] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-termine-zaimstvovanie>
4. [Elektronnyi resurs] URL: http://krimuchpedgiz.com.ua/uploads/posts/2013-09/Edebiat_5.pdf
5. [Elektronnyi resurs] URL: http://krimuchpedgiz.com.ua/uploads/posts/2013-09/Edebiat_5.pdf
6. Budileva O.N. Aspekty prakticheskoy terminologicheskoy deyatel'nosti [Elektronnyi resurs] URL: http://cNounit.ssau.ru/iatp/work/budileva/glava_1_1.htm
7. [Elektronnyi resurs] URL: http://krimuchpedgiz.com.ua/uploads/posts/2013-09/5kl_tili.pdf
8. [Elektronnyi resurs] URL: http://krimuchpedgiz.com.ua/uploads/posts/2013-09/5kl_tili.pdf